

Раймонд Картье Тайны войны По материалам Нюрнбергского процесса

От издательства

Книга известного французского публициста Раймонда Картье, которая выходит впервые на русском языке в нашем издательстве, представляет значительный интерес для всех россиян. Не только в силу того, что она посвящена эпохальным событиям, свидетелями и участниками которых мы все были. Не только потому, что автор сумел из массы материала, которым он располагал, взять самое главное, самое существенное и изложить это в доходчивой форме. Но и потому, что ознакомившись с предлагаемой книгой, читатели сумеют сделать некоторые выводы и провести некоторые параллели, могущие облегчить понимание сущности происходящего сейчас.

Считаем необходимым, однако, оговорить, что автор в оценке событий и личностей высказывает взгляды, с которыми нам трудно согласиться. В частности, это особенно ярко проявляется в первой главе, посвященной личности Гитлера. Здесь, несомненно, налицо преувеличение значения личности диктатора и умаление роли его окружения, тех сил, на которые он опирался. Недооценивает Картье так же и роль «теории» национал-социализма; ибо именно она имела решающее значение в том факте, что Гитлер пришел к власти при поддержке значительной части немецкого народа. Она же определяла, с другой стороны, и режим оккупации.

Такая ошибочная тенденция Картье объясняется, нам кажется, тем, что он не столкнулся в жизни с диктатурой Гитлера и ее осуществителями — многочисленными маленькими гитлерами. Этим же объясняется и чрезмерный «объективизм» в характеристике самого диктатора.

Следует отметить так же наивность, проявляемую автором в анализе «восточной кампании». Сводить все к суровой зиме и военным ошибкам немецкого командования, ни слова не сказать о «курсе политики на Востоке», о розенберговщине и ее последствиях, наконец, о позиции российского народа, по сути дела и определившей исход всей борьбы, для опытного политического журналиста непростительная ошибка. Правда, она может быть частично объяснена тем обстоятельством, что книга была написана еще в 1946 году.

Право перевода на русский язык книги Р. Картье приобретено нашим издательством у французского издательства «Файар».

Перевод на русский язык сделан Евг. Шугаевым.

Издательство «Посев».

Предисловие автора

Нюрнбергский процесс дает нам ключ к пониманию истории последних десяти лет. Не будь его, — события, приведшие к войне, равно как и самая война остались бы еще надолго загадочными во многих своих частях.

Процесс имел целью покарать преступников. Но эти преступники были министры, генералы, лица, занимавшие высшие посты в «Третьем Райхе». Они являлись участниками всех крупных событий, как внутренних, так и внешних, с момента появления Гитлера. Поэтому суд над ними был судом над режимом в целом, над целой эпохой, над всей страной.

Процесс был тщательно подготовлен.

Незадолго до вступления союзных войск в Германию были образованы специальные отряды, причисленные к Главному Штабу генерала Эйзенхауера, задачей которых было разыскивать, разбирать, классифицировать и охранять все документы неприятеля, могущие

пролить свет на виновность «наци» и на их методы ведения войны. Это было замечательное достижение, блестящий успех методики и организации, заслуга которого принадлежит прежде всего американцам.

На процессе были представлены тысячи документов. Многие из них являлись строжайшим военным или дипломатическим секретом. Если бы Германия выиграла войну или даже если бы конец войны не был таким стремительным и сокрушительным, то все эти документы были бы навсегда скрыты от мира или, в крайнем случае, появились бы лишь много лет спустя.

Таковы, например, архивы верховного командования германских вооруженных сил, захваченные во Фленсбурге. Непостижимо, каким образом, даже в обстановке разгрома, в апреле 1945 года, в Германии не нашлось офицера с зажигалкой, чтобы предать их огню. Но, к счастью, немцы благоговеют перед бумажками и перед архивами. И благодаря этому, судьи в Нюрнберге имели в своем распоряжении директивы Гитлера, протоколы его секретных совещаний и главных заседаний военных советов, планы верховного командования и т. д. Иначе говоря, самую суть истории и в то же время неоспоримые доказательства замыслов и преступлений «нацистов».

Кроме бумаг, в Нюрнберге были представлены также и люди. Не только обвиняемые, но и свидетели. Все, что осталось от эпохи «Третьего Райха», явилось в здание суда, чтобы свидетельствовать, — большей частью недобровольно, — об истине. Одни показания свидетелей составляют много тысяч страниц. Они не ограничиваются фактами: они дают освещение их, тени и краски и, даже, аромат эпохи.

Что касается генералитета, то перед судьями предстали все, оставшиеся в живых, вожди германских вооруженных сил. Пятеро обвиняемых: Геринг, Кайтель, Иодль, Редер и Денитц. Десятки свидетелей: маршалы и генералы фон Бломберг, фон Браухич, фон Рунштедт, Гальдер, Мильх, Паулус, фон Фалькенхорст, фон Фалькенхаузен, Гудериан, Варлимонт и т. д.

Целью процесса было покарать виновных, а не писать историю. Поэтому масса разоблачений, содержащихся в документах и в показаниях свидетелей, были оглашены на суде лишь частично или совсем не были оглашены оставаясь следственным материалом. Председатель суда — сэр Джоффри Лоренс — часто останавливал подсудимого или свидетеля словами: «Это не интересует суд». Со своей точки зрения он был прав. И кроме того он руководился желанием сохранить время.

С другой стороны дебаты часто бывали так длинны и монотонны, что пресса подчас не имела ни терпения, ни возможности давать о них подробные отчеты, в особенности французская пресса. Достаточно вспомнить, что во время процесса газеты во Франции выходили всего на двух страницах.

Таким образом разоблачения, сделанные в Нюрнберге, остались для широкой публики тайной. Пытливые умы до сих пор еще бьются над загадками, на которые уже давно дан ответ.

Я изучал материалы Нюрнберга в течении нескольких месяцев. Я не смею утверждать, что я знаю их досконально, но я надеюсь, что я постиг их сущность. И их сущность я даю в этой книге.

Это не отчет и не анализ процесса. Анализ почти отсутствует в моей работе. Вопросы о виновности я вовсе не рассматриваю. Я не даю ни оценок, ни заключений. Я только рассказываю.

За некоторыми исключениями, рассказ мой ограничивается военными событиями. Он основан только на документах и на показаниях. Я старался как можно меньше говорить от себя, предоставляя слово материалам.

Я, однако, полагал необходимым извлечь из документов и выставить не первый план все детали, которые помогли бы осветить столь мало известную личность Гитлера. Она казалась мне одной из главных, быть может самой главной тайной войны. Невозможно понять ход событий, пока не очерчена центральная фигура драмы; и без сомнения будущие

историки диктатора найдут в документах Нюрнберга богатый материал для своих исследований.

В остальном рассказ идет в хронологическом порядке. Это, в своем роде, история войны в изложении самих немцев. Я думаю, что в этом рассказе для читателя будут сюрпризы и даже, может быть, откровения.

I. Что нюрнбергские документы сообщают нам о Гитлере

До 1945 года мир мало и плохо знал Гитлера. К рассказам эмигрантов, вроде Германа Раушнига, надо было относиться осторожно. Германским издателям было запрещено опубликовывать биографию фюрера. Редкие иностранные журналисты, которым удавалось к нему приблизиться, все были, — сознательно или нет, — орудиями политической игры и не могли разглядеть подлинной личности Гитлера. Родственники, друзья — обязаны были молчать. Единственным источником являлась книга «Моя борьба», где Гитлер говорит сам о себе.

В противоположность Муссолини, который охотно давал знать о себе все подробно, Гитлер не раскрывал себя, он окружил себя тайной. Рассказывали о его несчастной юности, о четырех годах, проведенных на войне в качестве простого солдата, о его вегетарианстве, об отвращении к табаку, о его бессонице, о вспышках гнева, о действии его взгляда — и это все, что о нем было известно.

И тем не менее знакомство с Гитлером совершенно необходимо для понимания мировых событий на протяжении 15 лет. Он в центре драмы. Почти все находит свое объяснение в его личности. Нюрнберг срывает с него покрывало.

Наиболее полным свидетельством о нем являются показания Кайтеля, начальника его личного штаба. Они жили вместе все годы войны. Кайтель знал Гитлера, как лакей знает своего господина. Он видел его за работой, за едой, в постели, в минуты гнева и неистовства. Он не все рассказал, так как его не обо всем спрашивали, — и это очень жаль. Но в следственных материалах имеется опросник, заполненный Кайтелем, посвященный исключительно Гитлеру. Сущность его приведена в нижеследующих отрывках.

Простота Гитлера, говорит Кайтель, была подлинной. Его вегетарианство, воздержание от алкоголя, скромность в одежде — не были аффектацией. Он не был аскет, но он был человек с умеренными потребностями.

Он сохранил за собой то помещение, которое он снимал в Мюнхене в ту пору, когда он начинал свою карьеру, как агитатор. Квартирка из трех маленьких, низких комнат в третьем этаже, на углу Принцрегентенштрассе. Она служила впоследствии Гитлеру, как приватное его помещение. Он приходил туда время от времени со старыми друзьями, провести вечер и поболтать. Один полицейский дежурил в это время на лестнице, а второй гулял перед домом. Другой охраны не было.

Дом был скромный, населенный трудовым людом. Жильцы жили тут по много лет, а за это время их сосед по квартире «герр Гитлер» стал владыкой Германии и бичом всего мира.

Однажды Мартин Борман купил этот дом и поднес его в подарок Гитлеру. Фюрер радовался как ребенок.

О своей берлинской резиденции Гитлер говорил:

«В старом здании Государственной Канцелярии у меня есть спальня, столовая, рабочий кабинет и музыкальный салон для моих приемов. Я знаю, что это скромно, но мне там хорошо и никто не заставит меня оттуда выехать».

Тем не менее он приказал строить Новую Канцелярию. В течении десяти месяцев на Вильгельмштрассе вырос мраморный дворец, которому суждено было через шесть лет рассыпаться в прах. Торжественное открытие дворца было приурочено к новогоднему дипломатическому приему. Накануне 1 января 1939 года Гитлер осмотрел последний раз

великолепные помещения, остановился перед грандиозной перспективой зал и лестниц, скрестил руки и улыбнулся:

«Сегодня, — сказал он, — мне, по крайней мере, не придется краснеть перед Франсуа Понсе, когда он будет оглядывать все своим пренебрежительным взглядом. Теперь я действительно хорошо устроен и я покажу этим господам, что я тоже умею быть представительным, когда это нужно».

Изумительный комплекс менее-ценности! Насмешливая улыбка французского посла смущала того, перед кем трепетал целый свет.

Гитлер любил женское общество. Женщины умеют слушать. Они умеют восхищаться. Они составляли часть той аудитории, перед которой он, страдая бессонницей, по ночам развивал свои сумасбродные идеи и свои фантастические проекты.

В Бергхофе, — рассказывает Кайтель, — всегда жило четыре, пять женщин. Фрау Шпеер приезжала очень часто, также как и фрау фон Белов, жена одного из адъютантов Гитлера. Другие приезжали нерегулярно. Гитлер приглашал их в Берхтесгаден, когда он предполагал провести там некоторое время, чтобы дать им возможность увидеться со своими мужьями.

Кайтель знал также и Еву Браун. Здесь не было никакой тайны. Ева Браун работала как фотограф-репортер у Гофмана и была личным фотографом фюрера. Гитлер знал ее уже давно, еще с первых лет борьбы за власть, и возможно, что в те годы она была его подругой. Но все, что касается любовных дел Гитлера, покрыто строгой тайной.

Кайтель так описывает Еву Браун:

«Несколько ниже среднего роста. Очень стройная и элегантная светлая шатенка. У нее были очень красивые ноги и это бросалось в глаза. Очень мила и красива. Она была, если не застенчива, то во всяком случае, очень сдержанна. Всегда держалась в тени и в Бергхофе бывала не часто».

Кайтель опровергает слухи, будто у Евы Браун было двое детей от Гитлера. Он опровергает и еще одну легенду: будто существовала таинственная комната, всегда запертая, где Гитлер хранил сувениры своей большой любви, пресеченной смертью. Такой комнаты не было.

Гитлер не был ни ненормальным, ни импотентом; но его сексуальные импульсы были отодвинуты на задний план, заслонены стремлением к власти и проявлялись слабо и порывами.

Атмосфера, в которой протекала его жизнь, была тосклива. На него находили иногда порывы радости, но они всегда были вызваны политическим успехом или победой на фронте. И они носили такой же неистовый характер, как и его приступы ярости. Он топал ногами и весь налился кровью, когда узнал, что его танки захватили Аббевиль; и чуть не упал в обморок от радости при известии о капитуляции Франции. Он никогда не знал ни в чем удержу. Он не был большим работником, но он не знал и развлечений. Он не играл в карты, не охотился, не ловил рыбу, не управлял автомобилем, не плавал, ничего не коллекционировал и, так как он к тому же почти не спал и мало ел, жизнь его сводилась к двум занятиям: он говорил или размышлял.

Здесь мы касаемся самой феноменальной стороны Гитлера, его подлинной тайны: его абсолютной сосредоточенности и устремленности к одной цели. Это был неиссякаемый духовный поток, который ничем нельзя было остановить или задержать. Он жил всецело и исключительно одной мыслью, одной заботой, одной мечтой — своей миссией. Он был той же породы, что маньяки с их навязчивой идеей или тюремные узники, одержимые мечтой о победе.

Эта темная, пожирающая страсть поглощала его целиком и лишала его всякого контакта с людьми; она его герметически изолировала. Он мог быть любезным и даже улыбаться, но между ним и теми, кто к нему подходил по двадцать раз в день, перегородки службы и иерархии никогда не исчезали. Маршал Ланн до самой смерти говорил «ты» Наполеону, но никто и никогда не говорил «ты» фюреру.

«Он знал обо мне, — сказал в Нюрнберге Иодль, — что меня зовут Иодль, что я генерал и может быть угадывал по моему имени, что я баварец... И это все».

Ничто не умеряло суровости в окружающей его обстановке, и те, кто ему служили, должны были заранее проститься с личной жизнью.

«Ставка фюрера, — говорит Иодль, — представляла собою нечто среднее между монастырем и концлагерем. Мы не были оцеплены колючей проволокой, но для входа и выхода нужен был специальный пропуск, которым из моих офицеров обладал лишь один мой адъютант генерал Варлимонт. Никакой шум света не достигал до нас».

Вокруг Гитлера не смеялись, не шутили, не курили, не пели. Вся жизнь сведена была к службе и скуке.

«Я делал все возможное, чтобы уйти, — говорит Кайтель. — Двадцать раз просил я маршала Геринга дать мне назначение на фронт. Я — фельдмаршал, — удовлетворился бы дивизией».

Иодль говорит то же самое:

«Я пустил в ход все средства, чтобы быть посланным в Финляндию, к горным войскам. Но фюрер не любил новых лиц вокруг себя».

Это правда. За все годы войны у него одни и те же адъютанты: Шмундт, Гольцбах, Белов. Не то, чтобы Гитлер их любил — он не любил никого; но он был человек привычки, и те, кто удостоился чести быть около него, должны были нести свой крест до конца.

Гитлер не был усидчивым работником. Он не просиживал долгие часы за своим письменным столом, как Муссолини. Он высмеивал своего предшественника канцлера Брюнинга за то, что тот сам составлял законопроекты, представляемые в Райхстаг. Он ненавидел длинные доклады. Беспокойность его ума не допускала серьезного чтения (за одним исключением, о чем будет речь впереди), но он особенно любил детективные романы, которые он поглощал с молниеносной быстротой.

Единственная вещь, которую он лично подготовлял с большой тщательностью, были его речи. «Он их сперва диктовал, — говорит Кайтель, — потом перечитывал, изменял и переделывал по два, три раза.

Ударные места речей, потрясавшие весь мир и производившие впечатление вдохновенной импровизации, заучивались им наизусть».

«Было необыкновенно трудно, — говорит далее Кайтель, — делать ему самый обыкновенный доклад. Он вас прерывал на первой же фразе и начинал говорить сам вместо вас. Сотни идей рождались непрерывно в его мозгу. Нет в мире человека, который имел бы столько идей, сколько Гитлер»

Он приписывал себе исключительную силу интуиции и синтеза. Он верил в свою способность схватывать налету смысл событий и явлений. В то время, как другие должны были идти путем кропотливого анализа, его интуиция сразу освещала ему все дело. Он был убежден также, что он умеет сразу безошибочно разгадывать и оценивать людей.

«Мне достаточно, — говорил он, — часу разговора с любым человеком, чтобы его доподлинно изучить и знать точно, чего надо в нем опасаться и чего можно ожидать от него».

Кайтель неоднократно предостерегал его от опрометчивых суждений, которые он составлял о генералах. Гитлер даже не слушал его.

Он обладал недюжинными познаниями, которые позволяли ему сходить за гения в глазах тех, кто его видел случайно. Он питал пристрастие к проблемам наследственности и способен был часами говорить о сифилисе или о подборе рас. Он никогда не сидел за рулем автомобиля, но точно знал все типы машин; он сравнивал их качества, чертил схемы моторов, намечал усовершенствования. Благодаря богатству воображения, он был сродни изобретателям.

И в то же время он глубоко презирал профессию техников.

«Техники, — говорил он, — это люди, которые знают лишь одно слово: нет. Что бы вы от них ни захотели, они всегда начнут вам объяснять, почему это невозможно. Никогда творческая искра не сверкает в голове техника. Я предпочитаю аматеров и дилетантов: у них одних есть идеи».

На этом систематическом презрении к препятствиям Гитлер построил всю свою систему командования.

«Я знаю, — говорил он, — что я требую невозможного. Это единственный способ получить возможное, и то далеко не всегда. Если бы я требовал только возможного, я не получал бы почти ничего».

Кайтель приводит примеры;

«Фюрер спросил меня однажды: Сколько мы выпускаем ежемесячно легких полевых гаубиц? — Около 100. — Я приказываю производить 900. Сколько производим мы зенитных снарядов? — Около 200.000. — Я хочу 2.000.000. — Но каждый снаряд снабжен сложным детонатором, а у нас всего несколько заводов, изготавливающих эти детонаторы. — Я поговорю со Шпеером. Он нам построит новые заводы и через шесть месяцев я буду иметь два миллиона снарядов».

«В другой раз, в конце 1944 года он спросил Шпеера: сколько пулеметов выпускаем мы ежемесячно? — 3.500. — Вы мне сделаете рождественский подарок, с Нового Года я хочу иметь 7.000...Нет, нет, мой милый Шпеер, не говорите мне, что это невозможно. Мне не надо вашего ответа, мне нужны пулеметы. Ведь вы не откажете в рождественском подарке вашему фюреру?»

Когда финансисты говорили Гитлеру: «Нет денег», — он отвечал: «Вы здесь на то, чтобы их найти». Когда промышленники ему говорили: «Не хватает времени», он отвечал: «А вы поторопитесь, и тогда хватит». Когда генералы докладывали: «Не хватает людей», он готов был ответить: «Так сделайте их».

«После высадки в Нормандии, — рассказывает далее Кайтель, — фюрер сказал мне: — Так как у нас появился новый фронт, то нам нужно еще несколько дивизий. Сколько вы можете сформировать из запасных частей? — Я думаю, десять. — Он вспыхнул: Чепуха. Мне нужно сорок. — Мы спорили до изнеможения и сошлись на компромиссе — двадцать пять дивизий. Но он на этом не успокоился. Он обратился к Иодлю, начальнику Главного Штаба Армии, к командующему резервными частями, к командующему Ландштурмом. Он произнес перед ними своего рода пропагандную речь и дал им восемь дней для разработки конкретных мер. В конце концов мы сформировали двадцать пять пехотных дивизий и пять танковых, итого тридцать дивизий. После этого Гитлер сказал мне: — Видите, как я был прав. Если бы я вас послушался, я имел бы всего десять дивизий. Надо всегда требовать невозможного. — Но в действительности мы могли его успокоить лишь тем способом, что сняли несколько полков с фронта, переформировали их и окрестили дивизиями».

Эта неумолимая требовательность, это отрицание невозможного, подкрепленные бешеным гневом и страшными угрозами, без сомнения позволили Гитлеру выжать из Германии гигантские усилия, подлинные подвиги, как в боях, так и в индустрии. Но с другой стороны это вело к самообману и иллюзиям. «Мои генералы, — говорил Гитлер с удовлетворением, — никогда не заявляют мне, что им не хватает орудий, снарядов или танков». Да, они остерегались этого. Но зато они подавали часто фальшивые рапорты, и не раз вместо реальной силы, на которую Гитлер рассчитывал на основании рапортов, он находил лишь фикции.

«И между тем, — говорит Кайтель, — Гитлер был крайне недоверчив».

«Я знаю, — говорил он, — что рапорты, которые мне подаются, всегда приношены к моим идеям. Поэтому я должен дважды проверить, раньше чем поверить».

Недоверчивость была врожденным качеством Гитлера, существенной чертой этого дикого, сумрачного характера. И она все усиливалась в течении всей его жизни, начиная с его бедной, безрадостной юности, затем в течении его тяжелой борьбы за власть. Несколько раз он чуть не был сметен водоворотом политических сил. Он долго вел беспокойную,

неуверенную жизнь, среди сомнительных людей, как Рем и Грегор Штрассер. Достигнув вершины могущества, по-видимому несокрушимого, он и там сохранил хмурый и беспокойный вид, свойственный тиранам. Полное сосредоточение командования в его руках было не только следствием его абсолютной авторитарности, но в то же время и мерой предосторожности.

Нюрнбергский процесс полностью и окончательно осветил сущность и природу национал-социалистического режима. Режим — это был Гитлер и все сводилось к нему одному.

У него не было советников. У него не было друзей. У него не было даже доверенных людей. За ним не стоял «некто в сером», кто был бы тайной пружиной всех событий; никакого Ришелье или Сюлли, не было даже Талейрана или Фушэ. Гитлер был в трагическом одиночестве. «Третий Райх» состоял из сверхъестественного гения и коленопреклоненных подданных.

В Нюрнберге Геринг делал отчаянные усилия, чтобы сохранить за собою свое значение. Даже на скамье подсудимых, с ощущением веревки на шее, он продолжал вызывающе отстаивать свое второе место в «Третьем Райхе». Но его собственные показания опровергают его претензии. Он был, как и все, далек Гитлеру. Он не принимал абсолютно никакого участия в его решениях.

«В марта 1939 года, — заявляет Геринг, — я проводил свой отпуск на Ривьере, когда я получил письмо от Гитлера, с извещением, что Чехословакия становится невыносимой угрозой и что он решил ее ликвидировать. Я тотчас вернулся в Берлин. Гитлер показал мне документ из разведывательного отделения и сказал мне, что Чехословакия готова стать плацдармом Европы для нападения на Германию.

Я рекомендовал ему терпения и подчеркнул, что нарушение Мюнхенского соглашения явилось бы сильным ударом по престижу Чемберлена и привело бы, вероятнее всего, к власти Черчилля. Гитлер меня не слушал.

Я прибыл в Берлин всего за несколько часов до приезда президента Гахи. Я был возмущен, так как вся атмосфера была мне поперек горла. Я показал это Гитлеру, отказавшись сопровождать его в Прагу».

На Гитлера это возмущение его первого заместителя не произвело ровно никакого впечатления. В дальнейшем он по-прежнему не интересовался его мнением. Когда он принял решение воевать с СССР, — наиболее судьбоносное решение всей германской истории, — он только протелефонировал Герингу: «Я решил объявить войну России».

Геббельс был марионеткой, послушной каждому слову Гитлера. Гесс — лишь старшим его адъютантом. Борман был просто грубое животное. Гимmlера никогда не спрашивали о его мнении. Наконец и Риббентроп имел тоже лишь минимальное значение. Никаких таинственных личностей, которые шептали бы свои советы фюреру на ухо — не было и в помине. Главный Штаб был совершенно беспомощен, как видно из показания Геринга.

«Никогда, — говорит Геринг, — ни одного генерала не спросили, одобряет ли он ту или иную политику. Когда Гитлер излагал свои военные планы, ему и в голову не приходило задавать такой вопрос. Невозможно себе даже представить, чтобы какой-нибудь генерал поднялся и сказал:

«Мой фюрер, я считаю, что вы ошибаетесь; я не согласен с пактом, который вы заключили и с теми мерами, которые вы хотите принять». Такой генерал был бы немедленно расстрелян, а все остальные сочли бы его за сумасшедшего».

Ни один из политических шагов Третьего Райха не подвергался предварительному обсуждению. Государственный Совет, которого номинальным президентом был Шахт, не собрался ни разу. Совещания собирались только по вопросам выполнения уже принятых решений, но не для обсуждения и решения проблем. Самые же решения принимались следующим образом: Гитлер призывал трех, четырех приближенных, ближе всего стоявших к данному вопросу, излагал им свой проект и говорил: «Вот чего я хочу. Что вы предлагаете?» В начале своей карьеры он еще выслушивал возражения. В конце ее он не

слушал уже ничего.

Он не терпел, чтобы кто либо имел общее суждение о его политике и его замыслах. Он говорил:

«Каждый должен знать только то, что его непосредственно касается и только в нужный момент, т. е., вообще говоря, как можно позже».

Поэтому его дипломаты не имели понятия о его военных планах, а его генералы — о политических замыслах. Те, что ковали оружие, не знали, для чего это оружие предназначается.

Кайтель свидетельствует, что ОКВ, т. е. Верховное командование вооруженными силами, не смело давать министерству иностранных дел хотя бы малейшие сведения о военных операциях. А Риббентроп заявляет, что министерству иностранных дел было запрещено давать Верховному Командованию хотя бы малейшие сведения о ходе дипломатических дел. Шпеер, министр вооружения член кабинета министров, утверждает, что он узнал о вступлении германских войск в Польшу только по радио. Это кажется безумием, но это факт.

Но эти слепые сподвижники фюрера мирились со своей слепотой. Почти до самого Нюрнберга они оправдывали эту систему управления, которая сводила их деятельность к роли зубчатых колес машины и все же, в конце концов, привела их на скамью подсудимых и на виселицу.

«Демократия, — сказал Геринг, — привела Германию к катастрофе. Только принцип вождя мог ее спасти».

Справедливость требует отметить, что среди массы людей, увлеченных этой чудовищной системой, нашлись все же немногие, которые уже очень скоро были охвачены серьезным беспокойством. Мы дальше встретимся с такими примерами. Тем не менее, даже те, кто не были «наци», даже те, кто отворачивались от их идеологии, все же повиновались и служили режиму.

Привычка к повиновению, всегда особенно сильная на вершинах иерархии и сознание, что судьба Германии волей-неволей связана с национал-социализмом, — объясняют многое, но далеко не все. История несомненно должна будет исследовать то необычайное влияние, которое Гитлер оказывал на ум и волю всех своих соратников. Материалы Нюрнберга, показания обвиняемых и свидетелей и рассказы людей, знавших фюрера, помогут раскрыть ту атмосферу почти колдовского наваждения, в которой развертывалась трагедия Германии.

Наибольшее впечатление производит свидетельство человека, ныне уже умершего, который по своему рождению и по своему прошлому был далек от национал-социализма, человека, который пытался сдержать Гитлера, но которого Гитлер обманул, сломил и выбросил, — маршала фон Бломберга.

«Было невозможно, — рассказывал Бломберг, — противоречить Гитлеру; и не только потому, что он говорил всегда с огромной убедительностью и страстностью, но также и потому, что от него исходило какое-то излучение, что-то магнетическое, что заставляло людей следовать за ним и принимать его идеи. Он овладевал вами и увлекал вас помимо вашей воли. Он обладал огромным личным магнетизмом, колоссальной властью внушения».

Кайтель, который был не очень интеллигентен и не шел дальше простых сравнений, сказал: «Гитлер был страшный мотор».

Да, настолько страшный, что он швырнул Германию в пропасть.

* * *

«Одной из самых замечательных черт Гитлера, — говорит Кайтель, — была его необыкновенная привязанность к «старой гвардии» партии».

«Старая гвардия» — это первые члены партии, собиравшиеся в пивных Мюнхена, участники «путча» в Фельдгеррnhалле. Все они были авантюристы, люди без профессии, бездельники, готовые на все, из которых политика сделала убийц. Они все стали впоследствии райхслайтерами и гаулайтерами, т. е. правителями и губернаторами, новой аристократией Германии. Некоторые из них очутились на скамье подсудимых в Нюрнберге: матрос Заукель, учитель Штрайхер, полицейский Кальтенбруннер. Большая часть их принадлежала к низшим классам общества и почти все были родом не из Пруссии, — которая дала очень мало партийцев, — но из южных и западных областей Германии.

Они все сказочно разбогатели. Они мстили обществу за свои годы нищеты. Гитлер знал это и одобрял. «Почему, — говорил он, — мои старые соратники должны оставаться с пустыми руками? Они боролись, они страдали и справедливость требует, чтобы они были вознаграждены. Ведь они сами себя сделали».

Аскет защищал чревоугодников.

«Ничто, — говорит Кайтель, — не могло оторвать фюрера от его «старой гвардии». Он сохранял к ним дружеские чувства даже в тех случаях, когда он вынужден был снимать их с должностей за повторные ошибки или за полную неспособность, и даже в тех случаях, когда они вступали в конфликт с уголовными законами».

Это верно: для такого прохвоста, как Штрайхер, которого Гитлер должен был убрать с поста гаулайтера Франконии, двери и рука фюрера до конца остались открытыми. Ибо Штрайхер был рядом с Гитлером во время путча в Мюнхене и он был одним из тех, кто ему помог в борьбе с Ремом.

Гитлер чувствовал себя как бы главою клана или вернее шайки, и в его глазах наибольшей доблестью была верность ему, его особе. Те, кто блюли эту верность, имели взамен право на его протекцию и на систематическую безнаказанность, которая ставила их выше всех законов. Те, кто нарушали верность, — умирали. Товарищество, это братство бездомных, было пожалуй наиболее сильным человеческим чувством в сердце Гитлера.

Муссолини принадлежит к той же категории. На последующих страницах мы познакомимся с чувством глубокого уважения и восхищения, какое фюрер питал к дуче. К этому присоединялась еще и подлинная личная привязанность. Несколько раз итальянская политика и военная неспособность Италии ставили Германию в серьезное и даже ужасное положение; и тем не менее ни разу слово досады или упрека не вырвалось у Гитлера: Муссолини был его соратник, его боевой товарищ. Они оба родились и выросли среди бедняков, оба служили и страдали, как простые солдаты, в окопах. Сходство их частной жизни и карьеры поражало Гитлера, он видел в этом знамение.

«Мы живем, — говорил он, — под одним знаком судьбы». Зато Гитлер ненавидел всякую наследственную элиту. Он говорил, что роль родовой аристократии кончена и ей остается только красиво умереть. Он постоянно предупреждал буржуазию, что ей, не будет места в реорганизованной Германии. Он ненавидел дипломатов и называл министерство иностранных дел «клубом пораженцев». Но особенно он ненавидел генералов. Он их всячески третировал, оскорблял, издевался над ними и, наконец, прогонял их. Он, по-видимому, ударил собственноручно одного из маршалов. В свете разоблачений Нюрнберга покушение 20 июля представляется логическим ответом на это отношение фюрера, актом самозащиты и мести оскорбленной и униженной касты. Но оно дало Гитлеру повод к деянию, которое заставило побледнеть от зависти самых неистовых анархистов: он приказал повесить генералов на крюках для мясных туш из лавки мясника.

Факты, сообщенные Кайтелем, доказывают систематическую несправедливость Гитлера к своим военачальникам. Он искал случаев поймать их на промахе, чтобы немилосердно смещать их с командования. Он заставлял их расплачиваться за ошибки, которые делал он сам. Он сам это сознавал и признавал. «Нужно, — говорил он, — чтобы генералы расплачивались за неудачи, потому что их можно заменить, тогда как мой престиж является единственным, незаменимым капиталом; его ни в коем случае нельзя трогать или расшатывать».

Немецкие генералы проделали всю войну под вечной угрозой отрешения от командования, предоставленные произволу жестокого и капризного тирана, под непрерывным контролем и слежкой партии. В германской армии не было политических комиссаров, но было нечто худшее: агенты Гимmlера.

«Никто и никогда не мог понять, — рассказывает Кайтель, — почему фюрер отставил такого блестящего военачальника, как маршал Лист. Ему нельзя было поставить в вину ни одной профессиональной ошибки, и он с исключительным успехом провел кампанию на Балканах. Сам Гитлер неоднократно высказывал свое удовлетворение им. В этом деле несомненно таится какая-то темная махинация, работа подземных сил — может быть Гимmlера — которые успели занести имя Листа на черную доску».

Фалькенхорст завоевал Норвегию. Покрытый славой, он имел неосторожность пожаловаться на один из полков СС, входивших в его армию. Гитлера это взорвало: «Не мои СС плохи, а командование Фалькенхорста». И генерал исчез.

Гитлер исключительно высоко расценивал маршала фон Рунштедта. Он говорил: «Если бы Рунштедт был на десять лет моложе, я бы ему вверил главное командование всей армией. Я хорошо знаю, что это генерал старого прусского образца и что он не любит национал-социализма; но это превосходный офицер, и я хочу, чтобы история признала, что в выборе генералов я не руководился никакими иными соображениями». Но это не помещало Гитлеру освободиться от Рунштедта в три приема, приговаривая каждый раз: «Он стареет и теряет нервы. Я его больше не хочу».

Враждебное отношение Гитлера к генералам имело как принципиальные, так и личные причины. «Он видел в армии, — говорит Кайтель, — тот старый буржуазный дух, против которого он боролся 15 лет. Когда Рем пытался заменить Райхсвер соединениями СА, то Гитлер восстал против этой идеи, так как он признавал за старой армией большой опыт и знания, но тем не менее он не любил ее». Простой солдат первой мировой войны, прошедший четыре года в окопах и блиндажах, сводил теперь счеты с военной иерархией, которая подавляла его так долго. Теперь он мстил тем, кто носил серебряные погоны, кто свысока смотрел на жалкого пехотинца. В Гитлере, — завоевателе и верховном главнокомандующем, — таился антимилитаризм известного типа: злоба рядового к золотопогонникам.

Главный Штаб долго противился проектам фюрера. И Гитлер в сердце жгучую обиду, неутолимую ненависть и неугасимый гнев. Он был непогрешимым, которому нанесли оскорбление, Богом, в котором позволили себе сомневаться.

«Фюрер, — заявил на процессе Кайтель, — был болезненно чувствителен к мысли, что генералы недостаточно его признавали».

Судьи просили маршала пояснить, что он разумел под этими словами.

«Конечно Гитлер никогда об этом не говорил вслух, но про себя он должен был говорить так: «Генералы все еще смотрят на меня, как на бывшего ефрейтора первой войны и, когда я говорю о военных делах, они спрашивают себя: «Откуда он может это все знать?» Я повторяю, что Гитлер мне этого никогда не говорил, но мне, молчаливому наблюдателю, всегда казалось, что это ощущение глубоко сидит в нем. К сожалению, я был не единственный, кто замечал это. Другие это тоже подмечали и они пользовались этим, чтобы возбуждать фюрера против неугодных им лиц. Всем было известно, что существует верное средство, чтобы погубить любого генерала в глазах Гитлера: это донести, что он, получив приказ фюрера, встретил его словами: «Это невозможно. Это нелепо». — Такой человек был конченный».

На безмолвную сдержанность, немой отпор, который он ощущал в отношении себя, Гитлер отвечал либо безудержным гневом, либо уничтожающим презрением.

Можно почти без преувеличения сказать, что он считал всех вообще генералов за ископаемых и дураков. Он упрекал их в полном отсутствии воображения, в отказе принять идеологию национал-социализма, в презрении к партии и ее вождям, в идейной закостенелости и рутине, — например в рыцарских представлениях о войне, которые приводили его в

ярость. Он говорил: «Я не могу ожидать от моих генералов, чтобы они меня понимали, но я могу требовать, чтобы они меня слушались». Перед высшими чинами армии он держал такие речи: «Эти идеи слишком высоки для вас; они вам не по плечу, но имейте ввиду, что я ожидаю от вас повиновения».

Особенно велика была его ненависть к Сухопутной армии, в которой он находил наибольшее выражение старого прусского духа. «У меня, — говорил он по словам Иодля, — национал-социалистическая авиация, христианский флот и реакционная армия». В устах Гитлера «реакционный» было бранным словом, почти равносильным тупому, полускотскому. Поэтому он обращался с авиаторами дружески, с моряками снисходительно, а с армейскими генералами — как с собаками.

Но при этом надо признать, что Гитлер действительно далеко превышал этих профессиональных военных в их области.

Это для нас неожиданность, поразительный сюрприз. Но доказательства налицо. Свидетельские показания, документы и прения в Нюрнберге обнаруживают обширные познания и поразительные способности Гитлера в военном деле. Они совершенно бесспорно устанавливают, что он был одновременно создателем и подлинным руководителем новой германской армии. И притом он один! Напрасно искали бы мы подле него советника, наставника, скрытого гения. Мы найдем лишь помощников, да иногда противников. Кайтель и Иодль вместе взятые были для него тем же, чем Бертье был для Наполеона. Остальные — Браухич, Рунштедт, Роммель, Гудериан — могут быть поставлены рядом с такими фигурами, как Ожеро и Мюрат, но далеко ниже, чем Даву или Массена. И я глубоко убежден что в историю этот мрачный человек войдет более всего как полководец, и что будущие слушатели военных академий (если такие будут в эпоху атомной энергии) будут изучать его кампании так же, как они изучали походы Густава Адольфа и Фридриха II.

«Фюрер — говорит Геринг, — лично оказал глубокое влияние на перевооружение армии. Он обладал обширными военными познаниями. Его интерес был всегда направлен к морским силам и к артиллерии. Очень часто он сам определял количество и тип орудий, пулеметов и т. д., подлежащих изготовлению. Главным его делом была армия, авиацией он начал интересоваться с 1944 года. Вначале он не проявлял большого интереса к танкам, но он быстро оценил их значение и это благодаря ему германская армия завела тяжелые танки. Он настоял на них вопреки мнению Главного Штаба Армии, который их не хотел. Он построил все кампании в Польше и во Франции на использовании танковых дивизий».

«Его манера командования была следующей: он давал общие директивы получал соображения отдельных главнокомандующих, согласовывал их и составлял один общий план, который он комментировал перед главными начальниками. Он советовался и собирал мнения, но я должен признать, что все главные стратегические идеи принадлежали лично ему. Он обладал большим дарованием в области стратегии».

То же самое подтверждает и Кайтель:

«Фюрер, — говорит он, — не получил никакого военного образования, но у него была гениальная интуиция. Он создал сам себя, он в одиночестве изучал тактику и стратегию. Мы, генералы, чувствовали себя перед ним не как учителя, но как ученики».

«Все офицеры, знавшие его, могут подтвердить, что он был настолько осведомлен об организации, вооружении, снабжении и командовании всех армий и. — что еще более изумительно — всех флотов, что было абсолютно невозможно поймать его на ошибке, хотя бы в одном пункте. В течении тех лет, что я провел подле него в его ставке, я мог констатировать, что он посвящал свои ночи изучению таких военных авторитетов, как Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен. Там черпал он те познания и идеи, которые повергали нас в ошеломление».

Единственным диссонансом является показание Браухича. «Гитлер, — говорит он, — считал себя великим военным гением, но он ошибался». Но Браухич лично вынес так много грубости и несправедливости от Гитлера, что его суждение является, быть может, не вполне объективным. Наоборот, Иодль, начальник Главного Штаба, хорошо знакомый с военной

историей, признает, что он был восхищен гениальной простотой и смелостью стратегических идей Гитлера.

Мы стоим перед фактом необыкновенной природной одаренности, исключительного призвания. Оно вполне отвечает характеру личности. Этот человек, который с того момента, когда он осознал самого себя, жил только для власти, для господства, естественно искал в военном деле выхода для своих инстинктов и средства для осуществления своих целей. Первым его чтением была история франко-прусской войны 1870 года, — старая связка иллюстрированных выпусков, которую он нашел в шкафу отцовского дома. Он зачитывался ею до потери сознания. Он говорил сам о себе: «Я всегда был солдатом. Мою карьеру можно понять только с этой точки зрения». И дальше: «Самым тяжелым решением в моей жизни было то, которое я принял в 1919 году, — это бросить армию и стать политиком».

Само по себе, это заявление, сделанное перед собранием генералов 22 августа 1939 года и значащееся в материалах Нюрнберга как 798 P.S. — звучит по меньшей мере странно. Гитлер попал в армию в 1914 году, как и десятки миллионов других людей, и в грандиозном вихре событий он был ничтожной букашкой, жизнь которой зависела от полета пули или снаряда. Он был некоторое время в службе связи при штабе пехотного полка, и странно, что ни один из офицеров, с которыми ему приходилось встречаться, не заметил в нем качеств, достаточных для его повышения. В 1919 году, когда демобилизация выкинула его на мостовую, его взял к себе Райхсвер. Он сделался офицером-пропагандистом, — двусмысленная и даже сомнительная профессия, — полуразведчик, полусолдат. Она однако давала ему возможность сносно питаться и занимать фельдфебельское помещение в казармах 4-го пехотного полка в Мюнхене. Таким образом ему не приходилось принимать решения покинуть армию, так как он к ней никогда не принадлежал. Впрочем, его заявление, что он всегда был солдатом, не лишено основания. Доказательством является то, что он непрерывно изучал военные науки, необходимые не только солдату, но и военачальнику.

Его технические познания (в деле вооружения, организации, автомобильном деле и т. д.) объясняются его изумительной способностью усвоения. Стратегию он усвоил, — как свидетельствует Кайтель, — изучая Шлиффена, Мольтке, Клаузевица и историю походов, в особенности Фридриха Великого.

Это заслуживает внимания. Великая война всегда проста, она постигается не из ученых исследований Генеральных Штабов, но лишь знакомством с великими вождями всех времен. Гитлер является примером этому. Через головы генералов-рутинеров, не оправившихся от своего поражения 1918 года, этот дилетант обновил военное искусство. Он один из первых оценил огромные преимущества танков — этих подвижных крепостей, и авиаций — этой летающей артиллерии. Он снова нашел маневренные принципы, которые были утеряны Генеральными Штабами. На немногих простых, но верных принципах он построил серию кампаний, которые войдут в военную историю как классические: Польша, Норвегия, Франция, Балканы.

Потом, как бы обезумев, он утерял чувство меры возможного. Он даже потерял точное представление о характере той военной силы, которую он сам создал. Он был захвачен и раздавлен теми великими событиями, теми мировыми силами, которые он сам разбудил, вызвал к жизни и сплотил против себя. В течении своих войн он совершил огромные ошибки, которые все объясняются тем, что люди, подобные ему, неспособны примириться с неуспехом, чтобы этой ценой избежать катастрофы. Гитлер не первый пример этого положения. Таким же точно был до него Наполеон.

Военное дарование Гитлера является необходимым элементом для понимания событий. Гитлер не мог избежать войны, так как он носил в себе роковой дар войны. Только в ней одной он искал и мог найти осуществление, разрешение и успокоение своего я. Он чувствовал себя рожденным для командования армиями. «Я не для того создал наш военный аппарат, — говорил он (документ 1915 P.S.), — чтобы оставить его без употребления». Он принадлежал к трагической, но вероятно неизбежной породе мировых палачей. Ему расточают проклятия. Быть может достаточно сказать, что он был великим полководцем —

этим сказано все.

Как он рассматривал сам себя?

Среди материалов Нюрнбергского процесса находятся протоколы двух совещаний Гитлера с его главными военачальниками, один от 22 апреля 1939 года (документ 798 P.S.), другой от 23 ноября того же года (документ 789 P.S.).

В этих двух совещаниях Гитлер раскрыл себя.

«В сущности, — говорит он 22 апреля, — все покоится на мне; все зависит от моего существования. Вероятно никто и никогда не будет в такой степени, как я, пользоваться доверием германского народа. Вероятно никогда в будущем не будет человека, располагающего такой властью, как я. Вот почему мое существование является политическим фактором наибольшего значения. Но я могу быть устранен в каждый момент каким-нибудь сумасшедшим или идиотом».

Второе совещание было выговором, вернее «разносом». Гитлер не мог сдержать своего раздражения и гнева против тех, кто недостаточно доверял ему. Здесь он вынужден был подробнее говорить о самом себе.

«Цель этой конференции, — начал он, — дать вам понятие о моем мире идей и высказать вам мои желания. Когда в 1919 году я начал мою политическую работу, моя твердая вера в конечный успех была основана на внимательном наблюдении событий и изучении их последовательности. Поэтому я никогда не терял веры, несмотря на ряд неудач, выпавших на мою долю. Провидению принадлежало последнее слово, и оно привело меня к успеху. Помимо всего, я имел ясное представление о развертывании исторических событий и достаточно воли для принятия суровых решений. Меня никогда не покидала уверенность в достижении мною цели.

Когда в 1933 году я пришел к власти, передо мной раскрывался период трудной борьбы. Мне предстояло все реорганизовать, начиная с народных масс и продолжая армией. Одновременно я предпринял освобождение Германии от ее цепей. Я вышел из Лиги Наций и отверг конференцию по разоружению. Это было не легкое решение. Число тех, кто предсказывал, что это повлечет за собою новую оккупацию Рейнской области французами, — было велико, а число тех, что верило в меня — ничтожно.

Затем пришло решение о восстановлении военной мощи Германии.

Снова было много пророчеств о катастрофе и мало верующих. Тем не менее я сохранил и вооружил Рейнскую область, что в условиях того Бремена считалось невозможным».

Перечень достижений продолжается, и заключение повторяется как магическое заклинание: «Я хотел, мне не верили, но я был прав». Главной претензией Гитлера была непогрешимость.

Он продолжал:

«Среди благоприятных факторов настоящего положения я должен упомянуть собственную особу и квалифицировать ее при всей скромности так: я — незаменим. Ни военный, ни штатский не могут меня заменить. Я знаю свои способности и свою силу воли. Я не кончу войны, пока не сокрушу противника. Я не принимаю компромиссов. Я буду наносить удары и не капитулирую. Судьба Райха зависит от меня и только от меня».

Эти последние слова как нельзя лучше обрисовывают Гитлера. В его мрачном мозгу, полном страшных абстракций, рождались картины фатальной борьбы между великими силами и великими страстями, оспаривающими власть над миром. И он считал одного себя способным провести Германию через испытания, которые ее ожидали.

«Фюрер, — говорит Геринг, — часто говорил о неизбежной войне между национал-социализмом и большевизмом. Иногда он допускал, что этот конфликт может быть отложен еще на годы и признавал, что он мог бы за этот промежуток времени получить существенные выгоды для Германии мирным путем. Но чаще он говорил иное: «Нужно, чтобы эта война разразилась еще при моей жизни».

Гитлер был суеверен: «Хотя он это и отрицал, — говорит Кайтель, — однако все замечали, что он верит старой немецкой поговорке: «Что предпримешь в пятницу — не

продержится и недели». Еще больше верил он своему гороскопу. Звезды и линии руки в полном согласии предвещали ему блестящую удачу, головокружительный взлет, но карьера его преждевременно обрывалась. Из этого он заключил, что, умрет молодым и это не давало ему покоя.

Пророки обычно должны платить за свои пророчества. Профессия предсказателей была Гитлером запрещена в Германии и пророки, которые упорствовали в своем ремесле, отправлялись в концлагеря. Но эти строгости не могли рассеять в уме Гитлера впечатление, произведенное на него его гороскопом. Он был уверен, что время, отпущенное ему судьбой для выполнения его гигантских задач, было очень ограничено.

Кроме того, недостаточно, чтобы война разразилась при его жизни, надо, чтобы она пришла раньше, чем он состарится.

Он достиг власти в 44 года. Внутренняя реорганизация Германии поглотила добрых шесть лет из того короткого срока, который был ему отпущен судьбой. Ему предстояло еще дать Германии необходимый «жизненный простор», а германскому народу — господство над миром. Он был совершенно уверен, что эти цели могут быть достигнуты только силой. Итак, в свои 60 лет он стоял на пороге карьеры полководца и завоевателя, которую Карл XII начал в 17 лет, Александр Македонский в 20, а Фридрих II и Наполеон в 26.

Время прищипывало диктатора. Нюрнбергские документы содержат несколько указаний, подтверждающих боязнь Гитлера упустить время. 5 ноября 1937 года, когда он изложил своим генералам обширный план агрессии, о котором будет речь впереди, он сказал им: «Надо принять в соображение одну вещь: надо считаться с тем, что партия и глава ее стареют».

Бесполезно далее искать объяснения той безумной поспешности, с которой он ринулся в войну. Он пренебрег теми важными выгодами, которые он мог получить при некотором терпении и хитрости. Он вооружился слишком быстро и, как мы увидим далее, лишь поверхностно. Он вызвал всеобщую враждебность раньше, чем Германия достигла полного могущества, приблизительно за пять лет до того наиболее выгодного момента, который был ему указан лучшими экспертами и который он сам признавал за наилучший.

Он совершил кардинальные ошибки по трем причинам:

Во — первых, потому что он считал себя единственным человеком, способным вести Германию к победе.

Во — вторых, потому что военный гений, который он чувствовал в себе, неудержимо толкал его к немедленному действию.

В — третьих, потому что он боялся умереть раньше, чем успеет выполнить свое назначение или, по крайней мере, оказаться в решительный момент стариком.

Представление Гитлера о внешнем мире также находит отражение в документах Нюрнбергского процесса. Они показывают, как Гитлер расценивал и взвешивал своих партнеров и противников, с которыми ему приходилось считаться, и как в результате он учитывал свои шансы на успех.

Прежде всего у него было колоссальное представление о Германии. В силу своего характера, он подходил к каждой проблеме с военной точки зрения и в конечном итоге сводил все суждения и оценки к подсчету военной силы. И потому воинская доблесть германского народа была для него решающим фактором. «Мы, немцы, не только наиболее многочисленны (в Европе), но мы и качественно лучшие, — говорит он. — Каждый германский пехотинец лучше любого французского».

Поражение Германии в 1918 году было, — по мнению Гитлера, — случайностью и он приписывал его непрочности и глупости императорского режима. Он всегда говорил о Вильгельме II и его политике с оттенком презрения. Но Германия с Гитлером во главе, — по его убеждению, — была способна победить весь мир.

Он считал за ничто второстепенные государства Средней Европы, включая и Польшу.

«Польская армия, — сказал он 12 апреля 1939 года графу Чиано, — имеет лишь несколько парадных дивизий, а остальная масса войск — весьма низкого уровня.

Противотанковая и противовоздушная оборона ничтожны и ни Франция ни Англия не могут в этом помочь Польше. Надо также принять во внимание структуру польского государства. Из 31 миллиона населения — 2,5 миллиона немцев, 4 миллиона евреев и 9 миллионов украинцев. В противоположность фанатически настроенной Варшаве, весь остальной народ в целом апатичен и индифферентен».

Японию Гитлер не доверял: «Нельзя, — говорил он, — слишком полагаться на Японию. Надо остерегаться ее измены». И при этом он был невысокого мнения о качестве японской армии. Он послал в Токио свои советы насчет осады Сингапура. «Император Японии, — добавлял Гитлер, — мягкое, безвольное существо, лишённое авторитета; он напоминает последнего русского царя, и его может ожидать та же участь».

Зато Гитлер переоценивал Италию. Мы увидим в дальнейшем, почему и каковы были, роковые для Германии, последствия этой ошибки.

Но он был далек от недооценки русской мощи. Наоборот. Громадность пространств и неисчерпаемость ресурсов России ему импонировали. «Главная опасность, — повторял он неоднократно, — заключается в колоссальной массе России». Он отлично сознавал преимущества России в воздушной войне, благодаря дальности дистанций и рассеянности ее объектов. И он очень опасался массовых налетов русской авиации на скученные города и индустриальные центры Германии, прежде всего на Берлин и на румынские нефтяные промыслы.

«Если бы дело шло только о наземных армиях, то можно бы не бояться СССР, но при сильной авиации он представляет серьезную опасность».

Однако эти соображения больше касались будущего. В 1937 году Сталин был занят ликвидацией маршала Тухачевского, обвиненного в сношениях с Германией, и вместе с ним была ликвидирована большая часть высшего командного состава армии. На основании этого Гитлер заключал, что Красная Армия переживает кризис. Он много раз повторял: «Россия будет беспомощна еще несколько лет».

Что касается Франции, то Гитлер был убежден в ее крайней слабости. Он наблюдал ее внутренние волнения и успехи коммунизма. Со злобной радостью он следил за всеми фазами долгого социального кризиса 1936 года, за стачками и занятием рабочими заводов. Он наблюдал, как распадались партии и падали правительства. Он предрекал: «Франция идет к революции».

Гитлер лучше своих генералов знал слабость французской армии. Он знал о кризисе ее постоянного состава в следствии падения рождаемости во Франции. Ему была известна остановка в развитии и устарелость французской авиации. Он был в курсе духовного упадка Главного Штаба и победы пассивной стратегии, как раз обратной той, которую он внушал своим генералам. Он говорил: «Армия Франции в упадке. Только флот ее на высоте современности».

Кроме того Гитлер считал, что Франция потеряла свою самостоятельность и стала зависимой державой.

«Фюрер, — сообщает Геринг, — часто говорил, что Франция ничего не предпримет без одобрения Англии и что Париж сделался дипломатическим филиалом Лондона. Следовательно достаточно было уладить дело с Англией и тогда на Западе все в порядке».

Что думал Гитлер об Англии, которой он приписывал такое значение?

Он относился к английскому народу с большим уважением. В своей речи 5 ноября 1937 года (документ 1871 P.S.) он говорит: «Это народ твердый, упорный и мужественный. Это опасный противник, особенно в обороне. Он способен к организации, любит рисковать и имеет вкус к авантюре. Это народ германской расы, который обладает всеми ее качествами».

Дебаты в Нюрнберге показали, что Гитлер, верный принципам своей книги «Моя борьба», долгое время старался не вступать в конфликт с Англией.

«Фюрер, — говорит Геринг, приложил в 1936 году все усилия, чтобы придти к соглашению с Англией».

Риббентроп рассказывает следующую историю:

«В первом же нашем политическом разговоре в феврале или марте 1933 года Гитлер сказал мне: «Риббентроп, главной основой европейской политики является англо-германская дружба». Я видел Гитлера в последний раз в апреле 1945 года, за неделю до его смерти, в его убежище в Берлине. Он мне повторил тогда буквально свои фразы 1933 года и прибавил: «Попробуйте, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы договориться с англичанами».

Иодль передает, что Гитлер готов был заключить с Англией мир в момент Дюнкирхена. Теперь мы видим, что он был готов к этому и на развалинах Берлина.

По показаниям Геринга и Риббентропа, Гитлер был убежден, что Англия в конце концов примет его точку зрения. Мы встретимся с этой точкой зрения в рассказе о миссии Рудольфа Гесса, о которой речь будет впереди. В основном Гитлер полагал, что интересы Германии и Англии совпадают. Он не хотел разрушать Британскую Империю, быть может из тех соображений, что это политическое сооружение охраняло массы полуголодного нищенского населения Азии от большевизма. Но он требовал, чтобы за это Англия признала за ним исключительное право на реорганизацию Центральной Европы, свободу выкроить себе жизненное пространство и возможности свести счеты с СССР.

«Я тщетно уверял его, — утверждает Риббентроп, — что Англия не будет без конца терпеть нашу экспансию».

Гитлер искал способа сблизиться с Англией...

«Чтобы добиться союза с ней, — говорит Геринг, — он готов был гарантировать территориальную неприкосновенность Голландии, Бельгии и Франции. Он даже допускал возможность отказаться от Эльзас-Лотарингии. Он не очень интересовался колониями и он окончательно оставил идею колониальной империи. Наконец, он не прочь был подписать азиатский пакт, гарантирующий Индию от покушений со стороны СССР».

Такие условия казались фюреру необыкновенной щедростью. Успокоенная в Западной Европе, упроченная в Азии, избавленная от соперничества Германии на всех перекрестках мира, Англия, — думал Гитлер, — не имела более никаких оснований противиться расширению, укреплению и расцвету Германии. Следовательно, англо-германский союз был в порядке вещей, так как его требовали интересы Англии.

Здесь уместно напомнить тот любопытный и фантастический анализ Британской Империи, который Гитлер дал на совещании 5 ноября 1937 г.:

«Я не разделяю мнения, — сказал он тогда, что Империя непоколебима. Опасность, которая ей угрожает, исходит не столько от сопротивления покоренных народов, сколько от существования соперников. Британскую Империю нельзя сравнивать с Римской в смысле длительности их существования. После Пунических войн у Римской Империи не осталось серьезных политических соперников и это обеспечивало ей долголетие. Только разлагающее влияние христианства и процесс старения, которому подвержены все государства, позволили древним германцам покорить античный Рим. Наоборот, современная Британская Империя окружена государствами, более сильными, чем она сама. Метрополия Империи может защищать свои владения только при содействии других держав, но не собственными силами. Каким образом, например, Англия может защищать одна свои интересы на Дальнем Востоке от нападения Японии, или Канаду от нападения Соединенных Штатов?»

Из этого следует заключить, что мировая Британская Империя не может держаться вечно одними силами 45 миллионов островитян, каковы бы ни были их спайка и сила их идеалов».

Итак, Англия нуждается в военной поддержке. Наиболее сильным и удобным союзником была бы Германия, ибо она ни в чем не является соперницей Англии. И Гитлер предлагал этот союз.

«Он имел ввиду, — рассказывает Риббентроп, — включить в договор о союзе с Англией пункт, предоставляющий для защиты Империи треть германского флота, более 12 боевых судов».

Смешное предложение! И, однако, нельзя сомневаться в его искренности. В последний момент переговоров, накануне разрыва, оно было еще расширено. Как последнюю,

неотразимую приманку Гитлер предложил Англии свою помощь в защите Канады от Соединенных Штатов.

Эти стремления Гитлера к союзу с Англией не встретили в ней сочувствия и отклика. Англичане проявили полное отсутствие интереса к тому проекту раздела мира, который Гитлер им великодушно предлагал. Каждый раз, когда фюрер встречал человека, знающего Англию, он обращался к нему: «Объясните же мне, почему англичане не хотят меня понять». Неразделенный флирт переходил, в ненависть. «Если Англия упорно не хочет меня понимать, то я ее поставлю на колени».

Тем не менее Гитлер не терял надежды на то, что Англия не будет воевать. Он примирился с крушением своих проектов союза и дружбы; но он все еще не допускал мысли, что они станут врагами.

В момент чешской аферы он сказал: «Перспектива новой долгой войны на континенте отвратит Англию от вмешательства». Меры вооружения, принятые английским правительством и даже набор армии не произвели на Гитлера должного впечатления, так как он счел это за демонстрацию, а не за доказательство решимости. Еще в 1939 году он сомневался в интервенции Англии. И, когда Англия наконец объявила войну, он еще две недели не принимал ее всерьез, как рассказывает Кайтель.

Гитлер рассчитывал так: Англия подвела итоги своего участия в первой мировой войне и баланс оказался далеко не утешительным. Она увидела, что работала для восстановления французского империализма. Англия обеднела. Она допустила Америку перегнуть себя. Ее Империя зашаталась. Она потеряла Ирландию. Она теряла Египет. Ей грозила потеря Индии. Новая война ускорила бы ее упадок и углубила бы зияющие трещины. Империя бы распалась. Южная Африка наверное, а Австралия и Канада вероятно отказались бы пуститься вслед за метрополией в новую авантюру, где им еще раз пришлось бы проливать свою кровь за чужие интересы. Америка — циничная, жадная, хищная — соберет обильную жатву. Англия это знает. Вот почему она не будет воевать, если только не будет к этому абсолютно вынуждена.

Доказательство этому Гитлер видел в ее разоружении. Для него, по складу его ума, разоружение было равносильно отречению. Он лучше, чем кто либо знал состояние английского флота. Кроме двух линейных кораблей «Родней» и «Нельсон», уже не новых, у них не было крупных современных кораблей. Крейсера были не в достаточном числе и порядком изношены. Армия была сокращена до минимума. Авиация устарела. Что это все доказывало, как не то, что Англия решила оставаться нейтральной?

О США Гитлер мало думал. Всецело поглощенный мыслью об одном гиганте — СССР, он как-то остался незаинтересованным другим гигантом. Иногда в своих фантастических импровизациях, которым он предавался в интимном кругу, он рисовал себе новую войну за раздел Америки, выставляя против «янки» — американских немцев. Завоевав Европу, он несомненно предпринял бы какой-то выпад против Нового Света, предъявив ему счет за германский человеческий материал и труд, которым были оплодотворены и возделаны как Северная, так и Южная Америка. Но это было туманное будущее. Фактически Соединенные Штаты почти отсутствовали в мире идей фюрера. Для него это была сумасбродная, несерьезная страна, пожираемая капитализмом, раздираемая экономическими кризисами, отравленная еврейством, искушенная материализмом, одураченная своим кино, своей погоней за комфортом и своим спортом и управляемая врагами Германии, неистовыми, но бессильными.

«Америка, — говорил он, — в 1917 году имела слишком плохой опыт с войной, чтобы еще раз ввязываться в европейский конфликт».

«Я часто говорил фюреру, — заявляет Геринг, — и даже перед свидетелями, что, если Англия вступит в войну против Германии, то Америка рано или поздно придет ей на помощь. Фюрер не разделял моего взгляда. Он утверждал, что Америка не примет участи в войне, если только ей не будет грозить непосредственная опасность. Он основывал свое убеждение на разговоре своем с Ллойд Джорджем; этот разговор дал Гитлеру совершенно

ложное представление о состоянии умов англо-американцев. Кроме того фюрер преувеличивал значение американских изоляционистов».

Этот человек, так точно осведомленный о военных силах европейских стран, имел лишь смутное представление о военном потенциале Соединенных Штатов. Их приготовления и вооружения совершенно ускользнули от его прозорливости. Медленность, с которой Англия производила свои приготовления к войне, еще утвердила Гитлера в его мысли о беспомощности Америки. Он думал, что нация, расслабленная демократией и богатством, неспособна принести жертвы, необходимые для ведения войны, и в особенности, что она неспособна будет найти людей, готовых умирать за нее.

Вот почему Гитлер отрицал опасность с упрямством настоящего глупца. Документы Нюрнберга дают этому много доказательств. Вот один пример:

21 января 1941 года он сказал Муссолини (документ S. 134): «Даже если Соединенные Штаты и вступят в войну, нам нечего бояться их».

Еще одно соображение оказало сильное влияние на суждения Гитлера: Гитлер создал вокруг себя героический мир. Сильные, жестокие люди руководили и направляли пассивные массы. Одни эти люди делали историю. Их основным качеством была воля, их внешним выражением — твердость. Они освободили себя от предписаний религии, морали и гуманности, которые наложены как путы на подчиненные массы. Они были ответственны за свои действия только перед Провидением, — туманным и снисходительным к избранным, Провидением для полубогов.

Гитлер опирался на этот слой избранных. Изолированный от людей, он жил в мире фантастических гигантских теней. Легко себе представить, что он говорил с ними в свои долгие бессонные ночи. Он сам выбирал свои тени: он не общался с Наполеоном, несмотря на сходство судьбы. Но несомненно его собеседниками были Бисмарк и особенно Фридрих II. «Риск, который я беру на себя, — говорил он, — тот же самый, которому подвергся великий Фридрих, когда он захватил Силезию. Подобно ему, я соединяю в своих руках гражданскую и военную власть; я воплощаю государство».

Помимо знаменитого короля Пруссии, Гитлер находил несколько равных себе среди варваров и эти его особенно прельщали. Он давал особое предпочтение дружбе Чингис-Хана. Он восхищался им и усвоил его принципы. «Кровь, — говорил он своим генералам, посылая их на войну, — не зачитывается тем, кто создает Империи. Чингис-Хан намеренно истреблял миллионы женщин и детей. Кто теперь об этом вспоминает?»

Среди современных ему политиков Гитлер искал сверх-людей. Он судил о народах по их вождям, которых они выдвигали.

«В наши дни, — говорил он, — есть три государственных человека: Муссолини, Сталин и я».

Среди этих избранных он различал еще две категории:

«Муссолини наиболее слабый, так как он не мог справиться с реакционной оппозицией королевского дома и церкви. Только Сталин и я являемся полными хозяевами наших решений и можем смотреть в будущее».

Хвалебные речи Сталину были ежедневным мотивом, Гитлера. Но — любопытная вещь: он видел в исключительных качествах советского вождя основания для ободрения и успокоения, но не для беспокойства. Он знал, что Сталин боится Германии и соглашение предпочитает конфликту.

«Сталин, — повторял Гитлер неоднократно, — рассудителен, осторожен и хитер. Пока он жив, — опасаться нечего. Но ситуация изменится, как только он умрет, так как евреи, сейчас оттесненные на вторые и третьи места, тотчас же вновь пролезут вперед».

В 1939 году Гитлер сказал: «Когда Сталин умрет, я раздавлю СССР».

Жизнь Муссолини гарантировала союз с Италией. Жизнь Сталина обеспечивала благоразумие СССР. Оба были не только главами государств, но хозяевами страны. Оба вели свои народы по праву гения. Они не были связаны ни демократической оппозицией, ни непрошеными советниками. Они ввели строгие, даже суровые законы. Гитлер признавал их

если и не за равных, то за подобных себе.

Кроме них, после смерти Кемаль-Ататюрка, не было крупных людей.

Ни подлинных вождей, ни подлинных хозяев. Только личности второго и третьего разряда, демократические марионетки. Бессильные правители, которые зависели от «хорошего пищеварения их утомленных народов» и валились от одного парламентского голосования или от всеобщих выборов. И главное, люди без воли и без темперамента. «Даладье... Чемберлен... эти болтуны, эти несчастные черви». Они неспособны были на риск. Они не в состоянии были принять мужественное решение. И конечно они никогда не стали бы воевать. По крайней мере не стали бы воевать серьезно.

Нюрнбергские документы доказывают, что это презрение к противникам было одной из тех сил, которые наиболее подстегивали решимость Гитлера. Он никогда не подозревал (несмотря на опыт прошлой войны, на Клемансо и Ллойд Джорджа), что демократии могут иметь в запасе людей, которые в минуты опасности могут оказаться столь же энергичными и сильными, как и прирожденные диктаторы. Он не предчувствовал Черчилля и не понял Рузвельта.

Он не в состоянии был их понять, так как он не знал тех народов, из которых они вышли. Здесь предел интеллигентности и аналитической способности Гитлера.

Он происходил из центральной Европы, из мира Австро-Венгерской монархии, раздираемой национальными вопросами, страны, где все народы ссорились и сталкивались. Он жил в Вене, столице пестрого, мозаичного государства.

Он был беден и несчастен. Он, немец, проводил свою жизнь на рынках, среди словенских каменщиков, чешских бетонщиков и хорватских чернорабочих. Он стоял в очереди у дверей ночлежного дома в Меймлинге, среди сброда всех национальностей.

Он читал. Он открыл своих героев: Фридриха II, Бисмарка — его земляков; людей, карьера которых развертывалась на пространстве между Рейном и Вислой, чаяния и мечты которых никогда не переступали берегов Европы, но которые благодаря своей энергии основательно перемешали месиво европейских народов.

Гитлер был, подобно им, европейцем. Он отлично знал проблемы национальностей, выдвинутые демократией на первый план. Он познал их уже при рождении и изучал их в течении всей своей жизни.

До сих пор не доказано, что Гитлер был чисто немецкого происхождения. Скорее можно предполагать обратное. Его предки не были связаны с землей, они были бродячие пролетарии и почти несомненно смешанной расы. Вполне возможно, что в жилах величайшего антисемита всех времен была даже примесь еврейской крови. Но, будучи немцем по языку, он уверенно причислял себя к германской расе, многочисленной и сильной. И это наполняло его гордостью.

Пока дело шло о Европе, Гитлер был как у себя дома. Его фантазия, хитрость и дикая воля в соединении с точным знанием народов и обстановки позволяли ему проводить свои политические маневры с полным успехом. Он умел разъединять своих противников, поддерживать и растревлять их старые конфликты. Он мастерски натравливал судетских немцев на чехов, чехов на словаков, словаков на венгров, венгров на румын. Он сумел толкнуть Польшу на ложный путь с тем, чтобы ее изолировать, а затем разбить. Сумел стакнуться с СССР, чтобы затем неожиданно напасть на него. Он отлично оценил ослабление Франции. Его взгляд, неомраченный никаким сомнением, был быстрым, острым и ясным.

Но за пределами Европы было иное: весь огромный англо-саксонский мир совершенно ускользнул от его анализа.

Гитлер не знал ни одного иностранного языка. У него не было никакой культуры. Его университетом был прилавок уличного букиниста. За весь период формирования его идей он не встречал ни одного англичанина или американца.

Природа английской или американской силы, эта мощь без солдатчины, ему была совершенно незнакома. Структура гигантского содружества народов британской нации,

которая держится только общностью культуры и интересов, была ему чужда и непонятна. Он и не подозревал о том мире идей, который существовал за пределами Европы. Традиции и учреждения Лондона и Вашингтона для него не существовали. И сверх того он отрицал у противников всякие идеальные побуждения; он видел лишь грубый материализм там, где в действительности большую роль играли факторы моральные и религиозные.

К англо-саксонскому миру Гитлер прилагал те самые мерки силы и силовых отношений, которые он выработал в своем мозгу. Потому и следствия получались смехотворные. США, нападающие на Канаду или Англия, отстаивающая Южную Америку при содействии германского флота!

Он верил, что Англия не будет воевать. Он верил, что США не вмешаются в конфликт. Он воображал, что англичане позволят ему взять Варшаву и царить в Москве при условии, что он обещает оставить им Индию, и что американцы настолько заняты своим бейсболом и звездами Холливуда, что они прикроют глаза на разрушение Лондона — колыбели их цивилизации.

Тот факт, что Гитлер так безрассудно ринулся в войну, объясняется только этим пробелом в его представлениях. Ибо во всем остальном он был реалист, и он несомненно не взялся бы за оружие, если бы правильно учел свои шансы на поражение.

Он видел перед собой центральную Европу раздробленной и наполовину сочувствующей себе, видел несамостоятельную и слабую Францию, неорганизованный и временно ослабленный Советский Союз, нейтральную и склонную к соглашению Англию и далекие и безразличные ко всему Соединенные Штаты.

Риск был по-видимому невелик. В 1939 году он верил, что ему удастся совершить все то, что он наметил в 1937 году: достигнуть своих целей за наименьшую цену.

Он не играл, как многие думают, ва-банк. Наоборот, он думал, что ведет благоразумную игру.

«Я был бы сумасшедшим, — сказал он генералу Гальдеру, — если бы ради такого вопроса, как Данциг и коридор, бросился бы в общую войну наподобие 1914 года».

Он представлял себе, что завоевание мира пойдет гладко. Но он не знал англичан и американцев. И в этом была его гибель.

II. Гитлер занимает Рейнскую область тремя батальонами

Указ о возрождении германской армии был подписан Гитлером 11 марта 1935. Указом восстанавливалась обязательная военная служба и численность армии мирного времени определялась в 36 дивизий.

Генерал Иодль свидетельствует, что военачальники германской армии были встревожены этим указом: цифра дивизий могла вызвать протесты, она оказалась чрезмерной; они считали непосильным создание такой армии в ближайшее время. «Фон-Фрич, — сказал Иодль, — просил Фюрера ограничиться 24 дивизиями.» Гитлер отказал.

Верховным начальником вооруженных сил Германии был в это время маршал Вернер фон-Бломберг. Этот типичный прусский офицер был живым воплощением, — доходящим до карикатуры, — старой германской армии. Ему было в это время 58 лет; с 1911 г. он служил в Генеральном Штабе; в 1918 г. был начальником Штаба 8-й армии. Гинденбург рекомендовал его Гитлеру в качестве военного министра и Бломбергу были даны самые широкие полномочия в сухопутной и морской обороне страны. Он был как бы военным завещанием старого президента и пользовался огромным уважением всей Германии.

Бломберг уже умер. Но незадолго до смерти он успел дать в Нюрнберге длинное показание специальным военным следователям.

«Через несколько дней по восстановлении обязательной военной службы, — рассказал он, — Гитлер призвал к себе Геринга, Редера, Фрича и меня. «Господа, — сказал он нам, — мои военные авантюры кончены. Вы можете теперь спокойно заняться нашей нормальной

работой по организации наших вооруженных сил».

Получив это заверение, Главный Штаб выработал план перевооружения Германии.

Исходным пунктом был Рейхсвер, установленный в Версале. Семь пехотных дивизий, из которых он состоял, решено было сперва удвоить, потом утроить. Это должно было быть закончено к 1939 г. Затем предстояло создать новых 15 дивизий, чтобы довести общее число их до 36. Комплектование армии должно было быть закончено в 1943 г., но флот и укрепления — только в 1945 г.

Итак для восстановления военной мощи Германии Главный Штаб требовал десять лет. И в течении этих десяти лет Главный Штаб требовал для Германии мира.

«Генералы, — говорит Иодль, — никогда не оказывали на Гитлера никакого давления в пользу войны. Наоборот, в этом вопросе Бломберг, Фрич, Бок, Браухич, по очереди, лишь уступали Фюреру, т. к. это был их долг. Мы, военные, противились всякой политике, которая могла бы повести к войне. В этом мы были единодушны. В 1937 г. мы сказали фюреру: «Наш Фюрер, вы можете делать, что вам угодно, но мы не в состоянии воевать раньше, чем через семь-восемь лет».

«Мы все знали, — говорит Бломберг, — что вопрос о восточных границах остается открытым и рано или поздно он должен быть решен. Но мы не могли отважиться на какое либо выступление, пока мы еще не были готовы.»

Маршал Мильх, генеральный инспектор воздушного флота, дал на следствии и на суде подробные объяснения. «Воздушный флот, — сказал он, — был создан только в 1935 г. Он подготовил кадры истребителей, для чего потребовалось 18 месяцев, и кадры бомбардировщиков, что заняло два года. Но у нас совершенно не было опытных офицеров для командования эскадрильями и крупными соединениями. Нужно было ждать еще 10 лет, чтобы молодые офицеры стали достаточно квалифицированными для занятия высших должностей в авиации».

Даты эти и здесь приводят к 1945 году. Сам Геринг на совещании начальников авиации 2 декабря 1936 г. заявил: «Желателен мирный период, по крайней мере до 1945 г.»

Но десять лет — это была вечность для нетерпения Гитлера. «В феврале 1936 г., — рассказывает Бломберг, — в Гармиш-Партен-кирхен происходила зимняя Олимпиада. Гитлер отвел меня в сторону и сказал: «Я решил ввести войска в Рейнскую область. Это будет большим «сюрпризом».

Пункты соглашения о Рейнской области, утвержденные договором в Локарно, представляли для Франции лучшую гарантию безопасности. Они были приняты Германией и скреплены Англией и Италией. Решение Гитлера было дерзким вызовом всему европейскому миру.

«Я был в ужасе, — говорит Бломберг. — Мне казалось несомненным, что на занятие Рейнской области германскими войсками Франция будет немедленно реагировать военной силой. Редер и Геринг разделяли мои опасения и Геринг принял на себя миссию убедить фюрера, что мы не можем рисковать войной. Но во время их разговора Гитлер переубедил Геринга и привлек его на свою сторону.

«Фюрер нас уверял, что Франция не выступит. Наконец, — прибавил он, — если ваши опасения оправдаются, если ситуация станет действительно серьезной, я прикажу дать отбой и наши войска уйдут обратно за Рейн».

Вся операция была проведена крайне просто. Вечером 10 марта пять полков из состава 6, 9 и 13 армейских корпусов были посажены в поезда. Люди были в полном походном снаряжении, но они думали, что дело идет о маневрах и ни морально, ни технически не были подготовлены к бою. Когда командиры полков сели в вагоны, они вскрыли запечатанные приказы и узнали, что едут занимать Рейнскую область.

Поезда катились к западу. Почти все они остановились на правом берегу Рейна против Кельна, Кобленца и Майнца. Только три поезда, каждый с одним батальоном, переехали Рейн. Один направился к Аахену, другой к Триру, третий к Саарбрюкену.

Накануне в Берлине состоялся военный совет. В сердцах генералов была тревога.

«Фрич, — рассказывает Иодль, — предложил фюреру издать декларацию, в которой он обязался бы не укреплять Рейнскую область. Гитлер пожал плечами и ничего не ответил.»

«Было условлено, однако, — говорит Бломберг, — что при первой же реакции французов слабые немецкие части, переправившиеся на левый берег, будут немедленно отведены обратно. Мы спросили фюрера, что надо понимать под «реакцией французов». Он пояснил, что понимает под этим военные действия в виде перехода границы, независимо, впрочем, от формы и размеров сил. «Наоборот, — сказал фюрер, — дипломатические протесты, как бы резки они ни были, не заставят меня отступить ни на шаг.»

Это значило, что одна французская рота, появившаяся у пограничного столба, вызвала бы автоматически отступление германских войск, а вслед за тем, возможно, и падение Гитлера. Но в совете министров Франции генерал Гамелэн высказался за всеобщую мобилизацию. Только три министра поддержали это требование: Морис Сарро, Жорж Мандель и Фланден.

«Мы были, — говорит Иодль, — в положении игрока, который поставил все свое состояние на одну карту. Германская армия была в этот момент наиболее слаба, так как сто тысяч солдат Рейхсвера были распределены в качестве инструкторов ко вновь формируемым частям и не представляли собой организованной силы.»

А вот показание Бломберга:

«Мы были убеждены, что французы не оставят нашего шага без ответа. В этом случае самое большее, что мы могли сделать, это пытаться задержать их на Рейне. Армия была очень слаба и она не могла рассчитывать на поддержку авиации. Единственный самолет, способный нести бомбы, был «Юнкерс-52», но он обладал чрезвычайно малой скоростью.

Тревога Германии длилась одну неделю. Затем Гитлер мог обернуться к своим генералам и сказать:

«Ну, господа, кто был прав?».

III. План агрессии 5 ноября 1937 г.

Гитлер любил театральность. Он окутывал себя загадочностью. Он удалялся в Берхтесгаден, ложился на склоне горы созерцал Германию расprostертую у его ног; а в это время фотограф Гофман, притаившись за камнем, увековечивал для толпы эти моменты уединенных размышлений гения. Потом, одним резким движением, Гитлер разрывал завесу своей мысли. Он сообщал свои откровения.

5 ноября 1937 г. он вызвал в свою Канцелярию маршала фон-Бломберга, главнокомандующего армией фон-Фрича, главнокомандующего морскими силами Редера и министра иностранных дел фон-Нейрата.

«Мы не имели никакого понятия, — говорит Бломберг, — о причинах этого внезапного собрания.»

Полковник генерального штаба Гоцбах исполнял обязанности секретаря. Составленный им протокол явился под № 386. P. S. одним из главных документов обвинения в Нюрнберге.

Заседание началось в патетическом тоне. «Дело, о котором я буду с вами говорить, — сказал Гитлер, — настолько важно, что оно не может обсуждаться в таком широком кругу, как кабинет министров. То, что я вам сейчас скажу, есть результат моих размышлений и моего опыта четырехлетней власти. Если мне суждено умереть, я прошу вас считать эти заявления моей последней волей и моим завещанием». Настроение было создано.

Гитлер начал с того, что сформулировал основной принцип: цель германской политики — обеспечить безопасность и развитие государства и народа. «Прежде всего, — сказал он, — дело идет о проблеме жизненного пространства 85 миллионов населения. Чрезвычайная плотность, ибо территория слишком мала. Такова картина Германии. В будущем это угрожает задержкой в развитии, постепенным обеднением и упадком нации.

«Посмотрим сначала, — сказал Гитлер, — не дает ли нам выхода автаркия».

Угля Германия имеет достаточно. Строго говоря, она могла бы удовлетвориться и

своими запасами железа, легких металлов и жиров. Но ей не хватает леса и она совсем не имеет меди и олова. Итак, в самом необходимом сырье автаркия сильно ограничена. Тем не менее, это еще не самое главное.

Драматическая проблема — хлеб.

Почва Германии доведена до предела использования. В результате злоупотребления химическим удобрением, она обнаруживает уже признак истощения. Она устала. И в то же время население ежегодно увеличивается на 586.000 душ, которые появляясь на свет, заявляют о своих правах на хлеб.

Встает вопрос: может ли это необходимое добавочное питание быть получено Германией путем увеличения ее внешней торговли? Ответ — отрицательный. «Колебания мирового рынка, — заявляет Гитлер, — не дают возможности утвердить будущее Германии на прочных основаниях. Кроме того, страны, вывозившие ранее пищевые продукты, завели после мировой войны собственную индустрию. Мир эволюционирует в сторону империй с замкнутой экономикой.»

Фюрер подчеркнул также, что нации, экономика которых зависит от ввоза попадают в опасную ситуацию в случае войны, в особенности это относится к Германии, т. к. ее внешняя торговля зависит от морских путей, контролируемых Англией. Таким образом, увеличение количества пищевых продуктов путем развития внешней торговли — не представляется для Германии ни возможным, ни желательным.

«Неужели я должен, — воскликнул Гитлер, — согласиться на снижение стандарта жизни германского народа и потерять территории, которые я с таким трудом приобрел с 1938 года? Нет! Никогда!».

Единственным выходом оставалось расширение жизненного пространства (Lebensraum).

Это стремление к расширению жизненного пространства, — продолжал Гитлер, — было во все эпохи истории причиной образования государств и передвижения наций. Естественно, что тенденция не встречает сочувствия в Женеве (Лиге Нации) и у сытых народов. Жизненное пространство, которое нам необходимо, надо искать только в Европе, так как мы не будем брать примера с либерально-капиталистических держав, которые строят свое благополучие на эксплуатации заморских колоний. Речь идет не о завоевании народов, но о приобретении территорий, пригодных для земледелия. Естественно искать эти территории по соседству с Райхом, а не за морем. Решение этой проблемы — дело одного или двух поколений. Дальнейшие задачи надо предоставить будущим поколениям».

Что касается риска, Гитлер его признавал и не боялся его.

«История всех времен, — говорит он, — как Римской Империи, так и Британской Империи показывает, что каждое расширение пределов могло быть осуществлено только теми, кто шел на риск и не останавливался перед сопротивлением. Столкновения неизбежны. Земли никогда не были ничьими, они всегда кому-то принадлежали. Тот, кто хочет их взять, всегда наталкивается на собственника.

«Вопрос в том, чтобы определить, где могут быть сделаны наибольшие приобретения и притом с наименьшими затратами.»

Далее фюрер пустился в длинные рассуждения о «двух ненавистных врагах», Франции и Англии, которых Германия должна была встретить на своем пути. Я уже привел этот его анализ, когда сделал попытку очертить представления Гитлера о мире и мировой политике: Франция — в упадке и под угрозой революции, Великобритания-безоружна, стеснена своей Империей и приняла решение: больше не воевать. О Соединенных Штатах и о России фюрер не говорил.

«Германская проблема, — повторил он снова. — может быть решена только силой, а это всегда связано с риском. Битва Фридриха II за Силезию и войны Бисмарка против Австрии и Франции также были сопряжены с огромным риском. Если мы решаем употребить силу, идя на риск, то нам остается только ответить на два вопроса:

Когда? Как?

Первой целью явится, во всяком случае, одновременное занятие Австрии и Чехословакии. Эта операция устранит угрозу, которая висела бы над флангом Германии в случае ее войны с Западом. Она облегчит достижение нейтралитета Польши, со стороны которой всегда надо опасаться, в случае неудачи Германии, — удара на Восточную Пруссию и Силезию.

«Хотя, — сказал Гитлер, — население в Чехии и густое, тем не менее присоединение ее и Австрии даст нам пропитание для пяти-шести миллионов немцев, благодаря вынужденной эмиграции двух миллионов чехов и миллиона австрийцев. Политическая и военная аннексия этих двух государств Германией принесет нам значительное облегчение: сократит и улучшит наши границы, освободит военные силы для других задач и позволит сформировать новую армию в 12 дивизий, считая по одной дивизии на миллион населения».

Оставался вопрос: «Когда?». Фюрер предвидел три возможных варианта. Первый намечал осуществление программы в период 1943-45 годов. Германия была бы к этому времени вполне вооружена, но, с другой стороны, контрмеры со стороны противников могли уменьшить ее относительное могущество. Кроме того, надо было считаться с тем, что национал-социалистическая партия и ее вождь стареют. Во всяком случае 1943-45 годы были крайним сроком. «Мое неизменное решение — разрешить проблему германского пространства до 1943 — 45 г.», — заявил Гитлер.

«Я лично убежден, — продолжал он, — что Англия, а может быть даже и Франция, втайне поставили крест над Чехословакией и что они молча допустят, чтобы Германия, в один прекрасный день, разрубила этот узел. Внутренние затруднения Британской Империи и боязнь ее быть вовлеченной снова в долгую войну в Европе будут решающими соображениями, которые принудят Англию воздержаться от вмешательства. Выступление же одной без английской поддержки мало вероятно, тем более, что ее атака разобьется о наши укрепления. Во всяком случае, наступление Франции через бельгийскую территорию невероятно в случае неучастия Англии.

«Со стороны Италии нельзя опасаться какой либо оппозиции, по крайней мере, пока жив дуче. Быстрота наших действий определит позицию Польши; она наверно не захочет выступить против Германии, имея в тылу Россию. Что касается самой России, то ее военная интервенция будет предотвращена быстротой наших операций.»

Это был вариант 1943-45 гг., самый отдаленный и самый невыгодный. Два другие варианта лучше отвечали нетерпению Гитлера.

Один из них был построен на революцию во Франции. «Если социальные затруднения Франции создадут такую политическую ситуацию, что французская армия не будет в состоянии выступить против Германии, то это будет наилучшим моментом для действий против Чехословакии».

И наконец третий вариант наступал в случае войны Франции с третьей державой, которая как и в предыдущем случае, связывала бы французскую армию. Эту войну Гитлер предсказывал. Он указал на возможного противника Франции: Италию. Он даже назначил срок: лето 1938. И указал причину: трения в Средиземном море в результате гражданской войны в Испании. Он заявил мимоходом, что быстрая победа Франко не соответствовало интересам Германии т. к. продолжение борьбы позволяло Италии укрепиться на Балеарских островах, — главной коммуникационной линии Франции.

Затем Гитлер набросал картину операций. Высадка англо-французских сил на итальянском берегу казалась ему исключенной, а наступление французской армии на фронте Альп — невозможным. Действия итальянского флота воспрепятствовали бы подвозу войск из Северной Африки, так что на германском и итальянском фронтах Франция располагала бы только территориальными дивизиями.

«Если, — сказал Гитлер, — Германия использует эту войну для разрешения австрийской и чешской проблем, то надо полагать, что Англия — будучи занята войной с Италией — не начнет операций против Германии. А без поддержки Англии Франция не предпримет военных действий на Рейне.

«Момент нашего выступления против Чехии будет зависеть от хода итало-англо-французской войны. Он не совпадет с началом войны, а будет совершенно независимым. Оккупация Чехии произойдет молниеносно».

Таково было это историческое заседание 5 ноября 1937 г. В Нюрнберге обвинение основательно усмотрело в нем явное доказательство предумышленности гитлеровской агрессии. Воля к войне здесь проявлена ясно и последовательно. Геринг тщетно пытался опровергнуть это и представить дело так, будто Гитлер хотел лишь разбудить рвение Бломберга и Фрича, которые проявляли слишком мало энергии и задерживали вооружение Германии. После перекрестного допроса, подкрепленного уличающим документом 386 P.S., Геринг должен был признать, что протокол заседания, составленный полковником Гоцбахом, выражал подлинные идеи и замыслы Гитлера.

Были ли эти идеи полностью изложены в протоколе? Являлись эти замыслы окончательными? Есть очевидное расхождение между предпосылками и заключением протокола. Несмотря на проект принудительной эмиграции миллиона австрийцев и двух миллионов чехов, включение в Райх двух стран с развитой индустрией и огромным городским населением, как Австрия и Чехия, не могло доставить Германии требуемой сельскохозяйственной территории и притока пищевых продуктов. Это очевидно было лишь предварительной операцией, с целью улучшить исходную базу для дальнейших действий. Программа 5 ноября была лишь увертюрой, за которой должна была последовать настоящая крупная экспансия в сторону Запада.

Протокол дает интересные указания на расчеты фюрера в смысле сроков выступления. В то время Гитлер еще не имел достаточно смелости, чтобы игнорировать даты, представленные ему Генеральным Штабом. Он вынужден был считаться с намеченным сроком 1943-45. Но эта оттяжка казалась ему вечностью. Вот для чего ему понадобился фантастический план средиземноморского конфликта. Эта франко-англо-итальянская война должна была развязать ему руки в центральной Европе. Гипотетическую возможность он обращал в твердую уверенность. Гитлер строил свой план, как мечтатели строят воздушные замки.

Война за Средиземное море летом 1938 г. не состоялась. Франко выиграл свою войну в начале 1939 г., несмотря на прекращение помощи со стороны немцев, принятое на конференции 5 ноября по предложению Геринга. Ситуация складывалась не так, как хотел Гитлер. Но это его не остановило Он не мог ждать.

«Генералы, — рассказывает Бломберг, — нашли идеи фюрера слишком фантастическими и его речь была встречена ледяным молчанием».

«Я знаю, — сообщил генерал Гальдер, — что Фрич признался своему другу генералу Беку, сказав: «Я находился в обществе сумасшедшего».

Нойрат, Бломберг и Фрич пробовали провести дискуссию. Документ 356 P.S. приводит в общих чертах возражения, которые они представили фюреру.

Нойрат, этот крупный, мягкий и нерешительный человек, заметил Робко, что франко-англо-итальянский конфликт не представляется им ни таким неизбежным, ни близким, как полагает фюрер. Гитлер повторил с уверенностью, что конфликт разразится летом 1938 года.

Генералы были более резки. Фельдмаршал фон-Бломберг и генерал-полковник фон-Фрич, — говорится в протоколе, — подчеркнули несколько раз, что Англия и Франция не представляются им врагами. Они заявили однако, что конфликт с Италией не помешает французской армии выставить превосходные силы на германском фронте. Генерал-полковник фон-Фрич полагал, что французам достаточно сосредоточить против Италии на альпийском фронте до двадцати дивизий и что, следовательно, они будут иметь еще значительный перевес в силах против Германии. Французы, очевидно, попытаются продвинуться в Рейнскую область. Надо принять в расчет преимущество, которое дает Франции быстрота ее мобилизации, а такая участь слабость германской укрепленной линии,

что было особенно подчеркнуто фельдмаршалом фон-Бломбергом.

Генералы заявили также Гитлеру, что молниеносный захват Чехословакии будет не таким легким делом, как он полагает.

«Фельдмаршал фон-Бломберг обратил особенное внимание на сильные укрепления Чехии, построенные по образцу линии Мажино; взятие этих укреплений представляло исключительную трудность».

Гитлер слушал эти возражения с нетерпением. Он ограничился повторением, что Англия не примет участия в войне и, вследствие этого, сине верит в то, что Франция выступит против Германии. Его начинали уже бесить эти генералы, которые спорили вместо того, чтобы отвечать «jawohl»

IV. Как Гитлер избавился от Бломберга и Фрича и сделался верховным главнокомандующим

Содержание этого документа не было оглашено на суде, Геринг, как джентльменом, не хотел говорить о нем вслух и сообщил свои показания следователю с глазу на глаз. Но маршал Гальдер не был так галантен и сказал о жене Бломберга прямо и грубо: «Она занималась проституцией в нескольких городах». Сам Бломберг выразился иначе: «Ее поведение давало повод к известной критике. Но это было уже очень давно, когда она была еще совсем молода».

Оба имели в виду одно и то же, но второй выразил ту же мысль с мягкой снисходительностью пожилого супруга.

Кайтель прибавляет, что Эрна Грюбер была несколько раз арестована полицией нравственности и приговорена к наказанию.

«Я должен был, — говорит Геринг, — доложить это фюреру. Он заявил, что ему нанесли оскорбление, заставив его участвовать в качестве свидетеля в таком скандальном браке. Он послал меня к Бломбергу, чтобы потребовать у него прощения об отставке.

Это было тяжелое поручение. Я сделал что мог. Предлагал Бломбергу разлуку или развод. Он отказался».

Совсем иную версию дает сам Бломберг.

«Я спросил у Геринга, — говорит он, — не будет ли достаточно разлуки или развода для того, чтобы успокоить фюрера и позволить мне сохранить мою должность. Он ответил, что это не поможет и советовал мне от имени Гитлера покинуть Германию на некоторое время».

Вслед затем маршал фон-Бломберг уехал в Италию; эта вынужденная свадебная поездка была, естественно, несколько горькой.

Полицейский рапорт, полученный Герингом, исходил от Гиммлера. В течении всей истории нацизма политическая полиция вела надзор над генералами с рьяным усердием, доходящим до ненависти. Если рассказ Геринга правдив, то Гиммлер нарочно выждал свадьбу Бломберга, чтобы вернее потом уничтожить его. Иными словами, он умышленно допустил Гитлера скомпрометировать себя участием в брачной церемонии. Эта поразительная дерзость заставляет предполагать, что власть Гиммлера и Гестапо была еще больше, чем до сих пор полагали.

Другая гипотеза: сам Гитлер знал обо всем еще до свадьбы и подставил маршалу западню. Он был на это способен и последующие события делают это предположение вероятным.

Через месяц после аферы Бломберга разразился скандал с Фричем. Его можно было считать продолжением скандального дела графа Эйленбурга. Третий Райх шел по стопам второго: один из самых видных людей Германии, главнокомандующий армией, был обвинен в гомосексуализме.

В начале 1938 года фельдмаршал фон-Бломберг сообщил Гитлеру, что он собирается

жениться.

«Я явился к фюреру, — рассказал Бломберг в Нюрнберге, — и не скрыл от него, что моя невеста очень скромного происхождения. Она служила у меня секретаршей и в течение долгих лет была моей подругой, Гитлер ответил мне: «Абсолютно согласен и, если нужно, я вас поддержу». Он присутствовал на моей свадьбе вместе с Герингом».

До сих пор считалось, что в результате своей женитьбы Бломберг должен был покинуть пост военного министра. Полагали, что он был смещен вследствие протестов других сановников, возмущенных таким неравным браком. Документы Нюрнберга проявляют новый свет на это дело.

«На другой день после свадьбы, которая была в воскресенье, — рассказал Геринг, — мне вручили «дело». Я провел три часа за его изучением. Это был полицейский рапорт из пригородного комиссариата и речь шла о жене маршала Бломберга, рожденной Эрне Грюбер...». Гитлер тотчас же подписал отставку Фрича.

«Обвинение, — заявил Геринг в Нюрнберге, — было ложно и подстроено весьма грубо. Гиммлер и Гейдрих поставили лжесвидетеля, который утверждал, будто он был очевидцем неестественных сношений Фрича с третьим лицом. Как только я ознакомился с делом, я убедился, что это фальшь. Доносчик был жалким орудием в руках полиции; я его разоблачил и вынудил признание. Он отговорился сходством фамилий генерала Фрича и одного подполковника». Фрич потребовал суда чести.

«Я председательствовал в этом суде, — говорит Геринг, — как старший в чине офицер армии. Суд полностью реабилитировал Фрича от возведенного на него позорного обвинения».

После оправдания, Фрич обратился к Гитлеру с просьбой о восстановлении его в должности. Для него это было бы единственной окончательной реабилитацией, а для Гитлера почетной санкцией приговора суда чести.

Гитлер отказал Фричу.

«Он питал к Фричу, — признал Геринг, — личную ненависть. Он никогда не был до конца убежден в его невинности и всегда подозревал, что армия подставила подполковника, чтобы спасти генерала».

Личная ненависть! В этих словах заключается объяснение всего дела Фрича. Если в деле Бломберга закулисная махинация не вполне выяснена, то в случае Фрича она ясна, как день. Совершенно недопустимо, даже невероятно для каждого, кто хоть немного знаком с гитлеровским режимом чтобы два шефа Гестапо — Гиммлер и Гейдрих — составили этот грубый заговор с целью обесчестить главнокомандующего германской армией без ведома, вернее, без указания самого фюрера.

Свидетельство Фрича отсутствует: генерал был убит во время польской кампании в рядах полка, которого он был шефом и где числился, не занимая должности. И возможно, что он пал не от польской пули.

Дело Бломберга и дело Фрича являются частями одного общего замысла и объясняются всецело им. В тот же период времени 80 генералов и высших офицеров, не уличенные в женитьбе на кокотках и не подозреваемые в гомосексуализме, были удалены из армии. Гитлер производил чистку, изгоняя все, что называл буржуазным духом, а также то, что Геринг назвал миролюбием Главного Штаба. Он избавлялся от той категории офицеров, которые были исполнены чувства личной ответственности, стояли за независимость Верховного Командования и считали себя вправе иметь и высказывать свое мнение.

«Бломберг, — сказал в Нюрнберге маршал авиации Мильх, — был единственным офицером, умевшим разбираться как в политических, так и в чисто военных вопросах и способным противостоять Гитлеру, что он не раз и доказал. Люди, пришедшие после него, были слишком слабы, чтобы сопротивляться настояниям Гитлера и, вероятно, именно поэтому фюрер их и выбирал».

30 июня 1934 г. фон-Бломберг поддержал Гитлера против Рема и тем предрешил падение и смерть последнего. Он считал, что играет при этом роль, назначенную ему его

старым начальником Гинденбургом: умерять и направлять революционный пыл нацизма. Его поведение, поздравления, которые он принес фюреру после расправы в Берлине и Мюнхене, скрепили на некоторое время союз между Гитлером и армией. Но с тех пор, как Бломберг противопоставил намерениям Гитлера свои собственные взгляды на вооружением внешнюю политику, как только армия начала играть роль тормоза во всей авантюре, фюрер сломил Бломберга и скрутил армию.

Военная каста, влияние которой в Германии стояло так недостижимо высоко, — всемогущий когда-то Райхсвер теперь склонился и смолк.

«После ухода Бломберга, Фрича и (немного позднее) Века, — сказал генерал Гудериан, — Гитлер был окружен людьми, которые произносили только одно: «jawohl!»

Гитлер заменил Фрича фон-Браухичем. А место Бломберга занял он сам.

Через несколько дней по устранении бывших начальников появился указ об учреждении ОКВ., т. е. Верховного Командования всеми вооруженными силами, возглавлявшего армию, флот, авиацию, военную промышленность, организацию страны во время войны, пропаганду и т. д. И возглавителем этого верховного учреждения стал фюрер.

Реформа эта в свое время прошла почти незамеченной. Тем не менее, она была многозначительна и угрожающая, сосредоточив в руках одного человека неслыханную военную мощь. Германия фактически вступила на путь войны в тот день, когда, во главе ее встало ОКВ, а во главе ОКВ Гитлер.

Реформа эта была революционной, ибо она означала падение прусской военной касты юнкеров, традиционной ролью которой было ведение войны. Руководство германским народом в случае вооруженного конфликта переходило от владельцев замков Бранденбурга и Пруссии к авантюристу, вышедшему из подонков Вены.

В материалах Нюрнберга имеется любопытный документ, датированный 19-м апреля 1938 г. и озаглавленный: «Ведение войны, как проблема организации». Он подписан Кайтелем, но несомненно сочинен, а может быть и продиктован Гитлером. Здесь все характерные черты речей и писаний фюрера: многословие, пафос и сбивчивость. Это ответ Главному Штабу армии, который критиковал новую организацию. В нем фюрер изложил свои взгляды на подчиненность армии центральному руководству.

«Было бы противоречием с основным принципом тотальной войны, — говорится в этом документе, — полагать, что борьба на фронте может быть отделена от приспособления хозяйственной жизни тыла и пропаганды к потребностям войны. Эти задачи должны быть, наоборот, как можно теснее соединены. Но Верховный Вождь, объединяющий все эти задачи, явится лишь тенью начальника, подобно Кайзеру в последней войне, если при нем не будет Верховного Главного Штаба, подчиненного только ему одному.

«Армия требует, чтобы ОКВ было подчинено ей на том основании, что она-де является наиболее значительной частью вооруженных сил. Но эта претензия в равной мере могла бы быть предъявлена флотом или авиацией в случае конфликта с державами, не имеющими сухопутных границ с Германией, каковы Англия и СССР.

Всякий прогресс в мире требует жертв. Не было бы единого германского Райха, если бы составные части государства не отказались от своей суверенности. Нельзя иметь единого ОКВ, если армия, флот и авиация будут себя рассматривать не как части единого целого, а как самостоятельные единицы, и если они не подчинятся добровольно единому верховному командованию.

Если появляется утверждение, что нельзя требовать от военачальника, чтобы он побеждал по идеям другого, то на это следует ответить, что долг наш, солдат, побеждать согласно политическим идеям Верховного Главного Государства».

И в конце документа фраза, которая объясняет все:

«Ведение тотальной войны — дело фюрера».

Ефрейтор 1918 г., офицер-пропагандист 1919 г., одинокий чтец Клаузевица, достиг своей заветной цели: он стал главнокомандующим армией.

V. Гитлер вызвал чехословацкий кризис вопреки совету своих генералов

Присоединение Австрии, — или так называемый «Аншлюс», — последовало вскоре после отставки Бломберга и Фрича.

В этой афере Нюрнбергские документы не открывают никаких новых фактов. Но они содержат признание военачальников Германской армии: западным державам достаточно было поднять палец, чтобы остановить Гитлера.

«Германская армия, — говорит Кайтель, — была очень слаба. Она была еще в процессе развертывания первоначальных семи дивизий Райхсвера, У нее не было резервов. План создания армии в 36 дивизий должен был быть выполнен только в 1939 г.».

«Мое мнение, так же как и мнение маршала Бломберга и генерала фон-Фрича, было, что мы не можем пускаться ни в какую войну. Но я рассчитывал, что присоединение Австрии было вопросом лишь дипломатии, и что ситуация, не представляла для нас никакой опасности».

10 марта, узнав о плебисците, назначенном Шушнигом, Гитлер спросил, какие части войск могут быть немедленно двинуты в поход. 11 марта он подписал приказ о занятии Австрии (документ Г. 102) и приказал, чтобы приготовления были закончены на следующий день до полудня. «Операцией — стояло в приказе, — буду руководить я».

Приготовления были крайне просты. Они касались только 8-го армейского корпуса, расположенного вблизи австрийской границы. Не было никакой мобилизации. Ее и не могло быть — мобилизационный механизм не был еще готов.

Приказ 11 марта содержит в себе многозначительную фразу: «На прочих германских границах в настоящий момент никаких мер безопасности не принимать». Гитлер отказывался от попытки оградить свою операцию от возможной иностранной интервенции. Он знал, что он не в состоянии этого сделать и предпочитал действовать в открытую.

Поход на Вену напоминал увеселительную прогулку. Австрия, которая и сейчас проявляет изумительную снисходительность, отдалась тогда Гитлеру в порыве энтузиазма. «Пришлось, — говорит Иодль, — отдать приказ, чтобы шоферы не снимали своих очков, иначе они могли бы быть ранены букетами цветов, которые им беспрерывно бросали».

Этот триумф скрывал ничтожество германской армии. Сам Иодль признает, что большинство шоферов, которых забрасывали цветами, еще не умели как следует управлять своими машинами. Только 60 % из них могли доехать до Вены. Войска, присоединившие Австрию к Германии, не были способны к серьезной битве.

«Интервенция в Чехословакии, — сказал Кайтель, — могла бы привести к катастрофе. Мы опасались ее в течении целой недели».

Чехословакия! На пути в Вену, Гитлер иронизировал по адресу этого народа. «Чехи, — сказал он Гальдеру, который сопровождал его в роли офицера для связи от Главного Штаба, — держатся очень спокойно. У них нечиста совесть».

После «аншлюсса» Гитлер имел вероятно намерение сделать передышку, Политическая ситуация была неясна. Гражданская война в Испании шла к концу. Шансы на конфликт в области Средиземного моря уменьшались. Условия, поставленные 5 ноября 1937 г. для одновременного захвата Австрии и Чехословакии, не осуществлялись. «Зеленый план», т. е. план захвата Чехословакии, повис в воздухе.

«После присоединения Австрии, — пишет Иодль в своем журнале, — фюрер объявил, что чешская проблема не является срочной, т. к. надо, сперва «переварить» Австрию. Тем не менее приготовления к «зеленому плану» должны вестись энергично. В этот план должны быть внесены изменения, вытекающие из новой политической ситуации в результате аннексии Австрии».

Майор Шмундт, адъютант фюрера, записал события этого периода. Он отмечает разговор, происшедший 21 апреля 1938 г. между Гитлером и Кайтелем. «Фюрер, — пишет

он, — исключает беспричинное нападение на Чехию. Он допускает постепенное ухудшение отношений, могущее завершиться войной, но он предпочел бы внезапный инцидент, — например, убийство нашего посланника. Первые четыре дня будут иметь решающее значение. В эти дни нам нужно добиться значительных успехов, чтобы обескуражить друзей Чехии».

20 мая Гитлер дает указания для выполнения «зеленого плана». Они совпадают с записью в журнале Йодля. «В мои намерения не входит разгром Чехословакии в ближайшее время посредством военной интервенции...».

30 мая вышла новая директива. Она начинается фразой, которая слово в слово обратна заявлению 20-го мая: «Моим неизменным решением является военный разгром Чехословакии в ближайшем будущем».

Таким образом, в течении 10 дней Гитлер повернул на 180 градусов. 20 мая — стоп, 30 мая — вперед! Что случилось? Случилось следующее.

В воскресенье 21 мая два мотоциклиста, пытавшиеся перейти чешскую границу у Эгера, были убиты чешской пограничной стражей. Убитые оказались немцами из Судет (провинция, населенная немцами и с 1920 г. входившая в состав Чехословацкой республики); они везли с собой пропагандную литературу, призывавшую судетских немцев к восстанию. Потеряв терпение, вследствие повторных пограничных инцидентов, быть может, введенное в заблуждение ложными или тенденциозными сведениями, чешское правительство тотчас же объявило мобилизацию.

Теперь уже установлено, что Прага испугалась тени. Никакого передвижения германских войск не было. Жест Чехии был чрезмерен и бесполезен. Энергия, которой Чехии во всей этой плачевной истории почти всегда не хватало, на этот раз была проявлена не во время.

Германия не отвечала на мобилизацию. Во всем мире создалось впечатление, что фюрер отступил. Но мир еще не имел представления о гневе Гитлера.

«Намерение фюрера не приступить немедленно к разрешению чешской проблемы, — писал Йодль в своем журнале, — изменилось вследствие стратегической концентрации, произведенной чехами 21 мая без всякой угрозы с нашей стороны и без всякого повода».

«Так как Германия не отвечала, то престижу фюрера нанесен ущерб, повторения которого он не намерен терпеть. Вот почему издан новый приказ до поводу «зеленого плана».

Эта «зеленая тетрадь», этот план кампании против Чехословакии, был начат зимой 1937-38 гг.; генерал фон-Фрич составил теоретический военный этюд на эту тему. После «аншлюсса» был выполнен ряд подготовительных работ. После 30 мая 1938 г. эти работы вылились в форму точного и подробного проекта захвата Чехословакии.

Генералы встревожились.

«Чистка» в начале 1938 г. была недостаточна для приведения Главного Штаба к покорности. Дух Бломберга и Фрича жил еще в оставшихся. Принципиальная позиция генералов оставалась прежнею: никакого риска войны, пока Германия не будет готова, т. е. до 1943-45 г. Впрочем из трех, которых Гитлер застал при своем приходе к власти, оставался всего один: генерал Бек.

Он занимал должность начальника Главного Штаба армии. Это был человек мужественный, с ясным умом и упорный, который отзывался о Гитлере с откровенной суровостью: «Сумасшедший», — говорил он.

«Все обостряется, — пишет Йодль в своем журнале, — противоречие между убеждением фюрера, согласно которому мы **должны** что-то предпринять еще в этом году, и мнением армии, что мы **не можем** ничего предпринять, так как западные державы вмешаются, а у нас нет равных с ними сил».

В июне Гитлер сделал сцену Браухичу и Беку. Он приказал им ускорить приготовления к нападению на Чехословакию и иметь в виду полную оккупацию всей страны. Он отказался слушать их советы благоразумия и передал им новую директиву от 18 июня.

«Германии, — сказал он, — нечего бояться опасностей превентивной войны. С другой стороны, она не входит ни в какой союз, который мог бы автоматически привести ее к войне. Поэтому она свободна в своих решениях.

Моей непосредственной целью является разрешение чешской проблемы согласно моему собственному мнению. Это явится осуществлением первого этапа моих политических замыслов. Я решил использовать все мои возможности в этом деле.

Тем не менее, я предприму акцию против Чехословакии лишь в том случае, если я буду твердо убежден, — как это было при занятии Рейнской области и Австрии, — в том, что Франция не выступит, а следовательно и Англия не вмешается».

Это заверение было, в общем, успокаивающим для Главного Штаба. Оно устраняло опасение всеобщей войны. Оно допускало возможность лишь малой — локальной — войны, которую Германия летом 1938 г. уже могла выдержать. И тем не менее опасения начальников армии не были рассеяны.

На проекты и упреки фюрера генерал Бек ответил меморандумом.

Текст этого меморандума не находится в числе документов Нюрнберга и возможно, что он утерян. Но существование его не подлежит сомнению и содержание его известно. Кайтель и Браухич припоминают, что читали его. Гальдер, который занял место Бека, нашел его в своих бумагах; как он говорит, Бек сам намекнул ему на существование документа, сказав: «Вы найдете в моем шкафу что-то, что вас может заинтересовать».

«Я знаю, — сказал Гальдер, — что фюрер ознакомился с меморандумом, ибо когда я заместил генерала Бека, Гитлер постоянно цитировал этот документ как доказательство неспособности и интеллектуальной слабости Начальника Главного Штаба. Бек уверял Гитлера, что Германия, пытаясь осуществить свои цели при помощи силы, сама породит, против себя коалицию и потерпит новое поражение».

«Меморандум Бека, — говорит Браухич, — вполне отвечал мнению старших генералов армии. Все его одобряли». Это был, таким образом, коллективный акт самозащиты всего высшего командования, предостережение военачальников авантюристу, шедшему навстречу гибели, как лунатик, идущий по карнизу дома.

Никто не был свидетелем сцены, последовавшей между фюрером и генералом Бекем. Она была ужасна. Бек подал в отставку. Гитлер ее принял, но приказал генералу держать ее пока в секрете, чтобы не вызывать кризиса в командовании германской армии.

Секрет не был сохранен. В начале сентября, за месяц до Мюнхенского совещания, французский журналист Андрэ Пиронно раскрыл, что начальник Главного Штаба германской армии ушел в отставку, так как он порицал авантюрную политику своего фюрера. Поразительно, что такой значительный факт остался без влияния на поведение западных держав. Он являлся доказательством шантажа Гитлера.

Покидая свой пост, Бек сказал своему преемнику Гальдеру: «Режим, основанный на грубой силе, может быть свержен только силой. Вы не сделаете ничего отставками и меморандумами».

Верный своим словам, Бек пытался составить заговор против диктатора. 20 июля 1944 г. он пал под пулями Гестапо.

Почти в то же время Гитлер получил еще одно предостережение — от своего министра финансов — графа фон-Шверин-Кросиг.

Подобно Бломбергу, Шверин-Кросиг был завещан Гитлеру Гинденбургом. Он принадлежал к той группе государственных людей, которыми мудрый престарелый маршал пытался окружить авантюриста. Это был германский националист старого закала, вовсе не пацифист, но реалист. Он обладал тем знанием света и заграницы, которого аристократы достигают без специального изучения, благодаря наследственности и воспитанию.

1 сентября он послал Гитлеру длинный рапорт, фигурировавший в Нюрнберге, как документ E. S. 419.

«Мой фюрер, — писал он, — я считаю своим настоятельным долгом выразить Вам мою глубокую тревогу по поводу будущего Германии.

От Англии зависит, чтобы война с Чехословакией была или не была локализована. Весь мой многолетний опыт и знание Англии и английского народа подсказывают мне, что неоднократно высказанное Англией решение действовать не является пустым блефом.

Тот факт, что Англия в военном отношении еще не готова к войне, не мешает ей вступить в войну, т. к. она обладает двумя козырями. Первый, это то, что вслед за ее вступлением надо ожидать и вступления США; второй — это явные признаки экономической и финансовой слабости Германии.

Мне кажутся утопией все расчеты на то, что мы сможем обеспечить себя предметами первой необходимости для ведения войны путем ввоза из юго-восточной Европы и интенсивной эксплуатации нашей собственной земли. Западные державы не бросятся на «Западный Вал»: они предоставят германской экономике слабость, так что после начальных успехов мы мало помалу потеряем наши военные преимущества в виду подвоза вооружения, снабжения и авиации из США.

Столь же решающим пунктом является положение и мораль нашего народа. Трудно народу, который уже проиграл одну великую войну, на протяжении одного поколения найти в себе силы, как моральные, так и физические для победы. Когда дело шло о том, чтобы вернуть себе военную свободу, т. е. армию, заняв Рейнскую область или освободить Австрию, вся нация как один человек, была глубоко убеждена в наших правах и законности наших поступков. Но в случае с Чехословакией положение иное, и если оно выльется в мировую войну, то вера в Вас, мой фюрер, будет потрясена до самых корней».

Эти предостережения были мужественны. Они были зловещи. События, подтвердившие мрачные предсказания Бека и Шверин-Кросига, пришли слишком поздно. Гитлер в долгом, непрерывном ряде своих побед увидел доказательство того, что те, кто проповедовал ему благоразумие — ошибались. Его уверенность в себе развилась в чудовищное чувство собственной непогрешимости. Он дошел до того, что в самом одиночестве своем видел гарантию и доказательство своей правоты.

Кризис Судетских земель продолжался и сотрясал Чехию. Тень войны легла над Европой. Начался ряд скрытых мобилизаций. Попытка умиротворения рушились одна за другой. Архивы Нюрнберга свидетельствуют, что Гитлер почти не следил за попытками дипломатии и сосредоточивал все внимание на приготовлениях к войне. И в то же время он не изменил своей точки зрения, которая к сожалению была правильной: он все еще верил тому, что он сказал 5 ноября 1937 г., а именно, что Франция и Англия в душе уже поставили крест над Чехословакией и вычеркнули ее из числа независимых государств. Вот почему он вел себя так, как будто вовсе не страшился общего конфликта, тогда как на деле он считался в худшем случае с поединком со страной, насчитывавшей всего 14 миллионов жителей.

10 августа он созвал в Бергхоф командиров армейских корпусов и командующих воздушными соединениями, а также полковников Иешонека и Иодля. Последний описал в своем журнале это совещание.

«После обеда, — пишет Иодль, — фюрер произнес речь, которая продолжалась три часа и в которой он развил свои политические взгляды. Вслед затем некоторые из генералов пытались обратить внимание фюрера на дефекты нашей подготовки. Попытки эти были неудачны; в частности это относится к выступлению генерала Витерсхайма, который, ссылаясь на мнение генерала Адама, считал, что укрепления Западного Вала не удержатся и трех недель. Фюрер страшно возмутился и закричал, что если это так, то вся армия ни к чему не годится».

«А я, генерал, — кричал он, — заверяю вас, что наша позиция удержится не только три недели, но три года». Иодль по этому поводу вздыхает:

«Эти пессимистические взгляды, к сожалению весьма распространенные в армии и в Главном Штабе, держатся по многим причинам. Во-первых, в силу старых воспоминаний. Затем идут политические соображения, тогда как каждый должен был бы только слушаться и выполнять свою военную задачу. Это делается конечно с традиционной старательностью, но при этом не хватает остроты ума; в конце концов критики просто не верят гению фюрера.

Его сравнивают, самое большее, с Карлом XII. Это пораженчество не только рискует причинить огромный ущерб политически, — т. к. оппозиция, генералов фюреру всем известна, — оно может также отразиться неблагоприятно на морали войск. Но я не сомневаюсь, что в нужный момент фюрер окажется способным поднять мораль германского народа самым неожиданным способом».

На сдержанность, которую он чувствовал в военных кругах, Гитлер отвечал ненавистью и презрением. Он все больше и больше отдалялся от Главного Штаба и работал с небольшой группой преданных ему офицеров из ОКБ. Приходилось опасаться предательства со стороны людей, правом которых было все знать, а долгом — все скрывать.

8 сентября Иодля посетил фон-Штульпнагель — генерал-квартирмейстер армии. Он просил у Иодля письменного заверения, что Главный Штаб будет уведомлен о предстоящем выполнении «зеленого плана», по крайней мере, за 5 дней до начала операций. Иодль согласился в принципе, но заметил при этом, что метеорологические условия могут еще в последний момент опрокинуть все предположения.

Потом генерал и полковник разговорились.

«Генерал Штульпнагель, — рассказывает Иодль, — мне признался, что он в первый раз задает себе вопрос, не изменились ли основы нашего плана. До сих пор все было построено на том предположении, что западные державы не будут вмешиваться. Постепенно выясняется, что фюрер по-видимому склонен напасть на Чехословакию даже и в том случае, если это предположение отпадает. Надо добавить, что позиция Венгрии нам неблагоприятна, а Италия ведет себя сдержанно.»

«Я должен признаться, что я также ощущаю беспокойство, когда я учитываю перемены взглядов на военно-политические возможности я когда я сравниваю последние инструкции с директивами 24 июня, 5 ноября и 7 декабря 1937 и 30 мая 1938 гг.»

«Надо принять во внимание, что другие государства не остановятся ни перед чем, чтобы оказать на нас давление. Мы должны будем выдержать это испытание нервов; но так как мало кто обладает достаточной выдержкой и сопротивляемостью, то единственно возможное решение, — как можно строже держать про себя эти новости, которые нам причиняют столько беспокойства, а не разглашать их повсюду, как было до сих пор».

Таким образом, даже в непосредственном военном окружении Гитлера, даже в самом ОКБ, даже в уме Иодля, — этого восторженного поклонника фюрера, — гнездились сомнения и беспокойство.

Съезд национал-социалистической партии в Нюрнберге выявил новое обострение кризиса. Собрания проходили в душной, напряженной атмосфере, которая охватывала всех сейчас же, как только замолкали ликующие фанфары. Холодный дождь заливал гигантский стадион, а страх будущего сжимал сердца партийцев. Если был момент, когда Германия сомневалась в своем фюрере, когда перед ней мелькала та пропасть, к которой она близилась, — то это было именно в эти дни, непосредственно перед Мюнхеном. Никогда, быть может, положение Гитлера не было более шатким. Но Западные державы этого не знали.

9 сентября в Нюрнберге Гитлер вызвал к себе из Берлина генералов Браухича, Кайтеля и Гальдера. Полковник Шмундт, присутствовавший на этом военном совете, записал краткий протокол его и документ этот фигурировал на Нюрнбергском процессе.

Гальдер, начальник Главного Штаба, изложил план кампании против Чехословакии. Наступление должно вестись 2-й и 14-й армиями; цель его — захватить в клещи чешскую армию и не допустить ее отступления вглубь Чехии. Силы противника надо считать слабыми. Укрепления его имеют бреши. Некоторые бункера — без купольных перекрытий. Плотность обороны — одна дивизия на 10 километров фронта. Ольмюц должен быть занят 2-й армией уже на другой день. Наоборот, перед Пильзеном германская армия должна выжидать. Задача германской стратегии — охват и захват главных сил неприятеля.

О западных державах — ни слова. Единственной мерой, принятой в этом направлении, было спешное и демонстративное сооружение линии Зигфрида. Это значит, что Гитлер не

считался с возможностью интервенции Франции. И приказ о мобилизации западных дивизий — 26-й, 34-й, 36-й, 32-й и 35-й, всего пяти дивизий против всей Франции — был отдан только вечером 27 сентября, т. е. за несколько часов до Мюнхенской конференции.

Съезд партии в Нюрнберге возобновился. Гитлер вернулся на трибуну и продолжал свои речи.

Однако в Берлине, куда генералы вернулись после совещания 9 сентября подготовлялось сенсационное событие.

«Мы решили, — рассказал Гальдер в Нюрнберге, — избавиться от Гитлера. Мы не имели в виду его убивать, т. к. убийство несовместимо с нашим понятием о воинской чести, но мы хотели лишить его возможности продолжать свою безумную политику.

Душой заговора был генерал Бек. В последний день Нюрнбергского съезда заговорщики сошлись у меня в Берлине. Теперь все они мертвы, кроме подполковника Бем-Тательбаха. Начальник гарнизона Берлина заявил, что на следующий день, по приезде Гитлера в Берлин, он будет арестован вооруженной силой.

Мы тотчас составили прокламацию к германскому народу, в которой говорилось, что фюрер вовлекал Германию в гибельную войну и что долгом нас — генералов — было предотвратить эту войну.

Наше совещание еще продолжалось, когда радио, которое непрерывно давало сведения о ходе кризиса, известило, что премьер-министр Англии Невиль Чемберлен испросил свидания у Гитлера и что он летит в Берхтесгаден.

Это сведение опрокинуло наши планы: вместо того, чтобы приехать в Берлин, Гитлер отправлялся в Берхтесгаден, чтобы там принять Чемберлена. К тому же это изменяло психологическую картину. Мы могли арестовать человека, который очертя голову бросался в военную авантюру, но не было никакого основания арестовывать человека, который вел переговоры.

Мы решили все отложить. Но престиж Гитлера настолько возрос после Мюнхенского совещания, настолько укрепил его позицию, что подходящий случай уже больше не представился».

Ирония истории! Чемберлен, думая спасти мир, спас быть может Гитлера, так как путч генералов, в той атмосфере тревоги, в которой находилась Германия, имел все шансы на успех.

Потом пришли свидания в Берхтесгадене, Годесберге, Мюнхене...

Один вопрос остается и навсегда останется открытым. Что стал бы делать Гитлер, если бы западные державы проявили упорство? Если бы они запретили Германии, под угрозой войны, расчленение Чехословакии?

Что отвечают на это документы Нюрнберга?

Вот что сказал генерал Гальдер:

«Для тех, кто был в курсе дел, наши стратегические планы в отношении Чехословакии были ничем иным, как пустым блефом».

Вот что сказал Иодль:

«Я уверен в одном: если бы политическая ситуация не сложилась благоприятно после Годесберга и Мюнхена, то мы никогда не захватили бы Чехословакии, я твердо убежден, что если бы Даладье и Чемберлен сказали в Мюнхене: «Мы будем реагировать», то мы ни в коем случае не выступили бы с военной силой. Мы не могли бы этого сделать. У нас не было средств прорвать чешскую «линию Мажино» и у нас не было войск на Западе».

Вот, наконец, свидетельство, имеющее двойную ценность, ибо оно исходит от самого Гитлера и относится ко времени самого события. Это одна из драгоценных записок карандашом, оставленных адъютантом Гитлера Шмундтом, ныне покойным. Вероятно, она была написана во время путешествия Гитлера в Мюнхен. Вот ее текст:

«Все зависит от того, считает ли Муссолини свое дело законченным или нет. Если да, то с чешской проблемой придется подождать; мы вернемся с пустыми руками. Если же нет, то, — поскольку итальянская империя в Африке невозможна без помощи Германии, — мы

сделаем из Чехословакии предварительное вступление и вернемся в Берлин с Чехословакией в кармане.»

«Муссолини — реалист, — он должен учесть военные возможности Германии. И сообразно этому он поступит.»

«Имея против себя Францию и Англию, мы можем выиграть Чехию только в том случае, если Италия будет с нами. Тогда Франция и Англия не выступят.»

Вернуться с пустыми руками!.. Итак, отправляясь в Мюнхен, Гитлер все же считался с возможностью неудачи.

С другой стороны известно, что Муссолини не собирался воевать в октябре 1938 г. Он был слаб, утомлен войной в Абиссинии и участием в гражданской войне в Испании. У него не хватало сырья, не хватало иностранных девизов. Он нетерпеливо ожидал международной выставки в Риме, которая должна была открыться в 1941 г.; у него были огромные расходы и он жаждал вернуть свои издержки. В 1939 г., за две недели до начала войны с Польшей, он послал своего зятя Чиано в Оберзальцберг, чтобы изложить фюреру затруднительное положение Италии и упросить его подождать немного.

В дни Мюнхена итальянская империя в Африке сильно беспокоила Муссолини. Он хотел передышки. Инициатива примирения четырех держав, которую он принял на себя без сговора с Гитлером, является доказательством его мирных намерений. Он хотел избежать войны, не хотел рисковать.

Но благожелательные политики — Чемберлен и Даладье — сами поднесли Гитлеру победу.

VI. Война с Польшей была решена 23 мая 1939 года

Проекты Гитлера осуществлялись не по твердому плану. Документы Нюрнберга доказывают, что в его политике, как и в его стратегии, всегда была большая доля импровизации. Ход событий зависел от его настроения.

После Мюнхена, как и после Аншлюсса, он собирался сделать передышку. Единственная найденная его директива, относящаяся к осени 1938 г., предусматривала ликвидацию остальной Чехии, т. е. операцию, осуществленную в марте 1939 г. С военной точки зрения, это была простая задача, выполнение которой требовало только пограничных войск и всего лишь несколько часов времени. Чехословакия, ампутированная в Мюнхене, не являлась больше противником, — это была легкая добыча.

«В декабре 1938 г. или в январе 1939 г., — говорит Браухич, — Гитлер отдал приказ армии готовиться к войне, которая должна была начаться не позже 1944-45 гг.»

Итак фюрер возвращался к датам, указанным Главным Штабом. Он возвращался к военной мудрости, которая требует тщательной подготовки. Впрочем, неприятель, которого он имел в виду, была не Польша, а Франция.

Эта программа согласовывалась с основной идеей книги «Моя борьба». Расширение Германии направлялось к востоку, но решение лежало на Западе. Ядром всей проблемы было военное превосходство Германии над всей Европой; как только это превосходство оказалось достигнутым, у Германии были развязаны руки. Восток и Запад принадлежали ей.

Таким образом, после Мюнхена немедленный приговор Польше еще не был произнесен. Эта страна не заслуживала чести специальной экзекуции. Она должна была пасть позднее, вместе с остальными, после поражения французской армии...

Нет необходимости искать где-то далеко глубокие причины, которые побудили Гитлера изменить это решение. Как и все остальные, они — в самом Гитлере. Четыре или пять лет ожидания казались невыносимыми для этого человека, дрожавшего от нетерпения. Он был подобен морфинисту, который не может жить без своего наркотика: его потребностью было потрясать мир каждые три месяца.

«Для меня было ясно, — сказал он своим генералам 23 апреля 1939 г. (документ 798 P.S.), — что, рано или поздно, но конфликт с Польшей должен произойти. Я принял решение

уже год тому назад, но я полагал сперва обратиться к Западу, и только спустя несколько лет обернуться к Востоку. Но течения событий не может быть предусмотрено. Я хотел сперва установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы иметь развязанные руки для борьбы с Западом. Но этот мой план не мог быть осуществлен. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас сзади в то время, когда мы будем заняты на Западе и что таким образом нам придется воевать с ней в невыгодный для нас момент».

Решение ликвидировать сперва Польшу было принято Гитлером весной 1939 г.

23 мая он назначил в Новой Канцелярии большое военное совещание. Протокол совещания, заверенный подполковником Шмундтом, перечисляет присутствовавших генералов: Геринг, Редер, Браухич, Кайтель, Мильх, Гальдер, Боденшац, Шнивиндт, также как и группу офицеров от ОКБ: Варлимонт, Иешонек, Шмундт, фон-Белов. Отсутствовал только верный Йодль, отбывавший свой стая; командования в Вене, во главе дивизионной артиллерии.

Речь Гитлера была фантастической сумятицей. Там было все: мечты о жизненном пространстве, идеологические декламации о национал-социализме, анализ мирового развития, исторические рассуждения о возникновении и упадке империй. В продолжении нескольких часов Гитлер разглагольствовал, анализировал, кричал и рычал.

Общий тон был резко антибританский. Фюрер признавал, что англичане горды, мужественны, упорны, стойки в обороне, прекрасные организаторы, склонны к авантюрам. Не достигая уровня немцев, они обладают качествами северной расы. Однако, он заявил, что не уверен в достижении с ними мирного соглашения, т. к. они ведут себя, как смертельные враги Райха.

«Англия, сказал он, — это двигатель антигерманских сил. Она видит в нашем развитии зарождение новой гегемонии, которая ее ослабит. Мы должны подготовиться к борьбе с ней. и это будет борьба не на жизнь, а на смерть. Наша конечная цель — поставить Англию на колени».

В устах Гитлера это были новые мотивы. Отныне они чередуются с мотивами соглашения и союза. Буйным и непостоянным умом диктатора овладевают, попеременно, то надежда, то досада.

Между тем польская проблема была актуальна, конкретна и неотложна. Она явно казалась предпочтительнее большой и сложной западной проблемы.

«Польша, — сказал Гитлер, — вовсе не «случайный неприятель». Она всегда будет на стороне наших противников. У нее всегда тайное желание использовать все возможности, чтобы нас уничтожить».

«Дело вовсе не в Данциге. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства к Востоку, приобретении базы питания и урегулировании Балтийской проблемы».

«Польская проблема неотделима от конфликта с Западом».

«Внутреннее сопротивление Польши большевизму сомнительно. Поэтому Польша является ненадежным барьером против СССР».

«Польша не может оказать сопротивления натиску СССР. В победе Германии на Западе, она видит угрозу для себя и попытаемся лишить нас этой победы».

«Поэтому не может быть вопроса о пощаде и это приводит нас к следующему решению: атаковать Польшу при первой же возможности».

Гитлер предупредил своих слушателей:

«Не ожидайте простого повторения чешской аферы. На этот раз, господа, это будет настоящая война...»

Далее он заявил:

«Мысль, будто мы можем добиться наших целей дешевой ценой, является опасным заблуждением. Такой возможности не существует. Мы должны сжечь наши корабли и дело пойдет не о справедливости или несправедливости, но о жизни и смерти народа, численностью в 80 миллионов».

На этот раз Гитлер допускал войну на два фронта.

«Англия, — сказал он, — не будет щадить французскую кровь и не задумается бросить французскую армию на Западный Вал. Важно, чтобы война была перенесена как можно ближе к Рурскому бассейну, владение которого определит длительность нашего сопротивления. Бельгия и Голландия будут заняты, несмотря на заявления о нейтралитете».

«Если Англия попытается вмешаться в войну против Польши, то мы будем действовать с быстротою молнии. Мы должны обеспечить себе линию обороны на Зюдерзее».

«Все правительства, все армии ищут способа сделать войну короткой. Тем не менее, мы должны приготовиться к войне на 10–15 лет».

За этот последний год Гитлер в корне переменял свое решение. В 1938 г. он говорил: «Если Англия и Франция решат воевать, я подожду». В 1939 г. он заявляет: «Что бы ни делали Англия и Франция, я разрешу польскую проблему силой оружия».

Тем не менее, в его сбивчивой, почти сумасбродной речи, которую трудно было понять и еще труднее восстановить, проглядывала все же надежда, что, быть может, удастся свести с Польшей счеты один на один.

«Наша задача — изолировать Польшу. Это вопрос дипломатической ловкости».

И, наконец, вот фраза, в которой намечалась будущая политика:

«Не исключена возможность, что Россия будет не заинтересована в сохранении польского государства».

Когда генералы несколько опомнились от этого неожиданного потока красноречия, обрушившегося на них, они, по-видимому, не знали, что от них ожидается: занять ли Голландию, атаковать линию Мажино, перешагнуть Ламанш или идти походом на Варшаву? Но, по крайней мере, одно было ясно, определенно и неизбежно: война.

По—видимому, после речи фюрера не было никакой дискуссии. Протокол совещания, во всяком случае, не упоминает о ней. Адмирал Редер, перед которым Гитлер только что развивал ослепительные замыслы уничтожения британского флота — молчал. Генерал-полковник фон-Браухич, главнокомандующий армией, — молчал. Поразительный контраст! В 1937 и 1938 гг. генералы позволяли себе высказывать свое мнение; В 1939 г. — они были немые. Аферы Бломберга, Фрича, Бека сломали их сопротивление, и Мюнхен был не только победой Германии над Чехословакией, но также победой Гитлера над Главным Штабом.

Военные планы Германии на различных ее границах рисовались тогда на подобие радуги. Против Чехословакии был зеленый план, против Франции — желтый; против Польши — белый.

Гитлер приказал армии деятельно готовиться. К августу все должно было быть готово. При этом он поставил еще два условия.

Во—первых, армия должна быть готовой к наступлению без предварительной мобилизации. Во-вторых, приготовления должны вестись таким образом, чтобы их можно было в любой момент задержать или даже совсем прекратить в последние 24 часа.

Начать наступление без мобилизации — значило опрокинуть все традиции, свято соблюдавшиеся во всех армиях в течении двухсот лет.

«Это обстоятельство, — сказал Кайтель, — крайне стесняло Главный Штаб. Браухич несколько раз просил об его отмене, но Гитлер всегда отказывал».

Основой стратегии Гитлера была неожиданность. Фюрер так старался хранить все в тайне, что 22 июня он отменил приказ по армии, предписывавший эвакуацию госпиталей из восточной зоны. Комфорт больных был не так важен, как сохранение тайны.

«Армия, — говорит Кайтель, — была усилена тем, что задержали солдат, которые должны были выйти в запас еще в октябре прошлого года. Помимо того, было призвано большое количество запасных (резервистов)».

Но Гитлер и на этом не успокоился. Приказ по ОКБ от 22 июня предписывал отвечать на вопросы работодателей или частных лиц, что резервисты призваны для участия в осенних маневрах и для пополнения воинских частей, принимающих в них участие.

Второе условие, поставленное Гитлером, также опрокидывало классические традиции

Главного Штаба. В приготовлениях к войне установленные сроки считались неприкосновенными. Раз решение принято, то военные меры также трудно остановить, как задержать движение солнца. В августе 1914 г., на основании ложного слуха о нейтралитете Франции, Вильгельм II созвал свой генералитет и радостно сказал: «Необходимо изменить планы войны: нам предстоит драться на одном фронте». На это Мольтке поднялся и сказал: «В таком случае, Ваше Величество, я имею честь просить об отставке».

Гитлер изучал военную историю. Он не хотел подчиняться военному механизму. До последнего момента он старался оставить себе свободный выход.

Дипломатическая подготовка войны шла одновременно с военной подготовкой. Цель, которую поставил себе Гитлер 23 мая, была изоляция Польши.

Он все еще, до самого конца, надеялся, что западные державы не вступятся за Польшу.

В Нюрнберге фигурировал за № 1871 P.S. длинный отчет о разговорах между фюрером и графом Чиано 12 августа 1939 г. в Оберзальцберге. Чиано, от имени Италии, настаивал на том, чтобы подождать. Гитлер — на том, чтобы действовать без промедления. Этот документ впервые показывает, насколько политика двух партнеров Оси была мало согласована. Чиано высказал, в частности, удивление, что Италия так неожиданно оказалась поставленной в такое серьезное положение. Беседа вылилась в форму поочередного монолога: Гитлер подчеркивал силу Германии, Чиано указывал на слабость Италии.

«Я лично глубоко убежден, — сказал Гитлер, — что западные державы в последнюю минуту отступят перед перспективой всеобщей войны».

«От всей души желаю, чтобы Вы оказались правы, — отвечал Чиано, — но я в этом совсем не убежден».

«Как бы эхом этого диалога — притом окрашенным в минорный тон — звучит относящийся к тому же времени разговор между Кайтелем и адмиралом Канарисом, начальником германской разведки (документ P.S. 795).

«Интересно отметить, — сказал Кайтель, — до какой степени итальянская диктатура оказывается нерешительной в вопросе войны. И, несомненно, такое отношение должно быть еще сильнее у демократических стран. Я убежден, что Англия не выступит».

«Вы ошибаетесь, — возразил Канарис, — Англия тотчас же заключит союз, организует блокаду и парализует нашу морскую торговлю».

«Блокада нам не страшна. Мы будем получать нефть из Румынии».

«Да, но англичане будут бороться всеми средствами, если только мы нападём на Польшу».

В своих расчетах на воздержание западных держав от участия в конфликте, Гитлер основывался, главным образом, на впечатлениях своей победы в Мюнхене: война внушала Западу страх. И для того, чтобы изолировать Польшу от Запада, нужна была только ловкость.

«Это я, — сказал в Нюрнберге Риббентроп, — внушил фюреру идею заключить пакт с Россией. Сначала он отказался, но потом присоединился к моей мысли».

12 августа, в момент разговора Гитлера с Чиано в присутствии Риббентропа, принесли телеграмму из Москвы. Протокол гласит следующее:

«Разговор был на короткое время прерван, потом текст телеграммы сообщен Чиано. Русские соглашались на приезд германского уполномоченного для переговоров в Москву. Риббентроп добавил, что русские были вполне в курсе германских намерений относительно Польши. Он сам, по поручению фюрера, информировал советского уполномоченного. Фюрер заявил что по его мнению СССР не намерен «таскать из огня каштаны» для западных держав. Положение Сталина было бы одинаково опасным как в случае победы русской армии, так и в случае ее поражения. СССР хотел прежде всего расширить свои выходы к Балтийскому морю и Германия не возражала против этого. Кроме того, Россия вряд ли выступила бы на стороне Польши, ибо между ними была глубокая взаимная ненависть. Посылка англо-французской миссии имела целью исключительно предотвратить катастрофические последствия политических переговоров».

Спустя 9 дней был заключен германо-советский пакт о разделе Польши. По вполне понятным причинам, документ этот, столь важный для разъяснения причин войны, не фигурировал в Нюрнберге.

План кампании против Польши, выработанный Главным Штабом, был представлен Гитлеру в конце июля. Так как генералы располагали лишь ограниченными силами (сорок дивизий, из них пять танковых), то они рассчитывали на скромную, сравнительно, операцию, продиктованную благоразумием. Они хотели сосредоточить свои силы в Силезии и предпринять всего лишь одну операцию в направлении к северо-востоку, — на Лодзь и Пилицу. Они не отваживались идти на Варшаву в течении этого первого наступления, довольствуясь выигрышем битвы на границах, и тем, что польскую армию принуждали к отступлению.

Гитлер, — по словам Кайтеля и Геринга, — изменил этот план.

Он знал, что польское командование сосредоточило свои силы в районе Познани и что оно намеревалось вести наступление. Там не менее, он не колебался обнажить германскую границу между Силезией и Вислой. Но он создал сильное левое крыло, которому поручена была задача перерезать «коридор» в направлении на Торн и Грауденц, соединиться с Восточной Пруссией и ударить в тыл полякам. План операции у Млавы, взятия ее и выхода в тыл Варшаве — принадлежит Гитлеру. Это было его дебютом в стратегии.

Браухич и его офицеры взяли обратно свой план с пометками Гитлера и переделали его согласно указаниям фюрера.

При этом Гитлер назначил срок войны. «Наступление, — сказал он, — начнется 25 августа. Что касается срока победы, то он его указал графу Чиано во время их беседы. Он считал необходимым срок в две недели, чтобы сломить сопротивление польской армии и, сверх того, четыре недели для завершения всей операции. Таким образом, он рассчитывал закончить кампанию раньше, чем осень превратит польскую равнину в непроходимое море грязи.

Германо-советский пакт был объявлен Москвой 21 августа. На следующий день Гитлер собрал в Оберзальцберге высших германских генералов. Их собралось, по словам Кайтеля, 15 или 20, — все командующие армиями и соединениями авиации и танков.

Никогда, вероятно, не будет установлен точный текст речи, произнесенной Гитлером на этом собрании. Существуют две различные версии, и бесконечные дискуссии в Нюрнберге оказались бессильны установить, какая из этих версий — подлинная.

«Мое решение напасть на Польшу было принято прошлой весной. Вначале я опасался, чтобы политическая ситуация не вынудила меня к одновременной войне против Англии, Франции, России и Польши. Но даже и этот риск надо было принять».

«С осени 1938 г., — зная, что Япония не вмешается и что Муссолини связан своим безрассудным королем и бесчестным наследным принцем, — я решил договориться со Сталиным».

«В конце концов, на свете есть только три государственных человека: Сталин, Муссолини и я. Муссолини — самый слабый из трех, так как он не был в состоянии сломить оппозицию королевского дома и церкви. Вот почему я решил столкнуться со Сталиным. Через несколько недель я протяну руку Сталину на новой, общей русско-германской границе и мы совместно займемся перераспределением мира».

«Наша сила — в быстроте и суровости. Чингис-хан истребил миллионы женщин и детей, — умышленно и с легким сердцем. Однако, история видит в нем только основателя великой империи. Что скажет обо мне расслабленная цивилизация — мне безразлично».

«Я решил — и я пошлю на казнь каждого, кто осмелится выступить с критикой, — что наши цели в войне состоят не в достижении той или иной линии, но в физическом истреблении неприятеля».

«Поэтому я отдал приказ моим отрядам «Мертвой головы» истреблять без сожаления и без пощады мужчин, женщин и детей польского происхождения. Только таким способом мы можем обеспечить себе необходимое жизненное пространство. В конце концов, кто

вспоминает сейчас об истреблении армян?»).

«Генерал-полковник фон-Браухич обещал мне завоевать Польшу в несколько недель. Если бы дело шло о двух годах или даже об одном годе войны, я не дал бы приказа о наступлении. Я заключил бы союз с Англией против России, так как мы не в состоянии выдержать долгую войну».

«Я мог оценить в Мюнхене этих жалких болтунов — Даладье и Чемберлена. Они слишком трусливы, чтобы напасть на кого-либо. Они ограничатся блокадой, но с помощью сырья, которое нам доставит Россия, мы ее выдержим».

«Польша будет обезлюднена и колонизирована. И то же самое произойдет с Россией. Когда Сталин умрет, я раздавлю Советский Союз, и тогда взойдет заря германского господства».

«Малые государства для нас не опасны. После смерти Кемаля Ататюрка, Турция управляется полу-идиотами. Карл Румынский стал совершенно рабом своих плотских страстей. Король Бельгийский и северные короли — мягкотелые слизняки и всецело зависят от расположения духа своих народов».

«Мы должны считаться с возможной изменой Японии. Император Японии — копия последнего русского царя: слабый, нерешительный, робкий. Он может стать жертвой революции».

«Мы должны чувствовать себя господами мира и видеть в народах только обезьян, которых нужно подгонять хлыстом».

«Ситуация нам благоприятна. Единственно, чего я опасюсь, это — что в последнюю минуту появится Чемберлен, или какой-нибудь другой шут с мирными предложениями».

«Наступление на Польшу с целью ее уничтожения начнется в субботу утром. Вас, господа, ждет слава, какой свет не видел уже в течении веков. Будьте тверды. Не имейте жалости. Действуйте быстро и жестоко. Народы Западной Европы должны содрогнуться от ужаса, узнав о ваших деяниях. Это самый гуманный способ ведения войны, так как он ее сокращает».

Геринг часто прерывал чтение и неоднократно отрицал неистовые мысли и выражения, приписываемые Гитлеру первой версией. Браухич, Кайтель и Гальдер так же заявили, что они не узнают слов фюрера. С другой стороны, речь была восстановлена по записи офицера, присутствовавшего на собрании, и секретарша фюрера фрау Вольф признала ее подлинность. Речь, без сомнения, выражает общие взгляды Гитлера. И отрицания генералов не представляются убедительными, т. к. соучастие, — хотя бы и не добровольное, — в таких замыслах уже само по себе является преступлением.

Вторая версия, официальный протокол, изложена в документе 798 P.S. Это — типичная гитлеровская речь, со всеми ее длиннотами, которая приобретает особое значение в силу драматических обстоятельств, при которых она была произнесена.

Гитлер возлагает на Англию ответственность за начинающуюся войну. Только английское вмешательство, — говорит он, — сделало Польшу такой непримиримой; только благодаря ему все германские попытки мирного разрешения вопроса о Данциге потерпели неудачу. «В конце концов, — говорит он, — политика, которую я вел до сих пор в отношении Польши, была в противоречии с идеями германского народа».

Отметим мимоходом, что на обвинения Гитлера по адресу Англии в Нюрнберге была построена общая защита всех обвиняемых и, в частности, защита Риббентропа.

* * *

«Требования фюрера, — сказал Риббентроп, — сводились к следующему: 1) в политическом отношении Данциг переходил под суверенитет Германии, оставаясь в экономическом отношении по-прежнему в рамках Польского суверенитета; 2) Данциг соединялся с Восточной Пруссией подземным коридором с железнодорожной колеёй и

автомобильной дорогой. И это было все. Но поддержка, оказанная Англией, сделала Польшу неуступчивой и непримиримой».

Однако, по этому специальному вопросу мы имеем в протоколе совещания 23 мая 1939 г. такую фразу: «Дело вовсе не в Данциге». Защиту Риббентропа опровергает документ 2987 P.S. — выдержка из дневника Чиано, датированная августом 1939 г.:

«Ну хорошо, скажите, Риббентроп, — спросил я его, когда мы прогуливались по саду, — что Вы, в сущности, хотите: Данциг или коридор?».

«Нет, — отвечал он, пристально глядя на меня своими холодными глазами, — мы хотим **войну**».

Обвиняя Англию (12 августа 1939 г.), Гитлер долго распространялся о ее слабости, «у нее нет настоящего вооружения, — говорил он, — одна только пропаганда. Морская программа 1938 года не выполнена. Все ограничивается мобилизацией резервного флота и покупкой нескольких вспомогательных крейсеров. На суше вооружение ограничилось пустяками. Англия будет способна послать на континент максимум три дивизии. Некоторый прогресс достигнут в области авиации, но это только зачатки. В настоящий момент Англия обладает всего лишь 150 зенитными орудиями. Новое орудие Д.С.А. заказано, но заказ еще не скоро будет выполнен. Англия уязвима с воздуха».

«А Франции, — добавил фюрер, — не хватает людей вследствие падения рождаемости. Ее артиллерия устарела».

Что касается тактических возможностей западных держав, то Гитлер заявил, что блокада будет недействительна и что он считает невозможным овладение линией Зигфрида.

«В настоящий момент, — сказал он, — еще весьма возможно, что западные державы не выступят. Но мы должны с полной решимостью приняв весь риск в случае их выступления. Политик должен идти на риск так же как и военный».

Анализ личностей также ободрял фюрера. На одной стороне — он и Муссолини.

«Никто и никогда не будет обладать доверием германского народа в такой мере, как я. Вероятно, в будущем никогда не появится человек, обладающий таким авторитетом, как я. Поэтому мое существование — фактор большого значения».

«Второй персональный фактор — это Дуче. Его существование имеет решающее значение. Если б что-нибудь с ним случилось, итальянская дружба стала бы сомнительной. Муссолини обладает самыми крепкими нервами во всей Италии».

На другой стороне — ничтожества:

«Ни в Англии, ни во Франции нет ни одной выдающейся личности. Наши неприятели имеют людей лишь ниже среднего уровня. Нет ни повелителей, ни волевых людей».

И еще:

«Наши неприятели — черви. Я их видел в Мюнхене».

И, наконец, Гитлер провозгласил короткую войну:

«Если бы Браухич потребовал у меня четыре года на завоевание Польши, — я ему ответил бы: невозможно».

Подобно тексту речи Гитлера, впечатление, произведенное ею, также спорно. Согласно одной версии, она была принята с выражением энтузиазма. Геринг вскочил, якобы, на стол и произнес зажигательную речь. Это утверждение Геринг опровергает.

«Бергхоф, — говорит он, — частное жилище и не в моих привычках вскакивать на столы в частных квартирах. Я просто, по своему обыкновению, произнес несколько слов, чтобы уверить фюрера в преданности армии».

По словам Гальдера, речь была выслушана в атмосфере подавленности и беспокойства и не вызвала никакой манифестации.

Прошли томительные 24 часа. Вся Европа принимала военные меры. Война должна была начаться через два дня.

Правительства — в растерянности. Радио захлебываются. Германия, призывавшая своих резервистов для осенних маневров, заверяет, что она не производила мобилизации.

24 августа, после полудня, в бюро Геринга затрещал телефон. «Я услышал, —

рассказывает Геринг, — голос фюрера, который сказал:

«Я останавливаю все».

«Это серьезно?»

«Нет, я хочу только посмотреть, нет ли средства избежать выступления Англии».

Со своей стороны, Кайтель рассказывает, что Гитлер призвал его и приказал остановить приготовления потому, что он хотел выиграть время для переговоров.

В полдень Англия дала свои гарантии Польше. Накануне, — как Чиано и предвидел 12 августа, — Муссолини известил Германию, что по недостатку снабжения он в данный момент не готов к выступлению. Это создавало новую ситуацию: с одной стороны, Германия оставалась в одиночестве; с другой — против нее составлялась коалиция из Польши, Франции и Англии. Гитлер хотел обдумать положение и выиграть время для нового маневра.

Война оставалась висеть в воздухе.

Попытки, сделанные во время этой отсрочки, описаны английским послом Гендерсоном. Нюрнбергский процесс добавил к этому показания Далеруса. Это был шведский промышленник, преисполненный благих намерений. Предстоящая война наполняла его ужасом, — она ему казалась гибелью всей цивилизации и он поставил своей задачей во чтобы то ни стало помешать ей.

Он был занят этой миссией с начала весны. Будучи знаком с Герингом, первая жена которого была шведка, он свел его с английскими промышленниками. Он пытался добиться посредничества Шведского короля для устройства англо-германской конференции, но Густав V, осторожный как лисица, уклонился от этой роли. Далерус не был обескуражен этим неуспехом, и понимание, которое он нашел у Геринга, поддержало его надежды. Он организовал частное дипломатическое объединение в одном из замков Голштинии. Успел открыть себе многие двери, в частности у лорда Галифакса. Летал беспрестанно из Лондона в Берлин за собственный счет. Среди персонажей этой трагедии, подлинные пружины и рычаги которой были ему неизвестны, он являл собою безупречную фигуру, смесь неосведомленности и доброго сердца.

26 августа Далерус был в Берлине, имея в кармане довольно туманный проект англо-германской конференции в Голландии. Ровно в полночь с 26 на 27 фюрер вызвал его в Канцелярию.

Далерус взял такси, убежденный, что в этот момент он входит в историю.

Гитлер был возбужден и говорлив. В этот день у него был неудачный разговор с Гендерсоном и это его раззадорило.

«В течении двадцати минут, — рассказывает Далерус, — он мне излагал свои идеи, так что я уже начинал думать, что этим и ограничится вся аудиенция. Он ходил взад и вперед, все более возбуждаясь, и в конце концов пришел в подлинную ярость. «Если война разразится, — кричал он — я буду строить подводные лодки. Да, подводные лодки, подводные лодки». И через минуту: «Я буду строить самолеты, самолеты, самолеты. И я выиграю войну».

«Успокоившись немного, — продолжает Далерус, — он просил меня, как хорошо знающего Англию и англичан, объяснить ему, почему, несмотря на все свои усилия, он никогда не мог сговориться и англичанами. После некоторого колебания я заявил ему, что по моему мнению причина лежит в том, что англичане не питают достаточного доверия к нему и его правительству».

Этот ответ не взорвал Гитлера. Разговор продолжался, вернее, монолог. По прошествии полутора часа, фюрер попросил Далеруса вернуться в Лондон и передать Британскому Кабинету его последние предложения.

Гитлер изложил их в шести пунктах. Они сводились к следующему:

Англия должна помочь Германии в получении Данцига и Коридора, причем экономические права Польши остаются неприкосновенными. Затем Англия должна согласиться на разумное разрешение вопроса бывших германских колоний. Взамен этого, Германия обязывается защищать Британскую Империю всеми своими вооруженными

силами и повсюду, где потребуется.

Защищать Империю! Я уже говорил об этой шутовской идее Гитлера. Он воображал, что протягивает Англии необычайную приманку, беря ее под защиту своих армий.

Далерус вернулся в Лондон. При отъезде Геринг пожелал ему счастливого пути. Впоследствии из этого путешествия создали легенду. Рассказывали, будто Риббентроп хотел вызвать аварию самолета, чтобы в корне пресечь этот последний шанс мирного исхода. «В действительности, — говорит Геринг, — ситуация была уже настолько напряженной, что полет германского самолета в Англию был далеко не безопасен»

В Лондоне страх перед войной открыл Далерусу все двери. Он виделся с Чемберленом, Галифаксом, Кадоганом. Бравирование Гендерсона по отношению к фюреру признавалось опасным. На один момент казалось, что миссия Далеруса может оказаться удачной.

Однако, ответ, с которым он вернулся в Берлин, оказался недостаточным для предотвращения войны. Англия допускала установление новых границ Польши на конференции пяти великих держав: Франции, Великобритании, Италии, Германии и России.

Быть может, в этой уступке скрывалась перспектива нового Мюнхена. Гитлер мог бы воспользоваться ею, как средством психологического давления на Польшу и при некотором терпении повторить историю захвата Судет. Приняв предложение Англии, он мог бы разрядить напряжение и выиграть время. Но его обуял демон войны. Его армии были готовы и вождь сгорал от нетерпения осуществить свои планы. Ведь он сам сказал две недели тому назад графу Чиано, что военные действия должны начаться не позднее 30 августа, чтобы закончиться до осенней распутицы.

В Берлине Далерус тщетно ожидал аудиенции у Гитлера. Время уходило, а с ним и шансы на мир.

«1-го сентября в 8 часов утра, — рассказывает Далерус, — я встретил Геринга в Министерстве Авиации. Он объявил мне с некоторым смущением, что неприязненные действия уже начались: поляки напали на радиостанцию в Глайвице и взорвали мост у Диршау.

«Я встретился с Гитлером только после обеда в кулуарах Райхстага. Он только что закончил свою речь, в которой объявил о начале военных действий с Польшей. Он был крайне возбужден и нервен. Сказал, что он давно уже знал, что Англия хочет войны, но теперь он разобьет Польшу и завоюет всю. Геринг, вмешавшись в разговор, пытался сказать, что германская армия займет только определенные пункты. Но Гитлер совершенно потерял самообладание. Он начал кричать, что будет воевать год, два года и, возбуждаясь все больше и больше, закончил заявлением, что он будет воевать десять лет».

В этот день уже с утра германские самолеты разрушали бомбами города, пути сообщения, штабы и аэродромы Польши.

VII. Как Гитлер составил план Седана

Бросая свои армии против Польши, Гитлер оставил на французских границах только пять дивизий.

Кайтель показал на следствии и повторил на суде следующее:

«Со строго военной точки зрения мы, солдаты, ожидали наступления западных армий во время польской кампании. Мы были очень удивлены тем что не последовало никаких действий, если не считать нескольких незначительных стычек между линией Мажино и линией Зигфрида. Мы заключили из этого, что Франция и Англия не имели серьезного намерения вести войну. Весь фронт вдоль западных границ Германии был защищен только пятью дивизиями, занимавшими Западный Вал. Если б франко-британские армии начали наступление, мы не могли бы оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления».

В течении сентября германские силы на Западе возросли. Операции в Польше быстро приняли такой оборот, что несколько новых дивизий, предназначенных для восточного фронта, были направлены на Рейн. Тем не менее положение оставалось критическим до того

момента, пока главные силы германской армии могли быть переведены на Запад.

«Катастрофа не произошла только потому, — говорит Иодль, — что 110 дивизий, которыми располагали французы и англичане, оставались совершенно пассивными против наших 23 дивизий, стоявших на Западном фронте»

В сентябре 1939 г. германская армия еще только создавалась. Она еще не обладала той спайкой и стойкостью, которые даются лишь долгой подготовкой и опытом.

Это было только внешним фасадом могущества, за которым шла лихорадочная импровизация. Это была армия азартного игрока.

«Наши запасы снаряжения, — говорит Иодль, — были до смешного ничтожны и мы вылезли из беды единственно благодаря тому, что на Западе не было боев».

Флот, подобно армии, был также лишь фасадом.

«Флот был, — сказал адмирал Денитц, — захвачен врасплох объявлением войны. Вновь строящиеся суда были еще далеки от окончания; но даже если б они и были достроены, то все же германский флот составлял бы не более трети британского. В моем распоряжении было всего лишь 42 подводных лодки, годных к действию».

Авиация, это быстро строящееся и быстро стареющее оружие, была в наилучшем положении по сравнению с силами противника. Тем не менее Геринг считал, что и в этой области была желательна отсрочка войны, по крайней мере, до 1947 года. 15 апреля 1939 г. Геринг сказал графу Чиано (документ 1874 P.S.): «Ситуация в воздухе станет для держав Оси благоприятной через девять месяцев».

«В 1939, как и в 1938 гг., — заявил маршал Мильх, генерал-инспектор воздушных сил, — все требования Главного Штаба на изготовление воздушных бомб были зачеркнуты лично Гитлером. Он хотел сберечь наши запасы стали и легких металлов для нужд артиллерии и постройки самолетов. В начале войны наших запасов бомб хватило бы всего на пять недель активных операций. В течении 18 дней польской кампании мы израсходовали половину запаса, хотя в деле была только часть наших бомбардировочных самолетов. Все бомбы, сброшенные нами в 1940 г. на Францию, были изготовлены в течении зимы».

Иодль обобщает это положение:

«Все наше вооружение, — говорит он, — было создано уже после начала военных действий».

Не только вооружение, но и сама армия. В начале сентября 1939 г. Германия имела максимум 50 дивизий. В конце октября их было уже 75, а в мае 1940 г. — 120. Против Польши действовало пять танковых дивизий, против Франции — десять.

Документы Нюрнберга категорически подтверждают, что в 1939 году Германия не была в состоянии вести войну на два фронта. Но Гитлер строил свои планы на психологическом расчете — этой наивысшей форме стратегического расчета. Он говорил: — «Я знаю Чемберлена и Даладье. Я их оценил в Мюнхене. Это — трусы. Они не посмеют выступить».

Французские стратеги полагали, — теоретически вполне правильно, — что долгая война окажется губельной для Германии. Из этого они заключили, что единственно правильная стратегия была — выжидать. Но при этом они не учли, что долгая война будет вестись на территории самой Франции, что тактика выжидания дает Германии возможность раздавить сперва союзников Франции, а затем накопить силы, чтобы сокрушить и ее. Франция же имела возможность победить Германию только в сентябре 1939 г. — никак не позже.

Но французская армия была создана для обороны. Таким же был и дух французов.

«Фюрер, — сказал Кайтель, — вначале не принял в серьез объявления войны Францией и Англией. Только в течении сентября он убедился, что это не шутка».

Тогда он тотчас же принял решение: раздавить западного противника, как он только что раздавил восточного.

Исход польской кампании укрепил решение Гитлера. Он рассчитывал на четыре недели боевых действий, а в действительности уже на 18-ый день Варшава была взята и армия

противника полностью уничтожена. Германские генералы были поражены легкостью их триумфа и сам Гитлер был удивлен. Хотя германская пехота местами выказала признаки слабости, происходившей от недостаточной подготовки (документ 789 P.S.), однако германские танки оказались непреодолимой, всесокрушающей силой. Принципы использования танковых дивизий, — личный вклад Гитлера в план кампании, — были блестяще подтверждены практикой, несмотря на их неслыханную смелость и на некоторые материальные затруднения, как например снабжение горючим. «Гитлеровская» война оказывалась успешной и выгодной: она сберегала время и немецкую кровь.

Французский Генеральный Штаб изучил польскую кампанию. Второе Бюро описало ее совершенно точно и сделало правильные заключения о доктрине и структуре новой германской армии. Но Третье Бюро объявило, что события на востоке не могут повториться на западе вследствие различия между армией, хорошо управляемой (французской) и хорошо снабженной, и армией, плохо управляемой, в которой отсутствует современное вооружение; наконец, вследствие различия между плацдармом открытым и незащищенным (на востоке) и плацдармом закрытым и укрепленным (на западе).

«В то время, как во Франции шли эти рассуждения, т. е. в декабре 1939 г. Гитлер уже твердо решил атаковать эту «хорошо управляемую и хорошо снабженную армию» на ее укрепленном плацдарме.

«Операции в Польше еще не были закончены, — говорит Браухич, — когда Гитлер мне говорил о своем намерении напасть в ближайшем будущем на Францию и просил меня подумать над этим вопросом».

Плана кампании еще не было. В этой войне все было импровизацией, включая и стратегию. В 1914 г. германские армии наступали на Францию по плану, над которым трудились поколения офицеров Генерального Штаба. В 1939 г. Гитлер говорил своим генералам: «Через шесть недель — через две недели — принесите мне план».

9 октября 1939 г. Гитлер подписал свою директиву № 6 о ведении войны во Франции (документ Г. 62), устанавливающую основы наступления на Запад. Вот сущность этой директивы:»

1. Если в ближайшем будущем станет очевидным, что Англия и, по ее наущению, Франция не намерены положить конец войне, то я решаю взять инициативу в свои руки и, не теряя времени, начну наступательные операции.

2. Долгий период выжидания не только приведет к концу нейтралитет Бельгии, — а быть может также и Голландии, — в пользу западных держав, но также послужит все возрастающему военному усилению наших неприятелей: он подорвет доверие нейтральных держав к победе Германии и, в частности, остановит Италию от присоединения к нам в качестве союзника.

3. Поэтому я отдаю следующие приказания по поводу предстоящих операций.

a) Приготовиться к наступлению на северном крыле западного фронта через территорию Люксембурга, Бельгии и Голландии. Наступление должно быть проведено как можно быстрее и возможно большими силами:

b) Цель этого наступления: разбить возможно большую часть полевой армии Франции и ее союзника и в то же время захватить возможно большую часть Северной Франции, Бельгии и Голландии и создать базу, необходимую для ведения дальнейших морских и воздушных операций против Англии и для обеспечения безопасности важного Рурского округа.

c) Начало наступления будет зависеть от подготовки танковых и моторизованных дивизий, число которых должно быть доведено до максимума, а также от состояния погоды — от метеорологических предсказаний.

Прошу командующих армиями представить мне в кратчайший срок свои соображения по этому поводу и держать верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии в курсе их приготовлений.

Подписано:

Адольф Гитлер ».

Это решение — начать наступление на западном фронте — вызвало жестокое столкновение между Гитлером и маршалом фон-Браухичем.

Победа над Польней, эта блестящая 18-ти дневная кампания, не примирила Гитлера с его генералами. Или, лучше сказать, она не рассеяла предубеждения Гитлера против них.

Генерал Гудериан рассказал в Нюрнберге следующую историю:

«Вскоре после польской кампании фюрер обратился к офицерам Главного Штаба со следующим заявлением: «Я питаю полное доверие к генералам авиации: райхсмаршал Геринг — член партии и он отвечает мне за них. Я питаю доверие к адмиралам: старший адмирал Редер отвечает мне за них. Но у меня нет доверия к генералам армии».

«Я почувствовал себя оскорбленным, — говорит Гудериан. — Вместе с маршалом фон-Манштейном, который разделял мои ощущения, я отправился к маршалу фон-Рунштедту и просил его, как старшего из генералов, обратиться к фюреру за разъяснением точного смысла его слов. Рунштедт уклонился от этого и его поведение произвело впечатление на Манштейна, который также отказался от этой идеи.

Я решил сам испросить аудиенции у фюрера. Он принял меня, выслушал спокойно и ответил мне, что я лично не должен чувствовать себя задетым его словами. Он имел в виду прежде всего главнокомандующего армией, маршала фон-Браухича.

Гитлер изложил мне причины своего нерасположения к Браухичу. Он включал его в категорию тех, кого он ненавидел — Бломберга, Фрича и Бека — ибо Браухич постоянно пытался давать ему неуместные советы и противился всем его замыслам».

Очередное столкновение Гитлера с Браухичем произошло по поводу стратегии в войне против Франции.

«Командование армии, — говорит Кайтель, — противилось наступлению на западном фронте».

«Я советовал Гитлеру, — подтверждает Браухич, — держаться на Западе оборонительной тактики и использовать зимний перерыв военных действий для попытки разрешить конфликт дипломатическим путем. Начиная с 1938 г., я обращал внимание на тот факт, что ни армия, ни народ не хотели войны.

Это миролюбивое настроение первого германского генерала, непосредственно после блестящей победы в Польше, нас поражает. Мы привыкли к иным речам этих затянутых пруссаков с моноклями. Но факт остается фактом.

На Нюрнбергском процессе Геринг, с обычной для него грубостью авантюриста, характеризовал начальников армии.

«Они были, — говорит он, — слишком боязливы, чтобы взять на себя риск войны. Они никогда не могли подавить в себе впечатления, оставленного в них поражением 1918 г. и трепетали перед французами. Если верить этим господам, то французы могли дойти до Берлина. Наш Главный Штаб, по сравнению с прошлыми, состоял сплошь из пацифистов».

Действительно, германские генералы не чувствовали себя в силах разбить Францию. Хотя они были и выше своих противников, но они не проделали той внутренней интеллектуальной революции, которой требовало создание и развитие новой стальной кавалерии — танков и новой летающей артиллерии — авиации. Они по-прежнему склонялись к тактике обороны и укреплений, с которой проиграли уже в 1918 году, не были уверены в новой, наспех созданной армии, которою командовали и, в сравнении с революционным стратегом, каким был Гитлер, они были боязливыми военачальниками.

«В октябре, — рассказывает генерал Гальдер, — Гитлер вызвал к себе ночью Браухича и меня. Он принял нас в салоне своей канцелярии и попросил изложить положение на западном фронте. Я начал с описания местности, но с первых же слов он прервал меня и резко с нами попрощался.

Это было только прелюдией к сцене, происшедшей 5 ноября между Гитлером и Браухичем.

Эта сцена происходила без свидетелей, но все, кто находился по близости кабинета

фюрера, слышали рычание разъяренного зверя. «Когда Браухич появился, — говорит Гальдер, — он дрожал и был так потрясен, что не мог мне рассказать о том, что произошло. Он тотчас же ушел и только позднее я узнал от него некоторые детали. Браухич пытался добиться отсрочки наступления на западе. Гитлер закричал, вырвал у него бумаги, которые тот держал в руке, изорвал их на мелкие клочки и с ревом топтал их ногами. Потом отшвырнул маршала к двери своего кабинета».

«Сцена, — признался Браухич, — была безобразная. Гитлер вспыхнул, когда я ему заявил, что у меня нет достаточно артиллерии, чтобы овладеть французскими укреплениями. После этого он не хотел меня видеть целых шесть недель. Я предложил свою отставку, но он приказал мне сохранить мои функции».

В тот же день — 5 ноября — Гитлер назначил наступление против Франции на 12 ноября. «Это было, — говорит Гальдер, — вызовом. Приказ был отменен два дня спустя». Мы увидим, как и почему.

Гитлер решил дать предостережение высшему командованию армии, которое не верило в его гений. 23 ноября в полдень, он собрал в Канцелярии всех командующих армиями. Перед этими победителями Польши он предстал с лицом разъяренного тигра.

«Он облаял генералов, — рассказывает Гальдер, — я не могу иначе выразиться. Он упрекал нас в том, что мы являемся представителями того духа, который доказал свою неспособность в течении последней войны. Понятие о рыцарской чести, которое еще было живо в нас, не имело для него никакого значения. Мы, по его словам, дали доказательства этой ложной идеологии в течении польской кампании. Высшее командование, — продолжал он, — всегда противоречило ему во всех его начинаниях, закончившихся успешно: в Рейнской области, в Австрии, в Чехословакии, в Польше. Он, он один, создал новую армию, вопреки мнению высшего командования, и только ему одному Германия обязана победой над Польшей. Теперь находят новые доводы, чтобы помешать его планам наступления на Запад, но он не позволит сбить себя с пути и теперь собрал нас для того, чтобы преподать нам основные принципы ведения войны».

В протоколе этой речи (документ 789 P.S.) это вступление отсутствует, и все грубые и оскорбительные выражения Гитлера смягчены. И тем не менее это значительный документ. Я уже пользовался им, чтобы обрисовать фюрера. Но и политическая часть этого длинного, едкого монолога заслуживает внимания. Она позволяет предвидеть развитие дальнейших событий, в частности тех, которые касаются России.

«Россия, — сказал Гитлер, — в действительности не опасна. Она ослаблена многими факторами. Кроме того, у нас с ней заключен пакт; впрочем, пакт этот имеет силу лишь до тех пор, пока он выгоден русским. Россия имеет более далекие виды, чем только укрепление своего положения в Прибалтике. Она хочет проникнуть на Балканы и продвинуться к Персидскому Заливу. Это же является целью и нашей политики, но мы можем противостоять России лишь после того, как мы будем свободны на Западе. В настоящее время Россия не вмешивается в международную политику; если она ею займется, то она может разбудить панславизм. Никто не может предвидеть будущего».

Кажется, что генералы, зная Гитлера, могли, наоборот, хорошо предвидеть свое будущее. «Борьба, — сказал фюрер в начале своей речи, — является судьбой всех живых существ». Германские генералы после 23 ноября 1939 г. знали, что их борьба не будет иметь близкого конца.

Но нужно было сперва победить Запад.

Гитлер сразу признал, что нейтралитет Бельгии не является препятствием. «В действительности, — сказал он, — никакого нейтралитета нет. Бельгия укреплена только против Германии, и у меня есть доказательства, что она находится в тайном соглашении с англо-французами».

Голландия больше смущала Гитлера. Расовая теория признавала голландцев за приморских немцев, и поэтому идеальным решением была бы мирная оккупация страны. «Во время предварительных совещаний, — говорит Браухич, — Гитлер заявил, что он будет

считать территорию Голландии неприкосновенной, за исключением южного отрожка у Маастрихта, о котором он надеялся договориться с правительством королевы. В октябре он простер свои аппетиты до линии Гебра. Наконец он включил в свой план нападения понятие «крепость Голландия», иными словами, всю страну».

После того, как территория была определена, предстояло определить план действий. Гитлер отказался от услуг Браухича и Главного Штаба и потребовал план от ОКВ.

«Иодль и я, — рассказывает Кайтель, — приготовили план к концу октября. Мы предполагали вести наступление левым крылом и дать решительную битву в Бельгии. Гитлер выслушал нас молча и потом заметил: «Вы пошли по стопам Шлиффена». Затем он отпустил нас, добавив, что он подумает над планом.

Через несколько дней он нам объявил свое решение»:

С военной точки зрения, решение Гитлера было гениальным. Это был план нового Седана.

Личности, обновляющие методы войны, рождаются редко. ОКВ поступили в этом случае как большинство Генеральных Штабов: оно мыслило по готовым образцам, главным образом, придерживаясь германской кампании 1914 г. Образцом послужил, быть может бессознательно, грандиозный фланговый маневр, который чуть было не доставил победу армии Вильгельма. Но теперь ситуация была совершенно иная. Наступление через Бельгию уже не могло быть неожиданностью. Французы сосредотачивали свое внимание не на востоке, а на севере. Лучшие англо-французские части были расположены между морем и крепостью Мобеж. Повторение маневра Шлиффена приводило к фронтальной битве, а не к окружению.

Наоборот, план Гитлера — внезапный прорыв фронта в центре при посредстве наступления через Люксембург — имел все шансы захватить врасплох Французский штаб, который был еще консервативнее, чем германский.

«Иодль и я, — говорит Кайтель, — были поражены и пленены оригинальностью и смелостью стратегического замысла фюрера».

Ни один из германских генералов, — ни в Нюрнберге, ни в другом случае, — не заявил о своем участии в составлении этого плана. Все признавали, что он целиком принадлежал одному Гитлеру.

«Фюрер, — сказал Геринг, — вел войну следующим образом: он давал общие директивы, а потом, когда он получал предложения от главнокомандующих, он их координировал, составлял общий план и комментировал его перед главными исполнителями.

«План кампании на Западе принадлежит исключительно ему. Он советовался с другими, но я должен сказать, что основная стратегическая идея была всецело его. Ему одному пришла в голову мысль прорыва в центре выигрыша всей кампании одной битвой. Он был очень одарен в стратегии.»

«Главный Штаб армии приготовил гораздо более посредственный план фронтальной битвы на Маасе.»

«Гитлеру также принадлежит идея применения парашютистов и воздушного десанта. — впервые в битве у Гента, потом у мостов на Маасе, у Мордрайка, Дортрехта и Роттердама. Он сам разработал операции внезапного захвата канала Альберта и форта Эбен Эмаель».

С самой юности он прилежно и даже страстно изучал великих классиков военного искусства: Мольтке, Шлиффена и, в особенности, Клаузевица. Он проштудировал все знаменитые кампании, в частности походы Фридриха II. Способность к схематизации и ориентации, которою он был наделен в высшей степени, помогла ему из множества деталей схватывать подлинный, простой и вечный смысл битв и кампаний. Он обладал интуицией, этим основным даром стратега. Он, единственный из германских военачальников, имел правильное представление о слабости противников и об упадке военной доктрины. И, наконец, его мощное воображение рисовало ему конкретно, живо и красочно возможности новейшей техники — танков и самолетов.

План Седана, — этот шедевр военного искусства, созданный штатским человеком, — явился зрелым плодом изучения, размышлений и дарования.

Кайтель, Иодль и Геринг дают несколько деталей того плана, который явился развитием идеи Гитлера. Главные силы германской армии были перемещены от Льежа по направлению к Седану. Единственная танковая дивизия, расположенная против Люксембурга, была усилена группой Гудериана и другими соединениями, что вместе составило три с половиной дивизии. Главный удар авиации был перемещен с севера Бельгии на равнину среднего течения Мааса. Несколько раз в течение зимы диспозиция была пересмотрена и переделана, но общий характер изменений был всегда один и тот же: усиление центра, района Люксембурга и Седана.

«Мы достигли того, — говорит Иодль, — что к югу от линии Льеж-Намюр располагали в пять раз большими силами, чем к северу от нее». В мае девять танковых дивизий прорвались к Седану и только одна была в Голландии»

Гитлер сам установил конечную цель наступления: Аббевиль. Германские танки, сопровождаемые четырьмя единственными моторизованными пехотными дивизиями, должны были сделать этот пробег без остановки, не заботясь о тех частях, которые следовали за ними.

«Была, — говорит Иодль, — и возможность неудачи. Если бы французская армия, не ввязываясь в бои в Бельгии, оставалась на месте и обернулась для контратаки к югу, то вся операция могла бы рухнуть». Гитлер пошел на риск, т. к. находил французскую армию неспособною к маневрам, необходимым для перемены фронта и выигрыша битвы.

Сверх того, он подготовил операцию, которая для своей эпохи явилась революционной. Седьмая дивизия, отборная часть, составленная из фанатиков гитлеровцев, должна была при начале наступления, быть высажена в качестве воздушного десанта у Гента, в центре расположения франко-англо-бельгийских войск. Она должна была овладеть городом, образовать там центр сопротивления и вызвать расстройство и дезорганизацию вражеских сил. До той поры парашютисты были использованы только в Польше и притом только малыми группами. Гитлер рассчитывал на неожиданный эффект, произведенный появлением целой дивизии, падающей с неба. Расчет был правилен. Французское командование никогда еще не стояло перед подобным явлением и в таких размерах.

Но план Гитлера устранил в первую очередь германских генералов.

«Пришлось, — говорит Иодль, — в несколько приемов укреплять доверие участников». «Один за другим, — рассказывает Геринг, — генералы, вплоть до начальников дивизий, приходили ко мне и просили моего ходатайства перед фюрером об отмене этого плана. Они предсказывали катастрофу, считая французскую армию очень сильной, а генерала Гамелена очень искусным. Я не разделял этого взгляда. Я находил французскую армию чрезвычайно слабой».

Генералы были особенно устрешены быстротой передвижения, предписанной им при переходе равнины северной Франции. Идея пустить танковые дивизии вперед полной скоростью, без поддержки пехотой и артиллерией, казалась им безумной. Странная вещь: подобно своим французским противникам, они не извлекли уроков из Польской кампании, которую сами же выиграли. Их опасения привели к тем же заключениям, что и самонадеянность французского Генерального Штаба. «То, что удалось на востоке, — думали они, — не может повториться на Западе». Им уже представлялось, что они отрезаны от тыла, окружены и погибают.

Несмотря на все неблагоприятные прецеденты, Главный Штаб армии осмелился подать фюреру меморандум. Он просил, по крайней мере, остановку для наступающей армии после перехода ею Мааса, чтобы дать время пехоте присоединиться. Гитлер отверг меморандум.

Он был нетерпелив и нервничал. Он хотел начать наступление, как только армия закончит свои передвижения, чтобы завершить войну еще до Рождества. Великолепная сеть германских автострад позволяла переброску войск с Вислы на Рейн в невероятно короткое время. В начале ноября наступление на Францию должно было начаться, 5 ноября Гитлер

подписал приказ, назначающий наступление на 12 ноября.

Этот приказ, так же как и те, о которых будет речь впереди, находится в архивах Нюрнберга. Весь механизм передачи приказа был, согласно требованию Гитлера, настолько гибким, что давал возможность верховному командованию отменять данный приказ и изменять его за несколько часов до вступления в силу.

Дело в том, что для проведения операции наступления Гитлеру нужна была, по крайней мере, неделя хорошей погоды.

«Ежедневно в полдень, — рассказывает Кайтель, — заведующий метеорологическими станциями являлся в кабинет фюрера для доклада. Гитлер принимал решение в зависимости от приносимых ему предсказаний».

Осенью 1939 г. была исключительно дождливой. 7 ноября потоки воды заливали Западную Европу. Приказ от 5 числа был изменен и наступление назначено на три дня раньше, на 9 ноября.

На следующий день предсказания были еще хуже. Приказ был снова отменен.

Наступление назначалось последовательно на 13, 16, 20, 27 и 29 ноября. Наступил декабрь, но погода не улучшалась. Приказы следуют далее: 4, 6, 12, 27 декабря, с примечаниями Иодля и Кайтеля: «Войскам оставаться в убежищах».

Метеорологи торжествовали над стратегией. До сих пор ничто не противилось проектам Гитлера. Теперь впервые он встретил противника: небо. И небо побеждало.

Эта осень 1939 г., казавшаяся нам такой спокойной, была полна нависшей неотвратимой угрозой, которую только дурная погода временно отвращала.

Однако, время это не было потеряно для Германии. Военные заводы спешно пополняли недостающее вооружение. Новые рекруты обучались. Новые дивизии создавались с такой быстротой, что французская разведка была совершенно сбита с толку.

Гитлер кипел от нетерпения и ярости. Он становился опасным даже для своего окружения. Ученый метеоролог входил в его кабинет на цыпочках, чувствуя себя виновным за поведение неба.

Наконец, 9 января, он появился с сияющим лицом: погода улучшалась.

Зима наступила сразу, морозная и суровая. Но холод не был врагом Гитлера. Наоборот: он разогнал туманы, сковал реки и укрепил мягкую землю. Сверх того, он запрятал французскую армию в ее хорошо натопленные зимние квартиры.

11 января ОКВ выпустило следующий приказ за подписью маршала Кайтеля:

«Фюрер и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами, после совещания с главнокомандующими авиации и армии и с начальником Главного Штаба, отдал 10 января следующий приказ:

«День — А и час — Z.

«День А — среда 17 января 1940 г.

«Час Z — 15 минут после восхода солнца в Аахене, т. е. 8.16 утра.

«Пароль — «Рейн» или «Эльба» — будет дан, в зависимости от атмосферных условий, не позднее дня А. 1, в 23 часа».

Пароль «Рейн» означал наступление. Пароль «Эльба» означал отсрочку.

Итак Гитлер решил начать общее наступление на западном фронте 17 января 1940 г., в середине зимы. Мороз ликвидировал невыгоды дождя и грязи, но оставалась еще невыгода коротких дней. Самолеты «Штука» и танки, очевидно, не могли дать в эти дни того, на что они были способны в ясные утра и долгие вечера мая месяца. Но, с другой стороны, кто мог предсказать последствия нападения на армию, расположенную на зимних квартирах и бегства гражданского населения по обледеневшим дорогам?

Простой случай избавил Францию от этого испытания.

12 января германский разведывательный самолет произвел в Бельгии вынужденную посадку. На нем летел офицер, имевший при себе секретные документы и карты, на которых были нанесены будущие движения 6-ой армии и операции 7-й дивизии — воздушного десанта над Гентом. Слишком уверенный в своих моторах, Главный Штаб совершил

безумную неосторожность, доверив случайностям полета над нейтральной страной документы, раскрывавшие все его замыслы.

Гнев Гитлера был неопишум. «Это была, — говорит Кайтель, — самая страшная гроза, какую я когда либо видел». С пеной у рта фюрер колотил кулаками по стенам, изрыгал ужасные проклятия бездарному и предательскому Главному Штабу. Надвинулась тень смертной казни.

Потом он собрал генералов и анализировал ситуацию.

«Мы не знали, — говорит Геринг, — имели ли летчики время уничтожить документы и карты. То есть мы не знали, известны ли бельгийцам, а следовательно и французам планы нашего наступления. Благоразумие требовало предполагать наихудшую версию и допустить, что планы стали известны. В этом случае два решения были возможны: наступать немедленно, раньше, чем неприятель успеет принять контрмеры, или отложить наступление с тем, чтобы переделать ту часть плана, которая могла попасть в руки неприятеля».

Поставленный в необходимость выбирать между риском и благоразумием, Гитлер колебался.

Он призвал снова своего ученого метеоролога и спросил его, может ли он ему гарантировать неделю хорошей погоды.

Этот бедняга, подавленный ответственностью, которая на него возлагалась, глотал слюну. «Мой фюрер, — сказал он, наконец, заикаясь, — в это время года я не могу Вам гарантировать абсолютную уверенность».

Этот ответ разрешил проблему.

«Господа, — сказал Гитлер, — мы подождем весны».

* * *

Добавим следующее:

Летчики, упавшие в Бельгии, не уничтожили документов. Они были захвачены бельгийцами, которые их отослали во французский штаб.

Штаб заподозрил ловушку.

Планы германского нападения, свалившиеся с неба, показались подозрительными. Дерзость замыслов, которую проявляли планы, была так необычна, что с трудом могла быть принята в серьез. Наконец, наступление в разгар зимы, когда камни трескались от мороза, было просто невероятно.

Цель немцев была ясна. Они пытались сбить французов с толку и спровоцировать: завлечь их в Бельгию, чтобы заставить первыми нарушить нейтралитет ее.

Мы, французы, сотни раз недооценивали маккиавелизм Гитлера. Но в этот раз мы приписали его фюреру напрасно.

Меры предосторожности были приняты, но без всякой уверенности в их необходимости. И когда день 17 января прошел так же тускло и незаметно, как и предыдущие 135 дней войны, скептики имели полное основание сказать:

Вот видите, это был только трюк!

VIII. Операция в Норвегии была «Войной Гитлера»

20 февраля 1940 г. Гитлер вызвал из Кобленца в Берлин генерала фон-Фалькенгорста, командира 21-го армейского корпуса.

«Я не имел никакого понятия, — рассказал Фалькенгорст в Нюрнберге — о причинах моего вызова. Я явился в Канцелярию 21 февраля и в 11 часов я был принят Гитлером. Тут же были Кайтель и Иодль».

В 1918 году я принимал участие в высадке в Финляндии. Гитлер напомнил мне это и сказал: «садитесь и расскажите, как это там было».

Через несколько минут фюрер прервал меня и подвел к столу, на котором были разложены карты. «Я имею в виду, — сказал он мне, — нечто подобное: оккупацию Норвегии, так как я имею сведения, что англичане намереваются высадиться там и я хочу их предупредить».

Потом, расхаживая взад и вперед по кабинету, он изложил мне свои доводы. «Оккупация Норвегии англичанами, — сказал он мне, — была бы стратегическим маневром, который открыл бы им доступ в Балтийское море, где у нас нет ни войск, ни бережных укреплений. Наш успех в Польше и наши будущие успехи на Западе были бы этим маневром сведены на нет, так как неприятель был бы в состоянии произвести высадку в тылу, двинуться на Берлин и разрезать Германию пополам.

С другой стороны, — продолжал Гитлер, — оккупация Норвегии нами обеспечит свободу передвижения нашего флота из Вильгельмсгафена и облегчит доставку в Германию железной руды из Швеции».

Фюрер настаивал со все возрастающей силой на важности экспедиции. «Это важно для ведения войны... это необходимо... это имеет решающее значение...».

«Наконец он заявил мне: «Я поручаю вам начальствование экспедицией».

«Фалькенгорст, — говорит Иодль, — принял назначение с радостью. Он был рекомендован Гитлеру Кайтелем. Гитлер сказал на это: «Я его не знаю, но я позову его и поговорю с ним часок, чтобы составить о нем понятие».

Фалькенгорст ему понравился. Гитлер отпустил его и просил снова придти после обеда для обсуждения некоторых деталей. Идя по Вильгельмштрассе, Фалькенгорст вспомнил, что он ничего не знает о Норвегии, в которой никогда не бывал. Он зашел в книжный магазин и купил путеводитель по Норвегии.

До пяти часов дня, — рассказывает он, — я изучал очертания берегов, прибрежные города и пути сообщения».

Забавное совпадение: в то же самое время автор этой книги во втором Бюро французского G.Q.G. получил в свое заведывание север Европы. Он нашел свои папки пустыми — Главный Штаб никогда не предвидел операций в Скандинавии; и ему тоже пришлось прибегнуть к Бедкеру, чтобы получить первоначальные сведения об этих странах.

В 5 часов Фалькенгорст уже снова был у стола с картами в обществе Гитлера, Кайтеля и Иодля. Гитлер сообщил ему, что план операции разработан ОКВ. Экспедиционный корпус должен был состоять из пяти дивизий. Высадка — только в портах. Дело шло только о занятии побережья, но отнюдь не о завоевании страны и не о войне против норвежского народа.

Гитлер, по словам Фалькенгорста, непрестанно повторял свои опасения, что англичане могут его опередить. Он неоднократно напоминал о необходимости строжайшего секрета и распорядился, чтобы Фалькенгорст с ближайшими офицерами был помещен в Военном Министерстве под специальной охраной. Условное обозначение высадки в Норвегии было «Везерюбунг» (занятия на Везере).

Об этих «занятиях на Везере» дневник Иодля содержит несколько упоминаний. Приготовления начались 5 февраля. 26-го Гитлер поручил генералу Варлимонту исследовать два варианта: согласно одному «занятия на Везере» должны начаться после выполнения «желтого плана», т. е. после нападения на Францию; согласно второму они должны были произойти до «желтого плана». 3 марта он принял решение; сперва занятия на Везере. В календаре завоеваний Норвегия становилась впереди Франции.

Фалькенгорст, как корректный службист, счел необходимым доложить, о порученной ему миссии своему прямому начальнику — маршалу Браухичу. Маршал ответил, что его роль, очевидно, сводится к тому, чтобы выделить и экипировать эти пять дивизий. «В то время, — сказал он, — как сотня офицеров авиации уже была опрошена по этому вопросу, мне еще не оказали чести спросить моего мнения». Гальдер, начальник Главного Штаба, дал такой же ответ.

Иодль в своем дневнике отмечает, что Браухич наконец вспылil: «Фельдмаршал в

ярости, так как до сих пор еще не спросили его совета». Наконец, 5 марта он был приглашен на совещание, во время которого он резко критиковал все предположения, какие ему были сообщены.

20 марта Фалькенгорст доложил, что все приготовления закончены.

Гитлер прождал еще несколько дней. Он искал, — говорит Иодль, — предлога». Наконец он назначил день высадки на 9 апреля.

Это была опасная, щекотливая и трудная операция. Английский флот сторожил моря. Посылка кораблей в столь отдаленные порты, как Берген, Трондхейм и особенно Нарвик, казалась дерзкой авантюрой. Моряки дрожали Адмирал Редер тщетно просил об отсрочке операции и о том, чтобы сна последовала за сухопутной кампанией на Западе, «Морские офицеры, — пишет Иодль в своем дневнике, — вялы и нуждаются в подбодрении».

Первоначальная идея послать все суда одним караваном была оставлена. Это было бы вызовом судьбе. Было установлено, что войска будут переправлены по мере возможности на военных кораблях, которые пойдут по одиночке, стараясь незамеченными проскользнуть на север. Завоевание Норвегии подготавливалось на подобие кражи со взломом.

Нарвик в особенности озабочивал из-за своей отдаленности. Для него было приготовлено десять истребителей, низких быстроходных судов, набитых войсками и снаряжением Но они должны были проплыть вдоль всего берега Норвегии под носом у английских ищек.

При холодном расчете выходило не более одного шанса против десяти за то, что удастся обмануть бдительность неприятеля. Этим и объяснялась тревога моряков.

1 апреля Гитлер собрал в Берлине всех старших офицеров экспедиции. Он их расставил перед огромными, специально изготовленными планами, каждого на его участок. Затем он заставил их повторить до мельчайших деталей их задачи на месте высадки. Он обсуждал с ними все действия вплоть до мелочей «Он углублялся, — говорит Фалькенгорст, — настолько, что хотел знать, высадится ли такая-то часть правее или левее такого-то объекта на берегу. Это была целиком его идея, его план, его воля». Эта репетиция, начатая в 11 часов утра, закончилась только в 7 часов вечера.

Установление точного момента высадки потребовало большого предварительного изучения. Метеорологи — их роль в течении всей войны была огромна и крайне ответственна — изготовили тщательный и подробный доклад. 9 апреля было выбрано потому, что к этому дню на широте Нарвика уже прекращаются северные сияния, которых Гитлер очень опасался.

2 апреля, в три часа ночи, первый корабль — истребитель, предназначенный для Нарвика, — вышел в море.

Вся последующая неделя была полна тревоги. Море постепенно наполнялось германскими судами и опасность быть открытыми все возрастала. 3 апреля шведское правительство было обеспокоено скоплением вооруженных сил в Штетине. 5-го апреля адмирал Редер получил донесение, что английская подводная лодка по-видимому опознала одно из судов экспедиции. 8-го апреля англичане начали ставить мины в территориальных водах Норвегии.

ОКВ решило, что тайна уже открыта.

Но она не была открыта. Союзникам не хватило бдительности. И Адольф Гитлер выиграл свой единственный шанс, шанс авантюриста.

Известие о высадке в Норвегии поразило весь мир. Особенно невероятным казалось присутствие десяти германских истребителей, наполненных войсками, перед Нарвиком, в 500 километрах севернее полярного круга. Британское Адмиралтейство было уверено вначале, что произошла путаница имен и что дело идет о Ларвике возле Осло.

«Войска, — рассказывает Фалькенгорст, — получили специальные указания по поводу Норвегии. Им прочли краткую характеристику норвежского народа: он любит, — говорилось там, — свободу и надо считаться с этим чувством. Норвежцев не следует обижать и надо им объяснить, что Германия хочет лишь охранять берега от англичан». Далее шла выдержка из

Гаагской конвенции о воспрещении грабежей, установления о реквизициях и так далее.

Идеей Гитлера было заставить завоеванные народы принять свое завоевание и признать его. В тот самый момент, когда германские войска переходили границы или вступали на берег, германские посланники в Дании и в Норвегии входили к главам местных правительств и предлагали им признать совершившийся факт и согласиться с ним. Эта дипломатия имела успех в Копенгагене и потерпела неудачу в Осло.

«Причиной неудачи, — говорит Фалькенгорст, — было требование Гитлера, который хотел навязать норвежскому правительству Квислинга. Когда я прибыл в Осло 10 апреля в 5 ч. дня, наш посланник Брауэр скачал мне, что он предполагает посоветовать фюреру отказаться от требования Квислинга. Я согласился. Брауэр телефонировал в Берлин, и в ответ, через несколько дней, был освобожден от своих полномочий».

Норвегия защищалась. Чувства Гитлера к этому народу, который так странно любил свою свободу, тотчас же изменились.

Он послал в Осло своего гауляйтера из Эссена, Тербовена, «старого борца», т. е. человека из низов общества. «По мнению фюрера, — пишет в дневнике Иодль, — роль дипломатии кончена и теперь на смену приходит сила».

Кайтель добавляет: «С населением поступали не достаточно энергично».

Высадка английских войск в Андальснес, быстрое продвижение их к Гудбрансдалю и появление их в Лилиенграммер поразили немцев. Хотя бои скоро обернулись в пользу Германии, тем не менее Гитлер был встревожен. Историограф Иодль отмечает это изо дня в день. «Фюрер нервничает... Фюрер беспокоен...». Когда, 30 апреля, он узнал о соединении войск, высадившихся в Трондгейме, с частями, продвинувшимися с юга, он выказал, по словам Иодля, безмерную радость. Кампания в южной Норвегии была закончена. В числе захваченных трофеев оказался архив одной английской бригады, в котором нашлись доказательства того, что немцы только едва опередили англичан в Норвегии: среди захваченных бумаг оказался план размещения английских войск в Ставангере и сообщения о том, что английский десантный флот уже был в море, когда британское Адмиралтейство узнало о высадке немцев. Всего каких-нибудь три дня сыграли решающую роль в борьбе за Норвегию.

Оставался Нарвик.

Там дело оборачивалось плохо. Десять истребителей, укрывшихся в фиорде Лофотен, были расстреляны английским броненосцем «Уойрспайт», ветераном Ютландского боя (1917), который через 23 года таким образом отомстил Германии за ложное сведение о его гибели во время знаменитого сражения; 6-я норвежская дивизия была полностью мобилизована. Английские войска, французские альпийские стрелки, батальоны иностранного легиона, польские части — все это высадилось вокруг Нарвика и осаждало его со всех сторон. Гитлер думал, что в Норвегии дело проиграно.

«14 апреля, — говорит Иодль, — он хотел передать генералу Дитлю приказание отступить к югу. Я доказывал невозможность этого маневра в крутых горах. Вызвали из Иннсбрука профессора, знавшего норвежские горы. Он полностью подтвердил мое мнение. Тогда фюрер надумал эвакуацию морским путем, но он убедился, что это было бы верной гибелью всего отряда Дитля. 17 апреля он послал ему приказ держаться до последней возможности».

Фалькенгорст со своей стороны рассказывает следующее:

«Положение группы Дитля становилось трудным. Гибель десяти истребителей и смерть командовавшего ими капитана Бонте произошли вследствие небрежности моряков. Я настаивал, чтобы флотилия предприняла активные действия, но моряки подчинялись только адмиралу Редеру и кроме того им не хватало отваги. Транспортные суда не могли подойти к Нарвику. Питание и снаряжение доставлялось Дитлю только по воздуху. Условия местности и туманы значительно затрудняли всякие действия и вызывали значительные потери материала. Дитль оказался прижатым к шведской границе.

В начале июня я предпринял сухопутную экспедицию, чтобы облегчить его положение.

Горные войска соорудили цепь питательных пунктов, которые они со всей возможной скоростью продвигали к северу. Это был скорее альпинизм, чем военная операция, нечто подобное восхождению на недоступные вершины».

«Фактически, германская группа в Нарвике была в безнадежном положении. Вытесненная из города, она растянулась вдоль линии железной дороги по направлению к шведской границе, и у ней был только один выход: интернирование в Швеции.

Дюнкирхен спас положение.

«9-го июня, — рассказывает Фалькенгорст, — Дитль сигнализировал мне, что он слышал сильные взрывы, доносившиеся со стороны Нарвика.

Я подумал, что это наши военные корабли, наконец, отважились на долгожданную экспедицию. Но потом я узнал, что это французы и англичане взрывали военные сооружения перед своей эвакуацией».

В тот же день генерал Руге, главнокомандующий норвежскими силами получил извещение от своего Главного Штаба, что экспедиционный корпус союзников производит посадку на суда. Не веря своим ушам, генерал руге телефонировал в Лондон. Там ему это подтвердили.

И альпийские стрелки Дитля, спасенные танками Гудериана, спустились вновь к Нарвику.

IX. Кампания во Франции

Операция в Норвегии на целый месяц поглотила внимание Гитлера. 26 апреля он вернулся к теме наступления на Францию.

«Фюрер, — записывает Йодль в своем дневнике, — имеет намерение приступить к выполнению «желтого плана» между 1-м и 7-м мая».

Спустя четыре дня новая заметка:

«Фюрер приказал, чтобы начиная с 4 мая все было в полной готовности, т. к. выполнение желтого плана может начаться на следующий же день по отдавании приказа».

Благодаря неустанным работам, механизм развития военных операций был значительно усовершенствован. Промежутки времени между отдаванием приказа и началом операции, который в ноябре равнялся 6 дням, теперь был сокращен до нескольких часов, так что военные действия могли начаться уже на следующий день.

Диспозиции были также постепенно изменены. Количество и качество войск, расположенных против Арденн, были постепенно усилены.

«13 февраля, — гласит запись в дневнике Йодля, — рапорт из армии относительно распределения резервов побудили фюрера снова пересмотреть вопрос о центре тяжести операции. Он заметил, что на второстепенных участках фронта сосредоточено слишком много танков и, в частности, танковые дивизии 4-й армии будут стеснены в своих действиях в сильно укрепленной зоне. Наоборот, 12-й и 14-й армиям не хватает танков».

Поэтому Гитлер решил снова переделать диспозицию и еще более усилить армии, расположенные на участке Седана. «Неприятель, — сказал он, — не ожидает, что главный наш удар последует в этом направлении. Документы, захваченные у наших летчиков, спустившихся в Бельгии, должны утвердить его в убеждении, что мы намерены только захватить голландско-бельгийское побережье».

Главный штаб погрузился в работу. Правое крыло германской армии состояло из группы Б под начальством маршала фон-Бека, и из группы А под командой маршала фон-Рунштедта. Первая должна была действовать к северу от Льежа, а вторая должна была пройти через Люксембург. Теперь 1-я и 5-я танковые дивизии отнимались от первой группы и придавались второй, которая получала еще 9-ю танковую дивизию, предназначавшуюся ранее для резерва.

Эти изменения, подписанные 18-м февраля, довели план Гитлера до его крайнего развития. Против главных англо-французских сил, расположенных между крепостью Мобез

и морем, стояли сравнительно слабые германские части. Наоборот, на фланге этого фронта в Арденнах против Мааса был помещен колоссальный таран: лучшие германские дивизии и целая танковая армия.

«Я представил фюреру, — пишет Иодль, — рапорт, из которого было видно, что к югу от линии Льеж-Намюр у нас сосредоточено в пять раз больше войск, чем к северу от нее. При этом я обратил его внимание на то, что прорыв у Седана — очень рискованная операция.

Фюрер был другого мнения. Он считал возможным, что неприятель даже не примет битвы. Во всяком случае, будет выжидать. Но уже в первый день новости из Бельгии могут быть настолько серьезны, что он будет вынужден оставаться на месте».

Гитлер основывал свое убеждение на операциях, которые он предписал на северном крыле армии. Соединяя классическую стратегию с революционной тактикой, он держался принципа, что там, где нужно скрыть свою слабость, необходимо дерзать. Битва должна была начаться серией коротких эффектных ударов в Голландии и Бельгии, в то время, как танки Гудериана тихо двинутся через Арденны, где им вначале не придется преодолевать иного сопротивления, кроме горных дорог.

Эту диспозицию Гитлер разработал сам. Еще в январе он отказался от воздушного десанта в Генте и заменил его десантом в Голландии. Целью его был захват мостов через Маас в Дордрехте и Мурдайке, а также городов Гааги и Роттердама. 7-я воздушная дивизия получила приказание овладеть переходами через канал Альберта и фортом Эбен-Эмаель. Французский Главный Штаб определял значение этого форта в следующих выражениях:

«Главнейший пункт всей защиты Льежа, равняющийся самым крупным сооружением линии Мажино». Гитлер наметил против него операцию, в которой должны были состязаться пикирующие бомбардировщики (Штука). Планеры должны были высадить на его перекрытия ударные группы и сапер, задачей которых было забрасывать в амбразуры форта подрывные заряды.

Расчет оправдался. Воздушный налет на Голландию и взятие в течение нескольких часов «неприступного» форта Эбен-Эмаель убедили французское командование, что главное наступление германской армии ведется через Голландию. Оно предписало спешный марш в Бельгию и в течение трех решающих дней внимание союзников было отвлечено от Седана.

Первой задачей кампании было: вывести из строя возможно большую часть французской армии и выйти к Северному морю. Вторая фаза должна была закончить разгром союзной армии и окончательно вывести Францию из борьбы. При этом ожидалось содействие Италии.

В марте Гитлер встретился в Бреннере с Муссолини. Он вернулся, рассказывает Иодль, «весьма довольным». Дуче казался очень твердым, — он сказал в присутствии Чиано: «Мое решение принято. Вы понимаете, фюрер?». Было условлено, что итальянская интервенция произойдет после первых успехов германской армии, 18 итальянских дивизий будут переброшены через Рейн, перейдут Вогезы Бельфорским проходом и ворвутся на плоскогорье Лангр. Руководство операцией немцы оставили за собою и Гитлер поручил его генералу Штульпнагель.

Все было готово.

Только погода продолжала противиться Гитлеру. Весна не хотела установиться, и метеорологи не могли обещать фюреру неделю ясной погоды, столь необходимой ему. Иодль пишет 3 мая: «После тщательного изучения атмосферных условий фюрер решил, что желанный день может настать не ранее 6 мая».

Это сопротивление стихий возмущало Гитлера. Быть может, оно даже порождало в нем суеверный страх. В Германии создавалась легенда, что Гитлер — любимец солнца. Ясное небо считалось «погодой Гитлера». Но, начиная с осени, небо восстало против него.

5 мая был подписан приказ, назначающий наступление на 8-е. Спустя несколько часов он был отменен, т. к. бюллетень предвещал дождь.

8 мая Гитлер ощутил беспокойство за сохранение тайны. «Из Голландии поступают

тревожные вести», — пишет Иодль. Запрещение отпусков, эвакуации, контроль на дорогах. По сведениям разведки, англичане потребовали от голландского правительства права передвижения по территории Нидерланд, но голландцы отказали.

Голландские мероприятия приняты вдоль нашей границы и на побережье. Неизвестно, действуют ли голландцы в согласии с англичанами или они, действительно, решили защищать свой нейтралитет против всякого вторжения.

Метеорологи также были в нерешимости.

«На основании изучения атмосферных условий, — пишет Иодль, — можно ожидать постепенного улучшения погоды, но надо считаться с периодом туманов в ближайшие дни».

Брахич высказался за отсрочку наступления, по крайней мере, до 10-го. Гитлер был очень возбужден и нервен. Он сперва, отказал, но потом согласился на просьбу главнокомандующего, добавив, что делает это против внутреннего убеждения и не будет ждать ни одного дня далее.

Наконец, 9-го мая Гитлер подписал приказ о наступлении, заявив при этом: «Это уже окончательно. Больше отсрочек не будет».

Я видел этот приказ. Это — простой листок с заголовком ОКБ, написанный на машинке. Но француз не может видеть его без глубокого волнения. Результат этих нескольких строк: нашествие, поражение, пять лет небытия Франции.

Вот его текст:

«Берлин, 9. 5.40

W. FA/ Abt. L № 22 — 180/40 g k CHEFS

Фюрер и Верховный Главнокомандующий решил:

День A 10. 5.

Час Z 5 ч. 35

Пароль «Данциг» или «Аугсбург» будут даны частям Вооруженных Сил 9. 5. до 21 ч. 30. Начальник Главного Командования Вооруженных Сил:

Кайтель»

Вечером фюрер в специальном поезде покинул Берлин.

* * *

В течении последующих драматических дней дневник Иодля сохраняет свой бесстрастный тон. Даже победа не может нарушить рутину Главного Штаба.

11 мая Иодль отмечает, что голландцы оказывают безнадежное сопротивление. Все мосты в районе Маастрихта, кроме одного, разрушены и операции 7-й воздушной дивизии генерала Шпонека встречают сильное сопротивление. Тем не менее, части воздушного десанта держатся и большие мосты через Маас захвачены неповрежденными. Форт Эбен-Эмаель взят и канал Альберта форсирован. «Операции принимают благоприятный оборот свыше всех ожиданий».

Спустя два дня главные действия развиваются Уже на Маасе между Намюром и Седаном.

18 мая Гитлер дает спешное приказание: отделить от группы Б последние танковые соединения, создать из них новую группу под командованием Гепнера и придать ее в качестве резерва к группе А.

В тот же день он вспылал против Браухича, который задержал на юге в бездействии 2-ю танковую и 29-ю моторизованную дивизии. Приказав образовать на реке Эн оборонительный фронт из второочередных частей, он снова подчеркнул свое непреклонное намерение бросить к западу, несмотря на прочие соображения, все механизированные и танковые соединения.

20 мая Иодль пишет: «Мы бросаем в образовавшийся прорыв все наши танковые дивизии, кроме 9-й. Вопреки нашим опасениям, становится все более очевидным, что

главные силы англо-французской армии не успели отступить и к северу от Соммы находится еще, по крайней мере, 20 дивизий».

Вечером в главной квартире была получена весть о взятии Аббевиля. «Фюрер, — говорит Иодль, — вне себя от радости». Цель, которую он указал, была достигнута в 10 дней. Его стратегия торжествовала. Он уже предвидел победу и мир.

«Переговоры о перемирии, — сказал он, — будут происходить в лесу у Компьен, как и в 1918 г., и знаменитый вагон будет перевезен в Берлин. Мирный договор должен вернуть Германии все территории, которые были от нее отторгнуты за последние 400 лет. Что касается Англии, то она получит мир когда ей угодно, при условии, что она вернет нам наши бывшие колонии».

Успех был столь быстрым, что участие Италии становилось излишним. Гитлер отменил задуманную операцию на плоскогорье Лангр. С целью избежания излишних потерь, он отменил также предположенную атаку 10-й армии на линию Мажино.

На следующий день настроение Гитлера несколько омрачилось. Он жалуется, что пехотные дивизии отстают от танков и снова делает замечание Браухичу. Тем не менее он заявляет, что считает битву на севере законченной и что теперь надо готовиться к новой битве, которая должна будет заставить Францию сложить оружие. Его желанием было свести к минимуму промежутки времени между двумя операциями.

Браухич тотчас же предложил свой план. Он полагал собрать на западном крыле фронта «кулак» из 16 моторизованных и танковых дивизий, обойти Париж с Запада и разбить французские войска на Сене и Луаре, в то время как 18 пехотных дивизий (германских, не итальянских) захватят врасплох верхнее течение Рейна.

Гитлер согласился, но к вечеру изменил мнение. Прорыв должен быть произведен в центре, в провинции Шампань, силами 9-й, 4-й, 6-й и 12-й армий, подкрепленных двумя танковыми корпусами и двадцатью резервными дивизиями. Если Париж будет обороняться, то его обойдут с обеих сторон; если нет, или же там вспыхнет революция, то германские войска войдут в него.

Таким образом, Браухич со своими стратегическими идеями снова потерпел поражение. Даже победа не могла смягчить нерасположения Гитлера к нему. Фюрер предписывает скромное празднование военного юбилея маршала, совпадающего с триумфом германской армии. 24 мая фюрер жестоко упрекает Браухича за то, что тот перевел 4-ю армию из группы А в группу Б. Группа А, оперирующая против Седана, пользуется особым расположением фюрера, — он отправляется в штаб группы в Шарлевилль и осыпает поздравлениями и любезностями Рундштедта и его офицеров. «Вы, — говорит он им, — великолепно поняли мою идею». Высшая похвала в устах Гитлера.

25 мая Браухич предлагает удар танковыми соединениями в направлении Виши — Сент-Омер-Гравелен, с целью раздавить англо-французские войска, которые держатся еще в районе Дюнкирхена. Гитлер хмурит брови:

«Я не согласен с вашей идеей, — говорит он Браухичу, — надо беречь танки для новой большой битвы. Во всяком случае, я не хочу решать этого вопроса сам и предоставляю решение Рундштедту».

Этот прием — обратиться к подчиненному Браухича, как к арбитру, — был новым оскорблением для Браухича. Рундштедт, конечно, тотчас же согласился с мнением фюрера.

Это была ошибка. Она дала возможность части англо-французских сил спастись из мышеловки Дюнкирхена. Еще и теперь германские генералы оплакивают потерянную возможность.

«Как жаль, — сказал Гудериан, — что меня остановили перед Булонью».

«Мы надеялись, — сказал Кайтель, — захватить всю британскую армию. Но силы наши в Аббевилле были недостаточны, а те, что подходили с востока, вступили в дело слишком поздно, так что образовалась брешь, через которую неприятель успел проскочить».

Эвакуация Дюнкирхена была поразительной удачей. На один истребитель было взято до 2000 человек и подчас англичане брали с собой и французов. Правда, из всего своего

снаряжения они могли захватить с собою только пистолеты. Я никогда еще не видел такого количества оружия, автомобилей, горючего и т. д. как в Дюнкирхене».

Гитлер еще раз поплатился за свое нетерпение. Он слишком рано счел битву на севере Франции оконченной и преждевременно повернул свои главные силы на юг для прорыва слабого фронта, который генерал Вейган успел наскоро создать на Сомме и Эне. 26 мая, когда англо-французские силы оказывали у Калэ отчаянное сопротивление, чтобы прикрыть эвакуацию Дюнкирхена, Гитлер назначил новое наступление на 31-е. Отсрочка на 5 дней вызывалась необходимостью привести в порядок танковые части, расстроенные непрерывными походами и боями в течении трех недель.

Несмотря на все, победа была блестяща и решительна.

«Передвижения, — говорит Кайтель, — были так хорошо рассчитаны и организованы, что по прибытии в Аббевилль, наши танковые дивизии еще имели запасы горючего».

И Йодль добавляет:

«Как солдат, я никогда, не принимал в расчет внутренние затруднения, которые могли бы ослабить Францию и был не мало удивлен слабым сопротивлением французской армии».

Х. Почему Гитлер не высадился в Англии и не взял Гибралтара

Этот пункт всегда вызывал удивление: почему Гитлер, после своей победы в Дюнкирхене, не высадился в Англии?

Англия не имела никакой сухопутной обороны. Она послала во Францию в начале войны все силы, какими располагала. Гитлер рассчитывал, что Англия пошлет на континент максимум три дивизии. В мае 1940 г. их было там уже десять.

Утверждать, будто Англия недостаточно помогала Франции — было бы клеветой и извращением фактов. Еще после Дюнкирхена Англия совершила непростительную неосторожность, послав за Ла-Манш свое последнее танковое соединение — бригаду легких танков, которая была выгружена в устье Сены и погибла без малейшей пользы в безнадежной битве.

Также неверно утверждение, будто англичане слишком поспешно ретировались из Дюнкирхена. Напротив, они выбрались оттуда слишком поздно. Если бы британское правительство и командование лучше знали действительную обстановку, то они приняли бы решение об эвакуации в тот самый день, когда пришло известие о прорыве у Седана, самое позднее — 17 или 18 мая. Уже в тот момент было ясно, что игра проиграна, битва за Францию потеряна и франко-английская армия разгромлена. Англия должна была отныне думать, в интересах коалиции, только о собственной обороне; и французское командование первое должно было подать ей этот совет вместо того, чтобы пытаться — как оно сделало — выпросить у своего союзника эскадрильи истребителей, которые четыре месяца спустя остановили налеты Гитлера.

Слепое доверие, которое англичане питали к нашим генералам, стоило им их армии. В июне 1940 г. на территории Великобритании оставалось всего лишь несколько полков, не считая «домашней гвардии».

Гитлер знал это.

И тем не менее он не воспользовался этим случаем. Дойдя до пункта, откуда мог видеть берега Англии, он повернул на юг, прежде чем обратиться к востоку, где нашел поражение и смерть.

В этом видят его главную ошибку. Ищут объяснения этому.

Что отвечают документы Нюрнберга?

Они открывают странную вещь, — почти невероятную и тем не менее истинную. До июня 1940 г. Адольф Гитлер никогда не думал о завоевании Англии.

Этот «вулкан идей» изготавил в своем уме всевозможные проекты, — кроме одного. Он мечтал о завоевании Южной Америки, о новой гражданской войне в Северной Америке и о помощи американским немцам. Но он никогда не мечтал о своем вступлении в Лондон в

качестве победителя.

Первая причина — высокое мнение, какого он был об Англии. Эта страна ему глубоко импонировала, была для него как бы запретным плодом. Даже в те моменты, когда он произносил против нее свои патетические громовые речи, он втайне ощущал ее превосходство. Это был дерзкий революционер, робко склонявшийся перед маркизой.

Помимо того Гитлер был убежден, что победа над Англией может быть достигнута на континенте.

Он думал, что после разгрома Франции Англия пойдет на сделку. Ее реализм должен был ей это подсказать, а те условия, которые он, Гитлер, ей предложит, окончательно склонят ее к этому акту мудрости. Ведь он сказал Иодлю 20 мая: «Англия получит мир, когда она его захочет». И Иодль в одном из своих показаний в Нюрнберге утверждал: «фюрер был готов заключить мир с Англией на песке Дюнкирхена».

У Гитлера не было намерения разрушить Британскую Империю. Он считал ее необходимой для мировой системы — быть может, для того, чтобы удержать население Азии от большевизма. Он упорно лелеял мечту о союзе с Англией, который представлялся ему необходимым условием и верной гарантией гигантской экспансии Германии к востоку. Перенести войну на территорию Англии, взять Лондон, заклеить самое сердце Англии позором поражения — это значило убить свою мечту.

Зачем брать Лондон, если достаточно взять Калэ?

Гитлер находил Англию уязвимою с воздуха и с моря. Вторжение войск не было необходимым, чтобы принудить ее к покорности.

Вот что говорят документы Нюрнберга.

В своей неистовой антианглийской речи 23 мая 1939 г. Гитлер сказал:

«Если бы в первой мировой войне мы имели на два линейных корабля и на два крейсера больше, и если бы Ютландская битва началась утром, то британский флот был бы разбит, и Англия поставлена на колени. Это означало бы конец войны. В прежние времена недостаточно было разбить британский флот, необходима была высадка, т. к. Англия была в состоянии сама себя прокормить. Сейчас это уже миновало.

В тот момент, когда ее пути снабжения будут перерезаны, Англия окажется вынужденной капитулировать».

Представьте себе Гитлера менее нетерпеливым, не в такой степени подгоняемым временем, избавленным от страха преждевременной смерти. Прежде чем начать войну, он, конечно, построил бы сильный флот, как орудие воздействия, а в случае нужды — и борьбы. Момент был благоприятен. Англия, морское могущество которой упало сейчас на самую низкую ступень в ее истории, вряд ли была способна состязаться в морских вооружениях. Гитлер знал это. «Английский флот, — говорил он, — обладает сейчас всего двумя современными линейными кораблями, — это «Родней» и «Нельсон». Новые крейсера типа «Вашингтон» — неудачны».

Но постройка сильного флота требует времени, а у Гитлера его не было. Поэтому он вынужден был заменить флот средствами, которые сам считал второразрядными, но все же достаточными: минами, подводными лодками и авиацией.

«Эти средства, — сказал он своим генералам 23 ноября 1939 г., — могут поразить Англию весьма существенно, если только нам удастся обеспечить себе лучшую базу для операций. Изобретение нового типа мин (магнетическая мина) имеет громадное значение. Непрестанным минированием берегов Англии мы поставим ее на колени. Отныне мины будут опускаться, главным образом, с самолетов. Но воздушный флот нуждается в аэродромах вблизи Англии. А для этого мы должны занять Бельгию и Голландию».

Директива, изданная 10 октября 1939 г., упоминает в числе прочих целей наступления на Западе, «овладеть базой, необходимой и достаточной для будущих морских и воздушных операций против Англии». Слово «сухопутных» отсутствует. Идеи высадки не было в уме Гитлера.

Наступление на Францию имело в виду Англию, но не вторжение в нее сухопутных

войск. В июне 1940 г. среди бумаг и проектов ОКВ не было никакого плана или даже намека на план высадки.

Операция против Англии была поставлена на рассмотрение после поражения Франции, когда Гитлеру стало ясно, что Англия не хочет идти на мировую. Но высадка — не легкая и щекотливая операция. Высадка требует громадных средств и тщательной предварительной работы. Небольшая высадка в Норвегии потребовала от Главного Штаба недель подготовки. Большая высадка в Англии требовала месяцев.

Работа начиналась в июле — слишком поздно для этого сезона. Слишком поздно для 1940 года. Слишком поздно для истории.

«Проблема, — говорит Иодль, — рисовалась следующим образом: не имея превосходства на море, Германия должна была обеспечить себе, по крайней мере, превосходство в воздухе. Значит, предстояло уничтожить сперва британский воздушный флот.»

Воздушные операции в сентябре доказали, что эта задача не могла быть выполнена. Английские истребители пострадали так мало, что немцы вынуждены были прекратить дневные налеты на Лондон. С этого момента высадка становилась невозможной: нельзя делать высадку, когда неприятель имеет превосходство и на море и в воздухе.

«Идея высадки, — говорит Иодль, — была оставлена 12 ноября, когда я представил фюреру рапорт, показывающий невозможность операции».

К этой идее больше никогда не возвращались. Налеты на Англию весной 1941 г. были безрезультатны. Показательные скопления судов в бухте Антверпена и в других «базах инвазии» были только блефом для отвода глаз.

Сам Гитлер изложил свою точку зрения на германо-итальянском совещании 21 января 1941 г, протокол которого находился среди документов Нюрнберга.

«По отношению к Англии, — заявил он, — я нахожусь в положении чело века, у которого всего один патрон в ружье. Пока я его сохраняю, он имеет силу; но если, выстрелив, я промахнусь, то положение станет серьезным. Неудачная высадка представляла бы такую потерю людей и материала, что надолго успокоила бы англичан и дала бы им возможность применять на других театрах, в частности в Средиземном море, те силы, которые сейчас они вынуждены держать дома. Держа их под угрозой высадки, я связываю эти силы. Вот почему для вида я должен подготовить высадку».

Это бросает свет на тот период войны: фактически Англия никогда не была под угрозой высадки.

Конечно, высадка имела шансы на успех летом 1940 г. Колоссальный разгром Дюнкирхена сделал ее возможной. Но для этого нужен был готовый план уже в тот момент.

Его свободно можно было изготовить в течении зимы. Гитлер имел для этого время. У него были к этому и средства. Он обладал силой фантазии, необходимой для того, чтобы представить себе и зафиксировать комбинированную операцию нового стиля, успех которой был бы построен на неожиданности и на перевесе воздушных сил. Но, вместо того, чтобы составить план инвазии в Англии, как естественного следствия победы над Францией, он занялся планом оккупации Норвегии, как необходимого предварительного условия продолжения воздушной и морской войны против Англии.

Быть может, в подсознательных глубинах, где прядутся тайные нити войны, Норвегия и Англия были иначе связаны между собою: Осло и Норвегия спасли Лондон.

* * *

12 ноября, по словам Иодля, Гитлер оставил мысль о высадке в Англии. В тот же день он подписал директиву № 18 (документ 444 P.S. Нюрнберга) о продолжении враждебных действий.

Первый пункт касается Франции. Вот его точный текст:

«Цель моей политики в отношении Франции, — самое тесное сотрудничество с этой страной для продолжения войны против Англии. В данный момент Франция входит в роль не воюющей державы: она должна будет терпеть на своей территории германские военные мероприятия — в особенности в своих африканских колониях — и оказывать им самую широкую поддержку, пуская в ход даже собственные средства обороны. Наиболее насущная задача Франции это пассивная и активная защита своих владений (западной и экваториальной Африки) от англичан и движения де Голля. Начиная с этой основной задачи, участие Франции в войне против Англии может развиваться далее все полнее и шире.

В настоящее время переговоры с Францией ведутся на основе моего свидания с маршалом Петэном, — помимо текущей работы комиссии по перемирию, — исключительно министром иностранных дел в согласии с ОКВ. По окончании этих переговоров будут даны детальные директивы».

Такова была исходная точка Гитлера: вовлечь постепенно Францию в войну с Англией. К сожалению, документы, собранные в Нюрнберге, не дали возможности проследить развитие надежд Гитлера, — с одной стороны и действительных фактов — с другой.

Прочие пункты, к которым мы еще вернемся, касались России, Ливии и Балкан. Но большая часть директивы посвящена Испании и Гибралтару, т. к. Гитлер наметил себе новую цель: он решил взять Гибралтар.

«Предприняты политические шаги с целью вовлечь в будущем в войну и Испанию — говорит директива № 18. Цель интервенции на пиренейском полуострове (шифр — Феликс) — изгнание Англии из Средиземного моря. Поэтому:

а) Гибралтар будет взят и пролив закрыт;

б) англичанам не будет позволено утвердиться в каком либо ином пункте полуострова или на островах Атлантического Океана».

Гитлер наметил этапы завоевания Гибралтара, — он предвидел четыре этапа.

Первый — разведка и соби́рание средств. Офицеры в штатском должны были изучить подступы к Гибралтару и в тайном сотрудничестве с испанцами принять меры к тому, чтобы помешать англичанам создать оборонительный фронт на территории впереди утеса.

Второй этап должен был стать неожиданностью. Германские воздушные силы, снявшись с аэродромов Франции, должны атаковать британский флот, стоящий в Гибралтаре. Одновременно германские войска, собранные на юге Франции, переходят Пиренеи.

Третий этап предусматривал взятие Гибралтара приступом и, в случае, если англичане попытались бы захватить Португалию, — занятие германской армией этой страны.

Четвертый этап состоял в проникновении в испанское Марокко, вследствие чего Гибралтарский пролив оказывался наглухо закупоренным.

Гитлер предписывал максимальное использование в экспедиции моторизованных войск в виду слабой пропускной способности испанских железных дорог. Он приказывал сосредоточение подводных лодок в Средиземном море с целью нападения на английскую эскадру, когда она будет прогнана с Гибралтарского рейда воздушными силами. Он предусматривал, что германские сухопутные силы должны быть достаточно сильны для взятия укреплений Гибралтара без содействия испанской армии. Наконец, он решил, что Италия не будет принимать участия в экспедиции.

Интервенция в Испании должна была повлечь за собою более далекие последствия.

«Вследствие оккупации Гибралтара, — говорит директива № 18, — острова в Атлантическом океане (в особенности Канарские и Зеленого Мыса) приобретают, как для англичан, так и для нас, особенное значение для ведения морской войны. Главнокомандующие воздушных и морских сил должны представить свои соображения о способах укрепления испанской защиты Канарских Островов и о занятии островов Зеленого Мыса.

«Равным образом прошу рассмотреть вопрос об оккупации Мадеры и Азорских островов, — все выгоды и невыгоды ее. Результаты рассмотрения представить мне в возможно кратчайший срок».

«Оккупация островов Канарских и Зеленого Мыса, — сказал Иодль следователям в Нюрнберге, — была одной из излюбленных идей Гитлера. Он постоянно к ней возвращался. Летчики и моряки ей противились, так как они были убеждены, что отдаленность островов и превосходство британского флота делали эти позиции для Германии бесполезными».

Сама операция, сводившаяся к взятию Гибралтара, была нетрудной. Условный шифр, выбранный для нее, был символичен: «Феликс» значит счастливый, счастливая операция. В Гибралтаре грозного осталось немного — только имя. Старая цитадель, конечно, не могла сопротивляться бомбам германских «Штука», которые в одно утро сравняли с землей неприступный форт Эбен-Эмаель. Ничтожный клочок земли без аэродрома, — последний оплот британского владычества на континенте, — был в сущности беззащитен. Молниеносное взятие Сингапура японской армией, которая была на много ниже германской армии 1940 года, показало слабость этих баз, лишенных территории.

Геринг, стоявший за операцию, говорил о ней в Нюрнберге меланхоличным тоном. «Она нам позволила бы, — сказал он, — укрепиться в Африке и союзники не могли бы там высадиться, как они это сделали». Кайтель заявил: «Занятие Гибралтара нам, быть может, не доставило бы победы, т. к. англичане сохраняли за собою восточную часть Средиземного моря со своей базой в Александрии, но эта операция значительно изменила бы положение в нашу пользу».

Почему же план не был приведен в исполнение?

Иодль дал точный ответ: «Мы не заняли Гибралтара только потому, что не имели согласия испанцев».

Три года тому назад тот же Иодль, меланхолично перечисляя перед гауляйтерами Третьего Райха упущенные возможности, сказал следующее документ L. 172):

«Наша третья цель на западе — склонить Испанию на нашу сторону и создать, таким образом, возможность занять Гибралтар — не была достигнута из-за сопротивления испанцев, или точнее, по вине их иезуитского министра иностранных дел Серрано Суньера».

Наконец есть и главный свидетель: сам Гитлер. Протокол германо-итальянского совещания 21 января 1941 г. (документ S. 134) так передает часть речи Гитлера, касающуюся Гибралтара:

«Оборона Сицилийского пролива нашими воздушными силами является жалкой заменой занятия Гибралтара. Мы сделали столько приготовлений, что успех был обеспечен. Завладев Гибралтаром, мы были бы в состоянии сосредоточить в Африке значительные силы и положить конец шантажу генерала Вейгана. Если бы Италии удалось убедить Франко вступить в войну, то это было бы крупным успехом. Положение в Средиземном море в течении короткого времени совершенно бы изменилось».

В действительности, Гитлер был еще настойчивее, чем его рисует этот протокол. Он обратился к Муссолини со следующими, словами: «Если бы Вы могли использовать Ваши личные отношения с Франко, чтобы добиться от него изменения его точки зрения, Вы оказали бы громадную услугу нашей коалиции».

Полная история этого важного эпизода войны может быть написана лишь после того, как станут известны переговоры, которые несомненно велись между Мадридом и Лондоном, а, может быть, и между Мадридом и Вашингтоном. Тогда мы узнаем, какие обещания были даны Франко или какое давление было на него оказано. И те и другие должны были быть весьма значительны, чтобы уравновесить угрозу, победоносной германской армии, стянутой к подножию Пиреней.

«В конце сентября, — говорит Иодль, — фюрер встретился с Франко на французской границе, но соглашение не было достигнуто». Речь идет о свидании в Андай (Хендай), для которого — характерная деталь! — фюрер сам проехал половину пути, тогда как обычно он призывал к себе своих сателлитов. Но директива 12 ноября появилась через месяц после

этого свидания. Следовательно, Гитлер еще не терял надежды добиться успеха у диктатора Испании. Возможно, что в это же время какая-то англо-саксонская интервенция укрепила сопротивление Франко.

Быть может, в этом был акт высшей справедливости. Три года тому назад Гитлер искусственно затягивал гражданскую войну в Испании, т. к. видел в ней источник возрастающих осложнений в Средиземном море. 5 ноября 1937 г. он заявил своим военным сотрудникам, что полная победа Франко не является желательной. Геринг заключил из этого, что надо сократить или даже прекратить помощь националистам, и Гитлер утвердил его предложение. Он действовал как реалист. Франко отплатил ему той же монетой.

Еще последний вопрос: почему Гитлер не провел свой план вопреки сопротивлению Каудильо?

Он мог занять Испанию силой. Испанцы не могли сопротивляться.

Быть может, Гитлер отступил перед следующей перспективой: тоталитарное государство нападает на другое тоталитарное государство, которому оно же помогло стать на ноги. Гитлер — сложная натура, в нем много неожиданного и, несмотря на свойственный ему цинизм, у него бывали странные колебания. Из дневника Иодля видно, что он чуть было не дал опередить себя в Норвегии только потому, что искал предлога для интервенции и не находил его.

Возможно, что он тщетно искал его против Испании. Также вероятно, что он не решался заплатить за Гибралтар ценою еще одной войны. Или даже, что его останавливали воспоминания о неудачах Наполеона в этой стране.

Во всяком случае, отказ Франко имел огромное влияние на развертывание последующих событий. Мы увидим далее, что осенью 1940 г. идея войны с Россией еще неясно мелькала в уме Гитлера. Крушение планов, связанных с Гибралтаром, несомненно содействовало обращению его к востоку. Это крушение имело своим косвенным последствием поражение немцев в России, а также и высадку англо-американцев в северной Африке.

«История пошла бы совсем иначе, — меланхолически заявил Кайтель, — если бы мы взяли Гибралтар и если бы фюрер не оставил Франции ее флот, ее колониальные войска и ее колонии».

XI. Как Муссолини спас Москву

27 октября 1940 г. Гитлер находился во Франции, в городе Монтуар на Луаре. Он только что виделся с маршалом Петэнном и с Лавалем. Несколько дней тому назад был в Андэй, на свидании с Франко. Он вел войну с Англией и был целиком поглощен проектом занятия Гибралтара.

Из Рима пришло сенсационное сообщение:

«Италия решила напасть на Грецию. Сведения надежные. Война неизбежна.»

Эта новость была в высшей степени неприятна для Гитлера. Его политика требовала в данный момент мира на Балканах. Он опасался вмешательства Турции, — был еще в той стадии благоразумия, когда боялся войны на два фронта.

Короткий приказ — и специальный поезд Гитлера, — подлинная подвижная крепость, уставленная пулеметами, — несется полной скоростью к Флоренции. Дуче вызван телеграммой.

Свидание состоялось утром 28 октября. Муссолини — с выпяченной грудью, с поднятой головой, имел очень самоуверенный вид. С первых же слов Гитлера он остановил его.

«Фюрер, слишком поздно. Дело уже в ходу. Наши войска вступили в Грецию сегодня в шесть часов утра».

Видя недовольство на лице собеседника, он добавил:

«Не беспокойтесь, все будет кончено в несколько дней».

Эта сцена была бы невероятной, если бы ее не подтвердили три свидетеля: Геринг, Иодль и Кайтель.

По словам Геринга, поезд Гитлера прибыл во Флоренцию между 9 и 10 часами утра; Муссолини не прибыл на вокзал для встречи союзника. По рассказу Кайтеля, более обстоятельному, поезд прибыл раньше, но встреча обоих вождей состоялась не сразу. Муссолини, быть может намеренно, заставил Гитлера ожидать себя.

«Я отправился на самолете, — рассказывает Кайтель, — из Монтуара в Берлин с приказом фюрера. Затем я вернулся в Мюнхен, где успел пересесть в его поезд. В 6 ч. утра мы прибыли во Флоренцию, Муссолини появился в 8 часов. Он приветствовал нас и сказал: «фюрер, мы уже наступаем».

Эти мелкие различия не играют никакой роли. Геринг и Кайтель формулируют оба одно и то же положение: «Мы опоздали на три часа».

Кайтель добавляет:

«Это была катастрофа».

Да, подтвердили мы от себя, — это была катастрофа.

Перед лицом света диктаторы обменялись клятвами дружбы и провозглашали стальную прочность Оси. Но, когда доходило до дела, то каждый работал сам на себя.

Гитлер питал глубокое недоверие не персонально к Муссолини, но к его военному и политическому окружению. По словам Кайтеля, он говорил:

«То, что известно Муссолини, известно и Чиано, а что известно Чиано — известно в Лондоне». Вот почему он открывал своему боевому товарищу ровно столько, сколько нельзя было от него утаить.

Гитлер уверял Муссолини, как и весь остальной свет, что он произведет высадку в Англии, тогда как он уже давно отказался от этой идеи; Муссолини предлагал ему в помощь свои войска и был оскорблен отказом Гитлера. 21 января 1941 г. Гитлер утаил от Муссолини свои приготовления к войне против России. Дуче узнал о начале военных действий по радио, так как личное письмо, которым Гитлер извещал его о войне, пришло слишком поздно.

Муссолини со своей стороны тоже маскировал свою политику.

«Весьма вероятно, — сказал Иодль, — что итальянцы на несколько дней ранее срока начали свои операции, так как они были уведомлены о том, что нам известны их планы и они боялись нашего сопротивления этим проектам».

Поставленный перед совершившимся фактом, Гитлер вернулся в Берлин. Дуче, провожая его, снова повторял, что в самое короткое время он вступит в Афины.

Фюрер стоически принял роль, которую заставил его сыграть его союзник. Однако, через две недели, когда дела у Муссолини стали принимать дурной оборот, Гитлер написал ему с тем, чтобы поставить точки над *i* в этом деле. Письмо это — документ № 2. 762 P.S. Нюрнбергского архива — окончательно убеждает, что нападение на Грецию было полной неожиданностью для Германии.

Гитлер писал:

«Дуче, когда я просил у Вас свидания во Флоренции, я предпринял путешествие в надежде, что я могу поделиться с Вами моими мыслями еще до начала конфликта с Грецией, о котором я имел лишь самые скудные сведения.

Я хотел просить Вас, прежде всего, отсрочить эту операцию, если возможно, до лучшего времени года и, во всяком случае, до президентских выборов в Америке.

По крайней мере, я хотел просить Вас не предпринимать ничего до занятия острова Крита и я рассчитывал предложить Вам воспользоваться германской дивизией парашютистов и дивизией воздушного десанта».

Увы! Поезд прибыл во Флоренцию слишком поздно.

Через две недели после начала операции в Албании, храбрая итальянская армия попала в затруднительное положение. Два месяца спустя она оказалась в критическом положении и еще через несколько месяцев — в безнадежном.

Гитлер очень скоро понял, что ему не удастся избежать вмешательства.

Италия напала на Грецию 28 октября. Директива Гитлера от 12 ноября уже предлагала главнокомандующему германской армии иметь в виду интервенцию в Греции и занятие страны к северу от Эгейского моря. Зубцы германской агрессии захватывали Балканы.

В январе 1941 г. генерал Гуццони, начальник итальянского Главного Штаба, изложил ситуацию Гитлеру и его офицерам. Он заявил, что Италия держит в Албании двадцать одну дивизию, что она туда посылает еще три и намерена произвести удар с севера силами десяти дивизий в направлении Корицы. Комментарии к протоколу этого совещания обнаруживают скептическое отношение немцев к этой операции.

Гуццони высказал кроме того просьбу о германской поддержке в Албании. В длинной речи, произнесенной на последнем заседании совещания (документ S. 134), Гитлер ответил генералу, что это не представляется удобным. «Если соединения, которые мы вам могли бы послать, останутся в тылу, то зрелище немцев, смотрящих со скрещенными руками на то, как итальянцы изнемогают в битвах, оказало бы плохое действие на мораль итальянских войск. Если же наши войска примут участие в боях, то Германия может быть преждевременно вовлечена в войну на юго-востоке. Было бы крайне неприятно, если бы Турция объявила себя солидарной с Англией и предоставила ей свои аэродромы».

На полях протокола — заметка карандашом, быть может, рукой Гитлера: «Константинополь-Констанца — 380 километров». Мысль о румынской нефти, по-видимому, не выходила из головы фюрера. Она не давала ему покоя в течении всей войны.

Германия колебалась: ей не хотелось ввязываться в балканскую авантюру. Но она понимала, что война, которой к ее досаде так добивался Муссолини, будет иметь последствием возвращение англичан на континент, и она готовилась к интервенции, так как чувствовала ее неизбежность. Это предприятие получило имя «плана Марита».

В декабре 1940 г. Гитлер издал директиву № 20 (документ 1541 P.S.). Она начинается следующими словами:

«Цель битвы за Албанию еще не достигнута. Вследствие опасной ситуации, сложившейся в Албании, является вдвойне необходимым парализовать попытки англичан создать базы под защитой балканского фронта, что было бы в высшей степени опасно как для Италии, так и для нефтяных промыслов Румынии».

Болгария участвовала в заговоре. Она предложила свою территорию, как базу для нападения на Грецию. 8 февраля маршал Лист от Германии и представитель болгарского Главного Штаба выработали программу совместных действий (документ 1. 746. P.S.).

Через Венгрию и Румынию, которые также участвовали в заговоре, германские войска должны были незаметно проскользнуть на Балканы.

Начало весны было несчастливо для итальянцев. В течении зимы грязь и непогода мешали военным действиям; но когда небо прояснилось и почва подсохла, то греки двинулись вперед и заняли Албанию. Этот народ, насчитывающий всего шесть миллионов в борьбе с сорока пятиmillionной Италией нанес ей почти полное поражение. Вообще говоря, Италия, как союзник, не имела большой цены для Германии. Она оставалась верна своей национальной традиции, согласно которой была неопасным врагом и опасным союзником. Но она занимала стратегические позиции, и Германия волей неволей вынуждена была ее спасать.

В Югославии произошел переворот. Германофильское правительство Стоядиновича, которое только что заключило пакт с Германией, было свергнуто. Это событие явилось следствием итальянской авантюры в Греции. С того момента, как Муссолини потерпел поражение, антигерманские силы в Европе воспрянули. Предстоящее возвращение Англии на континент всем придавало веры и бодрости.

Гитлер решил покончить с этим.

«Я не буду ожидать, — сказал он на большой конференции Главного Штаба 27 марта (документ 1746 P.S.), — изъявления лояльности от нового-правительства Югославии. Никаких дипломатических шагов, никаких ультиматумов! Югославянские уверения не будут

приняты во внимание. Наступление начнется немедленно после того, как войска и необходимые материалы будут сосредоточены на местах. Политические соображения требуют, чтобы война велась жестоко и безжалостно и чтобы военный разгром Югославии произошел с быстротой молнии».

Переворот в Югославии был предлогом или, если угодно, случаем. «Но, — сказал Кайтель, — подлинной причиной нашей интервенции на Балканах была необходимость спасти Италию от военного разгрома, перед которым она стояла. Муссолини был «взят за горло». Геринг со своей стороны заявил: «Переворот в Югославии, ухудшивший и так уже скверное положение Италии, сделал нашу интервенцию необходимой». Как бы то ни было, развитие событий на Балканах в 1940-41 гг. началось с агрессии, которую Муссолини, подготовил и начал без ведома Гитлера.

Кампания на Балканах принесла удовлетворение Гитлеру. Его танкисты, подкрепляемые химическими препаратами, которые позволяли им в течении двух недель обходиться без сна, завоевали полуостров, буквально, не смыкая глаз. Югославянская армия была разгромлена. Греция — раздавлена. Английские войска, спешно высаженные на континенте, пережили в Пирее второй Дюнкирхен. Крит был захвачен с тем же воодушевлением, с каким германские дивизии переходили через Дунай. Восточная часть Средиземного моря оказалась полностью под контролем германской авиации. Александрия стала очередной целью, и морские пути, ведущие к Суэцу, стали небезопасны. Германия одним ударом значительно улучшила свое стратегическое положение и германская армия производила впечатление непобедимой. Никогда Гитлер не был на такой высоте, как в тот момент.

Но в приказе фюрера, которым он бросал свои войска к новому триумфу, была также и следующая фраза, звучащая сейчас как *momento mori*:

«Проведение плана Барбароссы откладывается на шесть недель».

План Барбароссы — это война с Россией, намеченная на 1 апреля 1941 г. Она должна была начаться 15 мая, а началась 22 июня.

Войска маршала Листа, завоевавшие Балканы, были первоначально предназначены для левого фланга германской армии. Они должны были двинуться из Румынии. Затем их назначение было изменено. И в то время, как дивизии Листа двигались последовательно на Белград, Ниш, Салоники, Афины и Канею, группы маршалов фон-Лесба, фон-Бека и фон-Рунштедта должны были выжидать.

«Наступление на Россию, — сказал Кайтель, — состоялось бы гораздо раньше, не будь нашей интервенции на Балканах. Это обстоятельство значительно ухудшило наши шансы. Было бы несравненно выгоднее начать наступление, как только погода это позволяла, — самое позднее в первых числах июня. Военные были того мнения, что, раз уже война неизбежна, надо начинать ее как можно раньше, т. е. не позднее мая. В 1917 г. я был в качестве офицера Главного Штаба на севере России и там в начале мая еще лежал снег. Наоборот, в Крыму, в Донецком бассейне и на всем юге России благоприятное время начинается уже в феврале или марте».

Любители исторических параллелей воображали, что Гитлер выжидал, чтобы перейти Неман в тот самый день, что и Наполеон. Это было вовсе не так. Гитлер, наоборот, рассчитывал и очень хорошо понимал, что кампания против России должна начаться как можно раньше, как только земля просохнет и станет пригодной для танков. Он прекрасно учитывал далекие расстояния и качество дорог в России. Но все его расчеты были опрокинуты событиями, вызванными на Балканах поступком Муссолини.

Последствия этой отсрочки были безмерны.

Если бы война в России началась на шесть недель раньше, то совершенно несомненно, что германские армии могли бы достигнуть своих целей еще в начале зимы. Вне всякого сомнения, они взяли бы Москву. В дальнейшем мы покажем, что судьба города зависела от нескольких дней. Отчаянное сопротивление русских не в состоянии было остановить танки Гудериана, — они были остановлены внезапно ударившими суровыми морозами.

Взятие Москвы не положило бы конец сопротивлению в России, это верно. Оно не изменило бы исхода войны, — это тоже верно. Оно не доставило бы Германии невозможную победу, и это верно. Но оно, конечно, изменило бы течения событий. Оно избавило бы Германию от поражения, страшные последствия которого мы увидим далее, и от потери армии. Если бы Москва была взята в октябре 1941 г., то война продолжалась бы, может быть, на два года дольше.

Бросившись на Грецию без уведомления своего союзника, Муссолини спас Москву. Сценический эффект, который он произвел во Флоренции («Фюрер, мы наступаем») стоил Оси дороже, чем самое крупное из ее поражений.

Это впрочем не единственная услуга, которую Италия оказала — правда неумышленно — западным союзникам.

X II. Как итальянские моряки спасли Суэц

Одной из главных ошибок Гитлера была переоценка — и страшная переоценка — Италии.

В глубине этого заблуждения лежала личная привязанность фюрера к дуче. Набрасывая в первой главе портрет Гитлера, я старался показать характер и силу этой привязанности.

При допросе в Нюрнберге Кайтель рассказал следующее:

«Гинденбург сказал Гитлеру, что Муссолини может сделать все, что захочет, кроме одного: он не может заставить итальянцев перестать быть итальянцами. Но Гитлер не был этими словами убежден.

В 1936 г. он отправился в Италию. Муссолини показал ему в Неаполе сто подводных лодок; я помню, как мы тогда говорили между собою: «Если бы мы имели хотя пятую часть этого...». Мы видели в море к югу от Капри новенькие крейсера, делающие 38–40 узлов. Гитлер заключил из этого, что Дуче значительно поднял военный потенциал Италии. Позднейшие события показали обратное».

В 1938 г. в Риме Муссолини показал Гитлеру большие маневры. Кайтель продолжает свой рассказ:

«От глаз германского офицера не могло укрыться, что это были не настоящие войска, но кадры. Они должны были при мобилизации быть пополнены плохо обученными призывными. Артиллерия не имела ни одного современного орудия. Все пушки были еще эпохи мировой войны и для придания им подвижности поставлены на легкие грузовики. Парад произвел на меня удручающее впечатление. Я наблюдал за фюрером и видел по его манере качать головой, что он был также разочарован.

Он заключил, что на итальянскую армию нельзя слишком рассчитывать, но все нее остался при мнении, что флот и авиация хороши и в случае конфликта представят собою серьезную поддержку».

В Нюрнберге немецкие генералы были все — как свидетели, так и обвиняемые — озлоблены против итальянцев.

«Я понимаю теперь, — сказал Иодль, — остроту генерала Гамелэна:

«Если Италия останется нейтральной, мне нужно будет восемь дивизий; если она будет против нас — только четыре; если же она будет на нашей стороне — то не менее двенадцати».

В сентябре 1940 г. Италия предприняла наступление в Северной Африке. Целью его было завоевание Египта и овладение Суэцем. Германия, силы которой были тогда не заняты, предложила свое содействие. Италия отказалась. Война в Африке была «ее» войной, и она не хотела делиться своей славой.

«Наша интервенция в Африке, — сказал Иодль, — была задержана ревностью итальянцев. Нужно было поражение маршала Грациани, чтобы заставить их допустить нас туда, и то еще с огромными затруднениями. Роммель переплыл Средиземное море во главе небольшого соединения, и для успокоения гордости итальянцев он назвал свою экспедицию

«моторизованной разведкой». Таков был скромный почин африканского корпуса».

Кайтель рассказывает дальше:

«Роммель вначале произвел только разведку с боем. У него образовалась дивизия только шесть недель спустя. Итальянцы были настолько самонадеянны, что не просили у нас больше войск, и Бадольо отказался от двух танковых дивизий. Во время нашего с ним свидания в Иннсбруке он заявил, что танки не могут оперировать в Ливии. В действительности же, там идеальная почва для танков и именно там Роммель составил себе репутаций, как танковый генерал».

Гордость итальянцев — пышный цветок, который быстро увядает при холодном ветре. С января 1941 г. итальянцы обратились в попрошайки. Их наступление на Марса-Матрук закончилось их разгромом. Англичане, захватив инициативу в свои руки, вошли в Киренайку, осадили Тобрук и угрожали Триполитании.

20 января генерал Гуццони заявил германскому Главному Штабу, что Италия будет пытаться сохранить западную часть Киренайки, но что она имеет в виду перенести оборону в Триполитанию. Он просил помощи у Германии.

«Итальянцы, — говорится в германском протоколе (документ S. 134), — очень хотели получить 5-ю танковую дивизию. Высадка войск в Триполи могла начаться между 15 и 20 февраля, но перевозка материалов могла быть произведена и ранее».

На следующий день Гитлер ответил отказом.

«Наши танки очень тяжелы, — сказал он, — и мы не смеем рисковать посылкой этих ценных соединений в такие края, где они вероятно не смогут дать полного эффекта. Мы не можем действовать так, как действовали англичане во Франции. Я не могу вам дать танковую дивизию, но я пошлю вам легкое противотанковое соединение, которое будет быстро переправлено и сможет войти в дело еще до наступления жары. Это испытанные войска, доверяющие своему оружию, что очень важно в борьбе с танками. Я им дал имя «охотников за танками», так как они должны выискивать неприятельский танк и преследовать его, как охотник преследует дичь. Как наши танки, так и противотанковое оружие, которым вооружено это соединение, одинаково могут пробивать любую английскую бронированную машину, которая очутится перед ними».

Затем Гитлер дал итальянским генералам урок пользования этим оружием. Он предложил им изучить современную технику боя и брать пример с немцев. Советовал им создать мощную противотанковую оборону и обратить внимание на силу и значение минных полей. Внушил им даже мысль воспользоваться подводными лодками, чтобы послать мины в Тобрук, где сопротивление начало ослабевать.

В течении следующих месяцев неспособность итальянцев проявилась настолько явно, что Германия предвидела полную потерю Северной Африки.

«С военной точки зрения, — сказал Гитлер на конференции 2 февраля (документ 872 P.S.) — эта потеря не так уж велика, но она произвела бы сильный психологический шок в Италии. Англия получила бы этим возможность приставить пистолет к сердцу Италии и принудить ее к заключению мира. Это было бы для нас невыгодно. Английские силы в Средиземном море получили бы свободу действий, и у нас получился бы уязвимый фланг на юге Франции. У англичан освобождался бы десяток дивизий, который мог быть применен хотя бы в Сирии, что представляло уже серьезную опасность».

Мы должны приложить все усилия, чтобы помешать этому. Италию надо поддержать».

Гитлер предписал 10-му корпусу воздушных сил взять под свою охрану морской транспорт итальянцев и действовать против путей сообщения англичан. Затем он предписал главнокомандующему армией разработать вопрос о посылке в Африку одной танковой дивизии.

Ту самую меру, в которой он отказал генералу Гуццони две недели тому назад!

Таким образом положение, сложившееся год тому назад на Балканах, теперь повторялось в Ливии. Слабость итальянцев вынуждала Германию все более и более усиливать свою армию на Средиземноморском театре войны. В конце концов, союз с

Италией, так высоко расцениваемый Гитлером, прибавил для Германии еще один липший фронт.

События развивались своим чередом. Война в Северной Африке, которая легла всей тяжестью на плечи Германии, развертывалась, в маневренную войну в силу условий местности и относительной слабости армий. Достаточно было технической новинки, как британский танк «Матильда» или германское орудие «88», чтобы нарушить равновесие сил и вызвать передвижения фронта вроде прилива и отлива, достигающего в условиях пустыни сотен километров в глубину.

В июне 1942 г. Роммель, откатившийся было до Триполи, снова перешел в наступление. Он захватил англичан врасплох и разбил их. Киренаика была пройдена немцами без задержки. Тобрук, в который англичане навезли всякого снабжения на целый год, был взят приступом в один день. Германские войска вторглись в Египет.

Эти дни были одними из самых драматических за всю войну. В Лондоне, в Палате Общин, Уинстон Черчилль, под угрозой вотума недоверия, полностью признал поражение. Он не пытался искать извинений и в его словах не было и проблеска надежды.

«Наши силы, — сказал он, — были значительнее, чем силы Оси. У нас было 100 тысяч человек британской армии против 90 тысяч, из которых только 50 тысяч было немцев. Соотношение артиллерии тоже было в нашу пользу — 8: 5 и, кроме того, мы имели превосходство в воздухе.

Падение Тобрука повлекло за собой наше отступление до Марса-Матрук. Мы откатились на 120 миль от неприятеля и надеялись иметь передышку, по крайней мере, на 10–15 дней. Между тем, уже через 5 дней, 26 июня, Роммель появился со своими танками перед нашими позициями.

Мы стоим перед самым значительным крушением наших надежд после нашего поражения во Франции. Я не могу понять того, что произошло».

Остатки британской армии, не более 50 тысяч человек, не могли задержать неприятеля. Дорога в Каир была открыта. Египет, казалось, потерян. Восточная часть Средиземного моря и передняя Азия, уже находившаяся под угрозой германо-итальянских баз — Крита и Додеканез, — теперь оказывались полностью в руках Германии. Никогда еще Британская Империя не получала более жестокого удара. Разгром в Киренаике был страшным дополнением тяжелых потерь, понесенных Империей в это же время на Дальнем Востоке. Там японцы взяли Сингапур. Здесь германцы готовились захватить Суэц.

Однако Роммель остановился.

Никто не мог понять этой задержки. Были мнения, что Германия сама не сознает огромности своего успеха. Дошло до предположений, что Гитлер пренебрег победой Роммеля, почувствовав к маршалу, ставшему легендарным героем Германии, нечто вроде профессиональной ревности; что он, якобы, сам остановил его успехи, добавив при этом, что «только победа над Россией имеет цену в его глазах».

Показания в Нюрнберге сняли покров с этой тайны.

«Каким образом, — спросили там Кайтеля, — объясняете вы остановку Роммеля?»

«Она произошла, — ответил бывший начальник ОКБ, — благодаря итальянцам. Потребности Роммеля в снабжении — питание, снаряды, вооружение — исчислялись в 65–70 тысяч тонн в месяц, плюс 20 тысяч тонн для итальянцев. Крайний минимум был в целом 80 тысяч тонн, между тем итальянский флот мог перевезти максимум 35 тысяч тонн в месяц.

Все мои настояния и даже письма Гитлера к Муссолини остались без результата. Я два раза ездил в Бреннер для переговоров с маршалом Бадольо. Я его умолял использовать быстроходные крейсера, быстроходные подводные лодки и пассажирские пароходы, бесцельно стоявшие в итальянских портах, чтобы обеспечить снабжение африканского корпуса. Италия имела тридцать крупных подводных лодок, которыми она не пользовалась, так как они были настолько тяжелы, что не могли маневрировать. Я просил Бадольо снять с этих кораблей вооружение и все, что только было возможно, и обратить их в транспорты. Но я не мог его уговорить. Мы не могли посылать подкрепления в Африку, потому что не могли

их прокормить. Роммель стал жертвой полной несостоятельности итальянского транспорта».

На все настояния Германии Муссолини отвечал с непоколебимым упорством: «Единственный способ улучшить положение в Средиземном море, это взять Тунис». Иными словами, тяжелое положение Роммеля давало ему повод к своего рода шантажу: если вы хотите взять у англичан Египет, то начните с того, чтобы взять у французов Тунис.

Гитлер не мог уступить. Причина известна. Он боялся, что захват Туниса, вопреки условиям перемирия, вызовет переход всей Французской империи на сторону де Голля.

Но зато он, наконец, оценил своих итальянцев.

«У нас был план, — говорит Иодль, — овладеть Мальтой. Приготовления были продуманы и проведены до малейших подробностей, и опыт, приобретенный нами на Крите, обещал нам успех. Особенно настаивали на проведении этого плана моряки, но фюрер не соглашался предоставить маршалу Кессельрингу столько парашютистов и частей воздушного десанта, сколько тот требовал, так как он не доверял более итальянцам, содействие которых было необходимо для успеха операции».

Итальянский флот спас Суэц и Мальту, подобно тому, как Муссолини спас Москву. Это были, конечно, неумышленные, но тем не менее весьма ценные «услуги», оказанные Италией западным союзникам. На чьей бы стороне Италия ни была, она всегда работает на победителя.

* * *

Военная история Оси заканчивается отпадением Италии в июле 1943 г. Об этом важнейшем событии, отдавшем все Средиземное море в руки союзников, генерал Иодль сделал в ноябре 1943 г. перед райхслайтерами и гаулайтерами Германии следующее сообщение (документ L. 172):

«Основные факты итальянской измены известны вам из печати. В действительности положение было еще более драматическим, чем его описывают журналы. Для Верховного Командования это было одной из самых трудных проблем, которые перед ним когда либо вставали. Для фюрера с первого же момента стало ясно, что отстранение и арест дуче неизбежно повлечет за собой полное отпадение Италии от Оси, несмотря на то, что некоторые менее прозорливые лица склонны были видеть в этом факте улучшение нашего положения в Средиземном море и нашего военного сотрудничества с Италией.

В этот момент многие не понимали, почему политические и военные действия фюрера были направлены к свержению нового правительства и к освобождению Муссолини. Только очень немногие могли быть посвящены в это предприятие. С другой стороны, надо было принимать спешные военные меры, чтобы задержать передвижение неприятеля возможно раньше, т. е. еще в Сицилии.

Не было ни малейшего сомнения в том, что неприятель будет пытаться перенести свои операции дальше к северу. Распределение его флота и намеченные плацдармы высадки ясно на это указывали. Где это произойдет? В Сардинии? На Корсике? В Апулии? В Калабрии? А почему не в самом Риме — если действительно налицо измена Италии — или не в Ливорно или не в Генуе?

Нашей задачей было удерживать возможно большую часть территории Италии, чтобы не допустить высадки на севере страны, которая повлекла бы за собою потерю германских частей в средней и южной Италии. Помимо того важно было не покидать страну, чтобы не дать итальянцам повода довершить их измену.

Положение становилось все более и более трудным. Это была, быть может, единственная фаза войны, когда я не знал, что посоветовать фюреру. Меры, предназначенные на случай явной измены, были разработаны до малейших деталей. Пароль, которым они пускались в действие, был «Ось». Дивизии, которые фюрер приказал перевести с запада в северную Италию, оставались в бездействии, тогда как в то же время на восточном

фронте шло наступление неприятеля и резервы требовались как никогда.

В этом тягостном положении фюрер принял решение разрубить Гордиев узел путем политического и военного ультиматума. Утром 7 сентября неприятельский десантный флот показался перед Салерно и на следующий день мир узнал новость о полной капитуляции Италии. Даже в этот последний момент германское командование было еще связано в своих действиях: итальянцы отказывались верить подлинности радиосообщения. Поэтому пароль не был пущен в ход, войскам был только отдан приказ быть в боевой готовности. Наконец, в 19 ч. 15 м. эта измена была подтверждена итальянскими властями. То, что за этим последовало, было одновременно драмой и комедией. Только впоследствии возможно будет собрать и опубликовать все детали. Реакция германских войск и командования была в полном соответствии с остротой разочарования в бывших союзниках».

Проще говоря, немцы с крайней яростью разоружали итальянцев, не оказывавших никакого сопротивления. Документы, приложенные к рассказу Иодля, приводят подробности и цифры. 80 итальянских дивизий были разоружены и переведены на положение военнопленных. Список военной добычи, взятой немцами, включает в себе: 1.255.000 винтовок, 38.383 пулемета, 9.988 орудий, 970 танков, 4.5553 самолета, 287.502 тонны снарядов, 15.500 повозок, 67.600 лошадей и мулов, 196.000 тонн железной руды, 3.400 тонн ртути, 2.252.000 одеял, 1.139.000 рубашек, 352.000 метров сукна и т. д.

Этой добычи было достаточно для снабжения на некоторое время германской армии, запасы которой уже значительно истощились; и в то же время это пополнение было, пожалуй, наибольшей помощью, оказанной Италией своему союзнику за все время войны.

Таким образом прекратила свое существование Ось, родившаяся при звуках фанфар Венеции, Рима и Берлина, Ось сделавшая возможным Мюнхен и мировую войну и приведшая сперва итальянских бомбардировщиков в Лондон, а под конец американские «летающие крепости» в Геную.

Разочарование Гитлера было глубоким, измена итальянцев не поколебала его веры в свою победу, но его жестоко потряс конец фашизма, этого старшего брата национал-социализма. Он не мог примириться с тем, что итальянский народ так легко мог опрокинуть свои алтари и что режим, вначале крепкий и могучий, мог рассыпаться в один день.

«После ареста Муссолини, — рассказывает Иодль, — когда я доложил фюреру, что улицы Рима усеяны сорванными фашистскими эмблемами, он пожал плечами и сказал: «Есть только один генерал, который достаточно глуп, чтобы верить такому вздору».

XIII. Ультиматум Рудольфа Гесса

В этой главе мы имеем дело не с немецкими, но с английскими документами, которые фигурировали в Нюрнберге под № D. 614. Они излагают наиболее романтический эпизод всей войны: полет в Англию Рудольфа Гесса, — заместителя Гитлера по партийной линии, министра Третьего Райха и третьей персоны гитлеровской Германии.

Вечером в субботу 10 мая 1941 г. герцог Гамильтон, член британского парламента и командир эскадры английского воздушного флота, находился на своем посту в Тернгаузе, в Шотландии. Ему доложили, что германский самолет типа «Мессершмидт 110» обнаружен в 22 ч. 08 м. у берегов Нортумберленда.

«Это несомненно ошибка, — заметил герцог. — Никогда еще «Мессершмидт 110» не залетал так далеко. У него не хватило бы горючего для обратного пути».

Наблюдательные посты продолжали следить за полетом немца. В 22 ч. 56 м. они отметили его на высоте 1000 м. к северо-востоку от Андроссана. Потом самолет повернул к югу, затем к северу и, наконец, к западу. Он блуждал. Вся противовоздушная оборона направила к небу жерла своих орудий. Истребитель типа «Дифайент» поднялся и с полной скоростью полетел навстречу неприятелю. В 23 ч. 03 м. этот последний был отмечен к югу от Глазго. «Дифайент» был от него всего в 4 милях, т. е. в одной минуте полета.

Как раз в этот момент наблюдательные посты донесли, что какой-то самолет только что упал и горит на земле. «Дифайент» в свою очередь телеграфировал, что он еще не вступал в бой. Немец упал, стало быть, сам собой.

«Я был разочарован», — сказал лорд Гамильтон.

Поступили дополнительные сведения. Самолет разбился в двух милях от Игльсхэм. (На моем участке, — подумал Гамильтон). Это был «Мессершмидт 110».

Внезапно герцог вскочил.

«Летчик, — говорил голос в телефоне, — спрыгнул с парашютом и захвачен в плен. Его зовут Альфред Горн. Он заявляет, что прибыл со специальной миссией и хочет говорить с герцогом Гамильтоном».

Альфред Горн? Это имя не говорило ничего.

Британская флегма предписывала выдержку. Лорд Гамильтон прибыл на следующий день в десять часов утра в казармы Мэрихилс в Глазго, куда поместили таинственного летчика.

Сперва герцог осмотрел предметы, найденные на пленнике: фотоаппарат Лейка, фотография ребенка, лекарства и две визитные карточки на имя доктора Карла Гаусхофера и Альфреда Гаусхофера. Смутное воспоминание мелькнуло в памяти Гамильтона. Гаусхофер... это имя как будто было ему знакомо.

Он вошел в камеру в сопровождении офицера стражи и переводчика. Он увидел перед собой худощавого человека с землисто-бледным лицом, запавшими глазами и судорожно искаженным лицом.

– Я хочу, — сказал пленник, — говорить с вами наедине.

Гамильтон сделал утвердительный знак. Офицер и переводчик вышли.

Лицо пленника приняло нормальный вид.

– Узнаете вы меня?

– Ничуть.

– Вы видели меня в Берлине в, 1936 г., во время Олимпиады и вы завтракали у меня.

Итак, это было светское знакомство. Но теперь была война. Лорд Гамильтон оставался невозмутимо холоден.

– Я — Рудольф Гесс.

Флегма Гамильтона исчезла.

– Рудольф Гесс?

– Я прибыл с миссией во имя человечности. Герцог не мог узнать пленника. Он не мог победить недоверия. Дело казалось слишком фантастичным.

– Мой друг Гаусхофер, — сказал Гесс, — уверил меня, что вы способны понять мою точку зрения. Он пытался устроить наше свидание в Лиссабоне; помните ли вы его письмо от 23 декабря?

– Я не имел ни малейшего понятия о том, что дело идет о встрече с вами.

– Это уже четвертая попытка моя с декабря месяца прибыть к вам. Три раза я вынужден был поворачивать с полпути из-за плохой погоды. Я не хотел предпринимать путешествия в то время, когда у Англии были успехи в Ливии, потому что это было бы принято, как знак слабости Германии. Но теперь, когда мы восстановили ситуацию в Северной Африке и в Греции, я доволен, что мне удалось прибыть к вам.

– Риск, который я взял на себя, я — министр Райха, должен доказать вам мою личную искренность и желание Германии заключить мир. Фюрер убежден, что он выиграет войну, если не сейчас, то через год, два, наконец, три года. Я хочу предотвратить бесполезное кровопролитие.

Гамильтон слушал в изумлении. Гесс продолжал:

– Я хотел бы, чтобы вы вошли в контакт с главными членами вашей партии и обменялись взглядами на мир.

– С начала войны — возразил герцог, — в Англии есть только одна партия.

– Я хочу вам сообщить условия, которые Гитлер предусматривает. Во-первых, он хочет

такого соглашения, которое навсегда исключило бы возможность войны между нашими странами.

– Каким образом?

– Конечно, первое условие, это чтобы Англия отказалась от своей традиционной политики противодействия наиболее сильной державе Европы.

– Но если мы сейчас заключим мир, то через два года вы снова начнете войну.

– Почему? -

– Мы могли заключить мирное соглашение до того, как вспыхнула война, но так как Германия предпочла войну в тот момент, когда мы были наиболее заинтересованы в сохранении мира, то я не вижу, к какому соглашению мы могли бы придти сейчас.

Этот ответ был не слишком ободряющим. Гесс замолчал. Помимо всего, он хотя и довольно свободно изъяснялся по-английски, однако с трудом понимал то, что говорил ему лорд Гамильтон. Заметив это, последний предложил ему продолжать разговор при помощи переводчика.

– У меня к вам есть еще просьба, — добавил Гесс. — Я хотел бы, чтобы вы испросили у короля для меня акт, подтверждающий, что я прибыл сюда добровольно и без оружия. Ах, да: еще я просил бы вас протелеграфировать в Цюрих, Герцогштрассе 17, Ротгехеру, что Альфред Горн жив и здоров. Это для успокоения моей семьи, вы понимаете?...И затем: нельзя ли не раскрывать в печати моего имени?

Герцог Гамильтон не мог этого обещать от себя. Он тотчас же отправился в Лондон для доклада о необычайном посещении.

Через два дня, 13 мая, чиновник Министерства Иностранных Дел мистер Керкпатрик прибыл в казармы Мэрихилс. Прежде всего, он рассеял сомнения о личности пленника. Мистер Керкпатрик служил в Берлине и лично знал Рудольфа Гесса. Он подтвердил: это был действительно Гесс.

Гесс начал с жалоб. Он прибыл сюда, как парламентар, а с ним обращаются, как с пленником. Его заперли в камере и приставили к нему солдата. Он хотел получить обратно свои лекарства и просил дать ему книги, в том числе «Трое в одной лодке» Джером К. Джерома. Он хотел также получить на память обломок своего самолета.

Затем он рассказал о своем путешествии. Оно было не легким. Он вылетел из Аугсбурга в 17 ч. 45 м., но когда достиг берегов Англии, было еще слишком светло для безопасного спуска. Он крутился целый час над Северным морем и, наконец, отказался от мысли спуститься в Дандженэл, как первоначально намеревался. Но он с трудом мог решиться на прыжок. Ему стало дурно при первой попытке. При вторичной попытке он прыгнул, но потерял сознание в тот самый момент, когда дернул веревку, чтобы открыть парашют. Он упал на землю в обмороке и был очень благодарен крестьянину, который его нашел и привел в чувство. Но он никак не ожидал, что будет заключен в камеру в Глазго.

Затем Рудольф Гесс изложил цель своего путешествия. Мысль эта впервые пришла ему в голову, когда он читал книгу об иностранной политике Эдуарда VII. Эта объективно написанная книга, — говорит он, — помогла ему понять основное заблуждение Англии: принцип, ставший традицией, согласно которому Англия считала своим главным противником наиболее сильную державу европейского континента, кто бы она ни была. Начиная с 1904 г., Англия поддерживала Францию против Германии. Поэтому Англия ответственна за войну 1914 года.

Далее мистер Керкпатрик должен был выслушать апологию Гитлера и его политики. Если фюреру пришлось присоединить Австрию при помощи силы, то это только потому, что ему не позволили сделать это легальным способом. Чехословацкий кризис возник потому, что французский министр Пьер Кот заявил, что Чехословакия должна стать аэродромом против Германии. Мюнхен был для Гитлера большим облегчением, но уже две недели спустя Чемберлен заявил, что Мюнхен позволяет Англии закончить свое перевооружение, и Гитлер понял, что он был обманут в Мюнхене. Затем Франция и Англия вмешались в дело вооружения Чехословакии, вследствие чего Гитлер увидел себя вынужденным покончить с

этой вечной угрозой путем оккупации всей страны. Англия, на месте Гитлера, сделала бы то же самое.

Гитлер, — продолжал Гесс, — имел доказательства, что Польша приняла бы соглашение, которое ей предлагала Германия, если бы Англия не побуждала ее к сопротивлению. Следовательно, Англия ответственна за войну 1939 г., как она ответственна за войну 1914 года.

При оккупации Норвегии Гитлер имел доказательства, что он всего лишь на несколько дней опередил англичан; также, и при занятии Бельгии и Голландии у него были доказательства, что англичане готовились нарушить нейтралитет этих стран, чтобы напасть на Германию и завоевать Рур. Он заключал из этого, что его действия были всегда превентивными, следовательно, законными.

М. Керкпатрик, вероятно, был удивлен тем, что Рудольф Гесс прибыл издалека и с таким риском лишь для того, чтобы дать детски-наивный исторический обзор политики Гитлера и произнести обвинительную речь по адресу Англии. Но Гесс только подходил к самому главному, к цели своей миссии:

Англия накануне гибели. Он это готов доказать.

В Германии производство самолетов достигло громадных размеров и еще продолжает расти. Оно на много превысило продукцию Англии и Америки вместе взятых. Помимо того, американские самолеты весьма посредственны и германский воздушный флот их не опасается. Потери германской авиации оказались гораздо меньше ожидавшихся, к тому же кадры германских пилотов растут быстрее, чем соединения самолетов. У Англии нет никаких шансов нагнать свою отсталость, тем более, что потери ее индустрии от германских налетов все возрастали.

«Когда Англия, — сказал Гесс, — в мае 1940 г. начала бомбардировать Германию, фюрер вначале думал, что она приняла это решение по ошибке, в силу минутного заблуждения. Он терпеливо выжидал, не желая отвечать тем же способом, — отчасти, чтобы избавить мир от ужасов беспощадной взаимной воздушной войны, отчасти из сентиментальной слабости к английской культуре и памятникам зодчества. Только после большой внутренней борьбы и спустя лишь долгое время он отдал приказ бомбардировать Англию».

Иначе говоря, если Англия покрылась развалинами и дымящимися пожарищами, то она сама этого хотела.

Покончив с воздушной войной, Гесс перешел к подводной. Германские подводные лодки строятся в громадном количестве. Производство их по частям распределено не только по всей территории Германии, но и по всей оккупированной немцами Европе; затем эти части соединяются в местах сборки, что облегчено сетью рек и каналов; многочисленные верфи спускают в реки Германии готовые подводные лодки. Англия должна считаться с колоссальным ростом германского подводного флота и с соответственными потерями своего тоннажа.

В германской системе нет слабых мест. На внутреннем фронте нет ни трещин, ни колебаний. Запасы сырья — в изобилии, так как, благодаря победам 1940 года, не только военные, но и экономические возможности были значительно расширены. Во Франции немцы нашли тысячи тонн зенитных снарядов, которые оказалось возможным применить в дело. Единственное, в чем был недостаток, это в жирах, но и этот пробел был заполнен различными способами.

Всякая надежда на революцию в Германии тщетна. «Фюрер пользуется неограниченным и абсолютным доверием германского народа».

Наконец, Гесс перешел к третьей, заключительной части своего изложения: к тому, что он предлагал Англии.

«Меня страшит, — сказал он, — мысль о продлении войны и о кровопролитии, которым она угрожает. Я прилетел сюда без ведома фюрера с целью убедить ответственных деятелей Англии в том, что Англия не может выиграть войну, а поэтому самое

благоразумное — немедленно заключить мир с Германией.

Я давно и близко знаю Гитлера, познакомился с ним 18 лет тому назад в крепости Ландсберг. Я могу дать вам честное слово, что он никогда не питал дурных умыслов против Великобритании и никогда не претендовал на мировое господство. Он считает сферой германских интересов одну только Европу, полагая, что, выйдя из пределов Европы, Германия раздробит свои силы и тем подготовит свое разрушение. Он глубоко сожалел бы о распадении Британской Империи».

М. Керкпатрик отмечает в своем рапорте, что в этом месте Рудольф Гесс пытался вызвать у него дрожь ужаса, изображая, как «коварные американцы» питают намерение захватить себе Империю и для начала присоединить Канаду. Потом, возвращаясь к своей главной теме, Гесс рассказал, что всего 10 дней тому назад, 3 мая, Гитлер заявил ему, что у него нет никаких чрезмерных требований к Великобритании.

«Я прибыл с тем, — сказал Гесс, — чтобы предложить вам следующее соглашение: Англия предоставляет Германии полную свободу действий в Европе, а Германия предоставляет Англии полную свободу действий в районах ее Империи, с единственной оговоркой. Германии должны быть возвращены ее бывшие колонии, совершенно необходимые ей в качестве источников сырья».

М. Керкпатрик почувствовал, что они дошли до ядра всей проблемы. Он спросил:

– А что же Россия — в Европе она или в Азии?

– В Азии, — ответил Гесс, не колеблясь.

– В таком случае, так как Гитлер хочет иметь свободные руки только в Европе, он не сможет напасть на Россию?

Гесс ответил тотчас же.

«У Германии есть некоторые требования к России. Они должны быть удовлетворены либо путем соглашения, либо войной. Но слухи, распространяемые в настоящее время о близком нападении Гитлера на Россию, лишены основания».

Этот разговор происходил 13 мая 1941 г. Согласно плану германского Главного Штаба, приготовления к «плану Барбаросса» должны были быть закончены к 15 мая, и только балканские события вынудили Гитлера отложить на несколько недель нападение на СССР.

Тем не менее, мы не можем быть уверены в фальши Рудольфа Гесса. Он не был военным и не имел доступа к документам ОКВ. Фаворит, первый адъютант Гитлера, он был несомненно в курсе его общих идей, но, вероятно, даже почти наверное, не был посвящен в детали его планов. То, что я выше отметил об особенностях разделения власти при Гитлере, делает весьма правдоподобным предположение, что человек в ранге Гесса не был посвящен в проект, о котором Гитлер неоднократно повторял, что он явится величайшим сюрпризом для истории и до последнего дня он должен быть покрыт глубочайшей тайной.

– А Италия? — спросил М. Керкпатрик, — известны ли вам ее требования?

– Нет.

– Это, однако, важно.

– Я не думаю, чтобы требования Италии были чрезмерными.

– Итальянцы не могут похвалиться успехами.

– Может быть. Но они оказали нам крупные услуги и, в конце концов, в 1919 г. вы довольно щедро вознаградили Румынию, которая тоже была бита.

Разговор продолжался два часа с четвертью. М. Керкпатрик нашел, что этого достаточно. «Я счел, — говорит он не без юмора, — что дальнейший разговор бесполезен и только лишил бы нас завтрака». Он поднялся и направился к двери.

– Ах, — вскричал Рудольф Гесс, — я забыл сообщить вам нечто существенное.

– Что?

– Предложения, которые я вам сделал, не должны рассматриваться настоящим составом вашего правительства. У. Черчилль, который с 1936 г. старался вызвать войну, и его коллеги, ведущие воинственную политику, — это не люди, с которыми фюрер хотел бы иметь дело.

Цель поездки выяснялась: Рудольф Гесс вылетел из Аугсбурга с тем, чтобы вызвать министерский кризис в Англии.

В следующие дни — 14 и 15 мая — Керкпатрик имел еще два разговора с Гессом. Он нашел его молчаливым. Добровольный посол находил, что обыкновенный чиновник Министерства Иностранных Дел не был ему равноценным партнером. Он несколько раз выражал желание говорить с ответственными лицами, при условии — подчеркивал он, — если они не участвовали в разжигании войны против Германии. Он заявил с достоинством, что он, министр Райха, не мог допустить, чтобы его ставили под беглый огонь допросов, так как он явился в Англию для переговоров, а не для допросов. Он требовал себе секретаря, переводчика, стенографистку и двух советников-юристов — доктора Земельбауэра и Курта Мааса, содержащихся в лагере для интернированных гражданских лиц близ Ливерпуля. Интересная деталь: Гессу были известны их лагерные номера: 43.125 и 44.012. Быть может, его путешествие не было импровизацией, а давно и хорошо продуманным и подготовленным шагом.

Несмотря на свое нерасположение к политическим разговорам с м. Керкпатриком, Рудольф Гесс прибавил к своему рассказу несколько деталей.

Он забыл упомянуть об Ираке. Англия должна эвакуировать Ирак.

— Но, поскольку мне известно, — заметил м. Керкпатрик, Ирак не находится в Европе.

— Жители Ирака взяли за оружие в нашу пользу и фюрер желает, чтобы это не было забыто в мирном договоре.

Ирландия, напротив, не входила в расчеты Германии. Гитлер ею не интересовался.

Гесс снова заговорил об Америке. Он хотел довести до конца дело, начатое накануне. Как могут англичане не разглядеть американской игры?

— Если мы сейчас заключим мир, американцы придут в ярость. Они хотят унаследовать Британскую Империю.

Англия рассчитывает на Америку. Это ее единственная надежда в безнадежной борьбе. Как она в этом ошибается!

«Мы предвидим, — сказал Гесс, — интервенцию США, но мы ее не боимся. Нам хорошо известно состояние американского воздушного флота и его строительства. Германия в состоянии преодолеть Америку и Англию вместе взятых».

В эти дни, 14 и 15 мая, Рудольф Гесс значительно усилил тон угрозы. Он, по-видимому, начинал нервничать.

«Вы должны хорошенько запомнить, — сказал он, отчеканивая каждое слово, — что Германия выиграет войну блокады. Вы не имеете представления о числе строящихся нами подводных лодок. Гитлер все делает в гигантском масштабе, и беспощадная подводная война при поддержке самолетов новых типов скоро приведет к полной и самой действительной блокаде Англии».

Гесс безжалостно отнимал у своего собеседника всякую надежду.

Напрасно было бы думать, что Англия может капитулировать, а Империя будет все же продолжать борьбу. Гитлер предвидел этот случай. Он отклонит капитуляцию Англии и будет продолжать блокаду до той поры, когда население острова будет буквально поставлено перед смертью от истощения.

— Но, — заметил Керкпатрик, — если дело пойдет только о поддержании жизни англичан, то потребуется совсем немного тоннажа.

— Вы ошибаетесь. Блокада будет настолько действительной, что вам не удастся прорвать ее; даже одно судно в день не сможет проскользнуть. Беспощадная суровость гитлеризма шла до конца в своих расчетах. Англия должна была стать заложником, который принудит Империю сложить оружие. — Англия должна понять, что надо сейчас соглашаться или потерять этот случай навсегда. Благожелательности Гитлера и его долготу великодушию по отношению к британской нации есть предел.

«Мое путешествие, — сказал Гесс, — дает вам последнюю возможность вести переговоры, не теряя достоинства. Если вы отвергнете этот шанс, это будет доказательством,

что вы не хотите согласия с Германией. После этого Гитлер будет вправе — более того, это будет его долгом, — раздавить вас совершенно и держать после войны в состоянии, постоянного подчинения».

Это заявление было сказано с яростью. В тюремной камере бессильный пленник угрожал мощной Империи, стуча кулаком по столу: сказалась натура национал-социализма.

«Теперь, — заключил он, — я сказал вам все».

Перенесемся теперь в другой лагерь.

23 октября 1945 г. м. Томас, американский судебный следователь, спросил в Нюрнберге маршала Кайтеля, знал ли он Рудольфа Гесса и что ему известно о его бегстве.

«Я считал Гесса, — ответил Кайтель, — за человека разумного, спокойного и вдумчивого. В нем не было ничего грубого. Он был очень хорошим солдатом, получил превосходное военное воспитание и потому сохранил известное уважение к армии.

Он был крайне чувствителен, считался знатоком искусств и мог быть назван эстетом. Я никогда не замечал в нем признаков какой либо душевной болезни и я не в состоянии объяснить себе его потерю памяти.

Титул Гесса «заместитель фюрера» давал иногда повод к недоразумениям. Гесс замещал Гитлера только по партийной линии. В этой роли он, конечно, должен был знать о трениях, непрерывно возникавших между партией и армией. Его влияние всегда было направлено к примирению, и мы заключили с ним соглашение для дружеского улаживания всех спорных случаев. Дело пошло совсем иначе, когда его заместил его адъютант Борман.

В первой мировой войне Гесс служил пилотом и он всегда отчетливо понимал громадную роль авиации в современном конфликте. Он горячо отстаивал идею постановки мин с самолета. Я вспоминаю, как Гитлер сказал однажды: «Гесс считает, что можно закупорить английские порты, спуская мины на парашютах. Пусть он работает над этой идеей. Я люблю дилетантов — они одни только имеют идеи».

«Я совершенно уверен, — говорит далее Кайтель, — что Гесс имел от Геринга разрешение пользоваться всеми самолетами, в которых он мог нуждаться. Он имел свободный доступ во все авиационные мастерские и на все опытные и учебные поля.

Отправляясь в Англию, он стартовал с заводов Мессершмидта в Аугсбурге. Несомненно он взял с собою несколько запасных бидонов с бензином. Он объяснил, что намерен совершить дальний полет над Голландией и Северным морем. Это не могло возбудить никакого подозрения».

Гитлер узнал о бегстве своего заместителя в Берхтесгадене. Кайтель присутствовал при этом.

«Я как сейчас вижу, — рассказал он, — фюрера, шагающего вдоль своего большого кабинета; дотронувшись пальцем до лба, он сказал: «Гесс, очевидно, сошел с ума. У него, должно быть, мозг был не в порядке. Это ясно из письма, которое он мне оставил. Я его не узнаю. Можно подумать, что его писал кто-то другой».

«Я знаю, — продолжал Кайтель, — что это письмо не было потом найдено, — оно, очевидно, было затеряно. Гесс писал в нем, что он считает продолжение войны бедствием и что он отправляется в Англию, чтобы сделать попытку прекратить войну, пользуясь своими знакомствами с влиятельными англичанами.

Гитлер приказал арестовать профессора Мессершмидта, но выяснилось, что тот не подозревал «о планах Гесса и не знал о его полете. Было также установлено, что и жена Гесса не была посвящена в планы своего мужа».

Свидетельство Кайтеля подтверждают английские документы: одиночное предприятие, романтическая идея, возникшая в несколько неуравновешенном мозгу. Двадцать лет ненормальной, беспорядочной истории, испещренной неожиданными событиями и переворотами, отучили гитлеровцев распознавать возможное от невозможного и мудрое от абсурдного.

Рудольф Гесс был одним из тех молодых людей, которых Гитлер безраздельно себе покорил. Фюрер был для них всем — Добром, Истиной, Непогрешимым. Он отправился в

Англию, чтобы послужить, а не изменить ему. Доклады Керкпатрика показывают, что Гесс точно излагал идеи своего господина, вплоть до фантастических наивностей его по отношению Англии и Америки. Одной из них было ребячески дерзкое требование переменить правительство, не угодное Гитлеру.

Единственное сомнение, которое может еще возникнуть по поводу дела Гесса, следующее: действительно ли Гитлер ничего не знал?

Бегство Гесса вызвало в нем не ярость, а только изумление. Оно могло быть притворным. Впрочем, гнев также мог быть притворным.

В Англии Гесс держал себя так уверенно, что нельзя избавиться от впечатления, что он привез с собой подлинные предложения, а не собственные предположения, т. е. что он явился с мандатом.

Беспрепятственное повиновение было законом в национал-социалистической партии. Партия, — согласно определению, неоднократно повторенному Гитлером, — это порядок. Ее законы и дисциплина во многих отношениях напоминали духовные ордена. Если фюрер сказал Гессу: «ты отправишься в Англию с таким-то поручением и никто никогда не должен узнать, что это я тебя послал», то Гесс — этот довольно ограниченный фанатик — конечно, без всяких колебаний должен был в точности исполнить этот приказ.

Гитлер был накануне нападения на Россию. Он сознавал риск, который брал на себя, ведя войну на два фронта. Идея заставить Англию капитулировать при помощи грандиозного шантажа могла отлично уместиться в его маккиавеллиевском уме.

Угрозы, брошенные Рудольфом Гессом, вовсе не казались пустыми. Англия боролась одна. Лондон судорожно корчился под ударами германской авиации. Ковентри недавно было разрушено одним лишь налетом. Мидлэнд — центр военной промышленности — подвергался непрерывным налетам; дневные и ночные тревоги были так часты, что уже они одни были достаточны для того, чтобы парализовать производство. Караваны английских судов, атакуемые в море стаями германских подводных лодок, несли страшные потери. Суда с грузами, которым удавалось ускользнуть от подводных лодок, еще не могли считать себя спасенными, так как порты назначения подвергались бомбардировке с воздуха и часто случалось, что орудья уцелевшие от потопления, гибли от пожара.

Против небольшого острова, постепенно разрушаемого, стоял огромный нетронутый континент, работавший на одного господина. Если Гесс и преувеличивал, то он, во всяком случае, не лгал. Весной 1941 г., когда один сухопутный фронт уже не существовал, а другой еще не появился, вся Европа была одной сплошной фабрикой подводных лодок и бомбардировочных самолетов. Холодный расчет показывал, что Англии не избежать гибели. И этой приговоренной стране вдруг давалась возможность заключить почетный мир.

Миссия Гесса вовсе не была абсурдной. Скорее можно сказать, что она имела все шансы на успех.

Слава и величие Англии в том, что она устояла перед этим страшным искушением.

Ее бесстрашие имеет в себе что-то возвышенное. Когда двери камеры в Мэрихильс закрылись за М. Керкпатриком, Рудольф Гесс, третья персона Райха, уже не увидел более никого из англичан, кроме своих стражей. Он ожидал министров, пэров, быть может, даже короля. Но отныне он видел только сержантов.

10 июня, потеряв терпение, он написал меморандум-ультиматум. Он повторил слово в слово свои аргументы и свои угрозы.

«Гессу было ясно показано, — заявил Антони Иден в Палате Общин, — что не может быть и речи о каких-либо переговорах с Гитлером и его правительством. С момента прибытия в Англию Гесс рассматривался как военнопленный и он будет считаться таковым до конца войны».

Добавим от себя: а с момента окончания войны он был переведен на положение преступника.

XIV. Зарождение войны с Россией

Когда германская армия в сентябре 1939 г. обрушилась на Польшу, на французской границе было оставлено всего лишь пять дивизий. Ровно столько же было оставлено на всей территории завоеванной Польши в октябре того же года, когда германская армия перегруппировалась, чтобы обернуться к западу.

Побежденная Польша была разделена. Германские и советские войска заняли позиции вдоль демаркационной линии, начертанной месяц тому назад Риббентропом и Молотовым. В нескольких местах немцы, увлекшись преследованием неприятеля, перешли демаркационную черту. Но они спокойно вернулись назад. Ни с одной стороны не было инцидентов.

Этот раздел Польши казался символическим. Полтора года тому назад такой же раздел Польши создал между Пруссией и Россией узы солидарности, которые сохранялись больше ста лет. В наши дни история идет быстрее. Не прошло и двух лет со дня заключения пакта между СССР и Германией, как эти страны оказались в состоянии войны.

Об этих двух годах в Нюрнберге скопилось 185 документов, как политического, так и военного характера, найденных в архивах германского адмиралтейства. Эти документы позволяют проследить почти день за днем постепенное ухудшение отношений и путь к открытому конфликту.

Первый из документов помечен 21 августа 1939 г. — днем заключения пакта с Москвой. Последний — 22 июня 1941 — днем начала войны с СССР. Начинается с союза, кончается борьбой не на жизнь, а на смерть.

Вначале Германия была вполне удовлетворена союзом. 17 сентября начальник оперативного отделения морских сил отмечает вступление советских войск в Польшу, как событие, обещающее самые счастливые последствия; 23 сентября адмирал Рэдер совещается с фюрером по поводу использования русских подводных лодок и Мурманска, как базы для германских вспомогательных крейсеров, для стоянки, а также для ремонта и убежища.

25 сентября германское адмиралтейство занимает позицию явно советофильскую. Германский морской атташе в Москве доносит, что у него нет ни малейших сомнений относительно лояльности СССР. Несколько дней спустя адмирал Рэдер предписывает проштудировать вопрос о совместных действиях с красным флотом. Запрошенное по этому поводу министерство иностранных дел, столь же советофильское, отвечает, что можно рассчитывать на самое широкое содействие советских сил.

10 октября адмирал Рэдер сообщает фюреру, что германский вспомогательный крейсер вооружается в Мурманске и что русские предлагают хорошо расположенную базу вблизи этого порта. Сотрудничество начинается многообещающе. Рэдер надеется, что при помощи русских удастся создать базу в Норвегии, быть может, Трондхейм.

Но уже на следующий день легкие морщины появляются на гладкой до сих пор поверхности германо-советских отношений. СССР и Англия подписали соглашение об обмене: русский лес за английский каучук и цинк.

Однако, германское правительство быстро оправляется от этого тревожного сигнала. Оно даже надеется получить, обойдя русских, партии неприятельского каучука и цинка. «Кроме того, — заявляет адмиралтейство, — так как отправка леса будет происходить из Мурманска на нейтральных судах, то мы всегда будем иметь возможность вмешаться.»

17 октября германское правительство приходит к заключению, что ремонт германских военных судов на русских верфях, так же как и вооружение вспомогательных крейсеров в русских портах, нежелательны по, соображениям политического и военного характера. Наоборот, приготовления для северной базы идут полным ходом. Германский морской атташе в Москве требует от Берлина прекращения слежки за СССР, дабы не портить с ним отношения.

24 октября германский посол, в свою очередь, сообщает из Москвы, что советское правительство выполнит свои обязательства по отношению к Германии и что оно не допустит ни прохода англо-французской эскадры через Дарданеллы, ни антигерманской

позиции Турции.

Спустя два дня, начальник оперативного отделения морских сил высказывает следующее суждение:

«Экономическая помощь со стороны России имеет для нас решающее значение. Нам сделаны такие щедрые предложения, что мы можем не бояться блокады Германии британским флотом. Германия должна в свою очередь дать доказательства своей щедрости».

31 октября — речь Молотова: он заявляет, что дружба Германии и СССР будет длительной, при этом он сурово нападает на Англию, которая проводит морскую блокаду с нарушением международного права.

2 ноября советский морской комиссар прибывает с визитом в Германию. «Мой ответ, — говорит он адмиралу Рэдеру, который его принимает у себя, — будет не на словах, а на деле».

Вот одно из этих дел: 12 декабря крейсер «Бремен», нашедший убежище в Мурманске, появился неожиданно в устье Эльбы. Это было посрамлением британского флота, который проглядел возвращение гигантского парохода. «Русские», — сказало по этому поводу германское адмиралтейство, — оказали ценное содействие этому предприятию».

В начале войны немцы оставили постройку линейных кораблей, сосредоточив все усилия на подводном флоте. Остовы недостроенных гигантов остались на стапелях. И тут СССР явился с неожиданным предложением: купить у Германии эти остовы, чтобы закончить отстройку их при помощи германских техников. Он остановил свой выбор на крейсерах «Принц Евгений» и «Зайдлиц», линейном корабле «Лютцов» и на двух законченных башнях для сверх-крейсеров, временно означенных буквами X и И. Германское адмиралтейство относилось к этому предложению сочувственно, и адмирал Рэдер рекомендует фюреру быть «щедрым».

23 ноября обзор общего положения привел к заключению, что поведение СССР продолжает быть вполне удовлетворительным. По мнению германских моряков, влиянию СССР Германия обязана тем, что скандинавские и юго-восточные державы сохраняют нейтралитет. Пока Сталин жив, позиция СССР останется неизменной и, во всяком случае, перемена ориентации возможна только после нескольких лет, необходимых для внутренней консолидации. «Впервые за последние 50 лет Германия спокойна за свои восточные границы и может вести войну на одном фронте».

Таким образом, после трехмесячного опыта, Адмиралтейство твердо продолжает поддерживать союз. Министерство иностранных дел, где Риббентроп считается отцом пакта с Москвой, еще тверже стоит на той же позиции. Экономические круги в общем разделяют эту точку зрения. Германия ясно ощущает благие последствия соглашения с СССР: она не боится английской блокады и ускользает от стратегических клещей войны на два фронта.

Но под этой реальностью, заверенной официальными документами, существует другая, более глубокая и скрытая: она таится в уме Гитлера.

Он не теряет из вида своих конечных целей. Зная, что экспансия Германии к востоку неминуемо встретит сопротивление России, он предвидел столкновение. 23 ноября 1939 г. он признался своим генералам, что стремление России к Персидскому заливу и к Балканам перекрещивается с линиями германской политики. Он сказал им, что СССР будет соблюдать пакт лишь постольку, поскольку это будет ему выгодно, и естественно, что он, Гитлер, сохраняет за собой право поступать так же. Вооруженное столкновение, — сказал он, — рано или поздно неизбежно.

Россия и Германия теперь снова имеют общие границы. Один лишь вопрос беспокоит и смущает фюрера: что творится за железным занавесом, которым СССР отгородился от Германии и остальной Европы?

«Положение в Польше, — говорит Кайтель, — скоро обострилось. Русские постоянно перелетали в нашу зону. Со своей стороны, мы организовали разведки на очень большой высоте. Фотографии показывали большие сосредоточения войск, проведение стратегических дорог и создание подозрительной сети аэродромов. В то же время количество наших войск в

Польше по-прежнему оставалось крайне незначительным, так как все наши силы были на Западе.

Кроме того, экономические отношения также изменились. Русские не выполняли условий московского соглашения. Они присылали к нам бесконечные экономические миссии, которые предъявляли всяческие требования и в то же время занимались разведкой. Это выводило фюрера из себя».

Однако, он должен был сдерживаться и терпеть. Он был слишком занят делами на Западе.

Война СССР с Финляндией, начавшаяся 30 ноября, затягивалась. Она ввела всех в заблуждение насчет военной силы Советского Союза, не потому, чтобы он умышленно вначале дал себя бить, — как тогда необоснованно полагали, — но потому, что советская армия не была подготовлена к горной местности Финляндии и план. кампании был неудачно составлен. Германия не помогала ни той ни другой стороне. Она наблюдала и делала выводы.

31 декабря 1939 г. Главный Штаб германской армии счел возможным сделать следующее заключение:

«Количественно советская армия представляет собою гигантский военный аппарат. Все построено на массе. Организация, снаряжение и методы командования — плохи. Принципы командования хороши, но командный состав слишком молод и неопытен. Части войск не одинаковы по качеству, кадрам не хватает индивидуальности. Простой солдат хорош, грубоват, нетребователен. Боеспособность войск в серьезной битве сомнительна. Русская армия не является равноценным противником армии, располагающей современным вооружением и хорошо управляемой».

Фюрер увидел в этом заключении подтверждение своего мнения. Он неоднократно говорил: «Русская армия сильно ослаблена внутренним кризисом. Россия еще несколько раз не будет способна к наступательной войне».

Начинался 1940 год. Кроме Финляндии нигде не было боев. Германо-советские отношения оставались в общем неизменными, с легкой тенденцией к ухудшению.

Достоин внимания, что угрозы войной, высказанные Францией и Англией по адресу СССР, не вызвали никакого сближения между Германией и Советским Союзом. Наоборот, именно с этого момента сотрудничество их морских сил слабеет и замирает.

Вина за это ложится на Гитлера, который затормозил рвение Адмиралтейства. Он запретил передавать русским планы корабля «Бисмарк», которые он им раньше обещал. Он рекомендует затягивать продажу недостроенных линейных кораблей. «Если мы будем иметь быстрые успехи на театре войны, — сказал он 26 января, — то мы сможем совсем отделаться от этого обещания».

Далее Гитлер противится постройке подводных лодок для Германии на русских верфях. «Эти лодки, — говорит он, — вероятно будут никуда не годны, и помимо того не следует давать русским повода считать нас слабыми».

Экспедиция в Норвегии могла вызвать кризис в германо-советских отношениях. Германия отрезала России путь к Северной Скандинавии, на которую та всегда имела виды. Тем не менее СССР заявил, что он не заинтересован в конфликте, и германские документы доказывают, что Советский Союз проявил «понятливость».

В деле Норвегии Главный Морской Штаб возымел дьявольскую мысль. Он внушил фюреру (документ S. VII 40. 103) не занимать Тромзе и объявить советскому правительству, что Германия признает особые интересы СССР в этом районе. Приманка была соблазнительной для державы, стремившейся к океану. Моряки высказали Гитлеру свое соображение: «лучше видеть в Тромзе русских, чем англичан». «Еще лучше, — сказал фюрер, — видеть там немцев. Мы сами займем Тромзе».

10 мая 1940 г. началось наступление на Францию. Первый отклик Москвы на германские победы пришел в Берлин 21 мая, в тот самый день, когда танки Гудериана достигли Аббевиля. Германский посол Шуленберг сообщил, что успехи немцев не

вызвали в Москве никакого неприятного чувства.

У посла не было хорошей информации, или, быть может, он слепо усвоил точку зрения своего министра Риббентропа. Сталин построил всю свою политику в расчете на долгую войну, и темпы германской армии могли причинить ему только жестокое разочарование и серьезные опасения. Другие немецкие наблюдатели не замедлили это обнаружить и сообщить.

«Россия, — пишет начальник морского оперативного отдела 5 июня, — признает военные успехи Германии, но она опасается, что в случае решительной победы, Германия затем обратится против нее. Победа союзников для СССР еще более нежелательна. Активное участие России в войне не приходит в соображение в виду ее военной слабости и неустойчивой внутренней политики. Сталин не захочет жертвовать собою для дела союзников. Официальная политика Советского Союза по отношению к Германии все время вполне корректна, но не исключена возможность постепенного саботажа экономического сотрудничества. Вследствие своих опасений по поводу будущих отношений с Германией, Россия думает о занятии балтийских стран».

Пять дней спустя морской атташе отмечает «значительное охлаждение и материальные затруднения». Он упоминает также, что Россия опасается нападения Германии, после ее победы над западными державами.

Однако, с виду согласие еще не существует. 29 мая советское правительство отказалось принять уполномоченного Великобритании, присланного для переговоров о торговом договоре. Наоборот, Риббентроп едет в следующем месяце в Москву для дополнения экономических пунктов пакта 23 августа. Он возвращается довольный успехом и привозит в чемодане договор на сумму в один миллиард марок. Однако не прошло и 48 часов, как телеграмма посла Шульенбурга приносит на Вильгельмштрассе (министерство иностранных дел) неожиданную новость: «Завтра русские занимают Бесарабию».

Это «завтра» совпало с днем перемирия во Франции. Поэтому выступление русских не вызвало большого шума в Европе. Румыны, однако, обратились к Германии, прося ее поддержки. Германия отвечала: «надо уступить».

Но Риббентропу Гитлер сказал с глазу на глаз следующее:

«Я не позволю русским распускаться. Мой пакт с ними был заключен в предвидении долгой войны; но так как война оказалась короткой, я в нем больше не нуждаюсь».

Эти слова объясняют все. Германская победа на Западе фактически расторгла союз СССР с Германией. Советско-германский конфликт начался с Дюнкирхена.

Однако 4 июля фюрер в военном совещании подчеркнул некоторые последствия победы над Францией. Он объявил о своем намерении уменьшить наличный состав армии и демобилизовать старшие призывные сроки. О России он не сказал в этот раз ни слова.

На следующей конференции 21 июля Гитлер заявил:

«Хотя Россия созерцает наши успехи со слезами на глазах, однако она не имеет намерения воевать с Германией. Нашей естественной обязанностью является серьезно взвесить угрозу со стороны СССР, как и угрозу со стороны США. Германия заинтересована в короткой войне, но эта война не является необходимостью. Сырья у нас достаточно и питанием мы обеспечены. С источниками энергии дело несколько труднее, но пока продолжают поставки нефти из России и Румынии и пока гидроэлектрические установки защищены с воздуха, положение не является угрожающим».

На небосклоне появились тучи. СССР захватил Балтийские страны, как раньше захватил Бесарабию и Буковину. Присоединение Прибалтики, исторически и культурно столь связанной с Германией, вызвало в Райхе глухое возмущение. Немцы находили, что русские слишком уж поспешно стремятся использовать победы при Седане и Дюнкирхене, в которых они не принимали участия.

Англия действовала. Она была не в таком положении, чтобы обижаться на оскорбления и грубости, которыми Молотов осыпал ее в своих речах. Она послала в Москву в качестве посла самого красного из своих аристократов — проницательного сэра Стэфорд Крипса. Он

получил аудиенцию у Сталина. Германия обеспокоилась.

Она успокоилась 23 июля. Аудиенция Крипса получила следующее объяснение на Вильгельмштрассе:

«Попытка Англии отделить Германию от России потерпела полную неудачу. По мнению Сталина, успехи Германии не представляют угрозы для СССР. Отношения между обеими странами по-прежнему основаны на их взаимных интересах. СССР не допускает вмешательства Англии в свою внешнюю торговлю. Ни одна из держав не может претендовать на исключительное влияние в балканских делах и СССР также не имеет этой претензии. Он не признает исключительной роли Турции в Черном море и в проливах».

В августе морское сотрудничество еще продолжалось. Таинственное германское грузовое судно, «корабль 45», прошло на Дальний Восток вдоль берегов Сибири и через Берингов пролив. Но больше уже не возникало вопроса об уступке Германией своих линейных кораблей, ни об уступке Россией своих морских баз. Германия, — владычица всего побережья Европы от Тромзе до Андэй, — не нуждалась более в Мурманске.

Гитлер, однако, стал нервничать. 13 августа он отдал приказ укрепить фиорды на севере Норвегии «таким образом, чтобы русское нападение было обречено на неудачу». Помимо того, он начал интересоваться Финляндией, которая просила Германию о поддержке, чувствуя себя снова под угрозой.

20 августа Главный Морской Штаб следующим образом определил цели советской политики:

«Приобретение незамерзающего порта в северной Атлантике. Продвижение на Балканах с целью аннексии Дарданелл и господства в Черном море. Движение через Ирак к Персидскому заливу. Сильный натиск на Финляндию. Панславянская пропаганда в Болгарии, Румынии и Югославии. Агитация в Греции.

В ближайшее время СССР вряд ли прибегнет к оружию. Дальнейшая его позиция будет зависеть от оборота, который примут события».

Почти в то же время — в последних числах августа или первых числах сентября — Гитлер созвал в Райхенгалте генералов Кайтеля, Иодля и Варлимонта.

«Он просил нас, — рассказали они в Нюрнберге, — подумать над войной с Россией. Но он приказал нам держать это в абсолютном секрете. Было запрещено писать что либо по этому вопросу».

Кайтель добавляет, что Гитлер хотел знать, можно ли предпринять что либо немедленно же. Ответ генералов был отрицательным. «Война с Россией осенью 1940 года была невозможна, — говорит Кайтель. — Заставить армию сражаться в Польше, перебросить ее на запад, сражаться там, и теперь перебросить ее опять в Польшу, чтобы снова начинать бои — это было абсолютно невозможно. Армия должна отдохнуть и быть заново снаряженной».

Но вопрос, поставленный Гитлером, указывал на направление работы его ума. «Я был встревожен», — говорит Кайтель, и то же самое повторяют другие два генерала.

Варлимонт спросил Риббентропа о положении. «Он ответил мне, что отношения с Россией по-прежнему хорошие и даже был поднят вопрос о расширении пакта с Москвой. Я почувствовал себя успокоенным».

Перегруппировка германской армии, возвещенная приказом Гитлера от 22 июня, началась. Войска, победившие на западе, возвращались на восток, к местам их первых успехов. Танкисты и пехота снова очутились на равнинах, где происходили битвы, снова увидели реки, которые они уже однажды переходили. Они получили новые машины, новое вооружение.

В первом томе документов ОКБ содержится следующий приказ, датированный 27 апреля:

«Переброска десяти пехотных дивизий и двух танковых в Генерал-Губернаторство (Польша) в виду возможной в близком времени операции по охране румынских нефтяных промыслов».

Промыслы, о которых шла речь, могли быть угрожаемы только со стороны русских, которые приблизились к ним по занятии Буковины и Бесарабии.

12 сентября германский морской аташе в Москве сообщил, что отношение русских, пройдя через период охлаждения, снова стало вполне дружественным, хотя причины этого изменения неизвестны. Вильгельмштрассе со своей стороны опровергало все слухи о растущей враждебности со стороны России. Но другие источники говорили о сильной антигерманской пропаганде в Красной армии и о важных военных приготовлениях.

26 сентября адмирал Рэдер сделал в присутствии фюрера анализ общего положения. Следовало овладеть Суэцем, продвинуться в Палестину и в Сирию и поставить Турцию в зависимость от Германии. «Русская проблема таким образом была бы совершенно видоизменена. СССР прежде всего боится Германии, и операция, которая предвидится на севере (охрана Финляндии) станет быть может излишней».

Фюрер изъявил согласие.

«Я думаю, — сказал он, — что СССР испытывает серьезный страх перед Германией, но я считаю маловероятным, чтобы в Финляндии еще в этом году произошли новые осложнения. Мы должны направить СССР к Персии и Индии; там он найдет выход к океану, более значительный, чем Балтийское море».

Пакт трех держав — Германии, Италии и Японии — был подписан 27 сентября. Этот союз трех великих антикоммунистических держав мира должен был серьезно обеспокоить СССР. Однако, он не проявил внешне никакого беспокойства и даже выразил удовлетворение тем фактом, что его нейтралитет был признан.

11 октября немцы вошли в Румынию. Это повлекло за собою, — как выразился германский посол в Москве, — «легкое охлаждение» германо-советских отношений. Становилось все более очевидным, что направления экспансии обеих держав взаимно перекрещиваются. Кроме того в Польше все учащались международные инциденты. Действие московского пакта сходило на нет.

Риббентроп, чувствительный к этому охлаждению, старался, поправить дело. Он предложил фюреру свидание со Сталиным. «Вы бредите, — отвечал ему Гитлер, — вы отлично знаете, что Сталин никогда не согласится приехать в Берлин; не захотите же вы, чтобы я ехал к нему в Москву».

«Я получил только разрешение, — говорит Риббентроп, — написать Сталину просьбу о командировке Молотова в Берлин».

Этот визит представляет собою одно из наиболее важных событий в наступившей короткой дипломатической войне.

Молотов приехал 10 ноября. Официально Германия и Россия были еще добрыми друзьями. Прием советского министра был обставлен с одной стороны военной показной пышностью, с другой — тем несколько грубоватым радушием, которое так характерно для церемоний тоталитарных держав. Сохранилась фотография: Риббентроп весело хохочет, а молотов со своим непроницаемо лукавым лицом протягивает ладони, как будто говорит: «Вот видите, я ничего не взял».

Германские дипломатические документы заявляют, что результат поездки Молотова был удовлетворительный. «СССР, — говорит документ А. 15.199, — по-видимому склонен примкнуть к тройственному пакту после улажения нескольких вопросов, перечень которых следует».

Вот эти вопросы:

В вопросе Финляндии Молотов осторожно нащупывал почву. Германия отказалась допустить простую аннексию всей страны Советским Союзом, но выразила готовность сделать кое-какие уступки.

Молотов был посвящен в проект действий против Греции для поддержания Италии. Он согласился. Со своей стороны он потребовал признания советских интересов в Болгарии, аналогичных германским интересам в Румынии. Немцы не возражали.

По поводу проливов немцы заявили, что они вполне понимают стремление России

стать там твердой ногой и они вовсе не отстаивают господства Турции над Дарданеллами; равным образом они поддерживают притязания России на район Карса и соглашаются оказать общее давление на Турцию.

Наконец немцы заявили, что они не заинтересованы в Персии, а русские выразили готовность уладить свои недоразумения с японцами.

В общем это было почти соглашение. Две агрессивные державы еще находили достаточное поле для мирных захватов, откладывая свою схватку на будущее время. Тот, кто брал бы этот документ буквально, нашел бы в нем больше шансов на мир, чем на войну.

Однако это была лишь официальная, так сказать поверхностная истина. Подлинную, глубинную истину мы найдем в том впечатлении, которое приезд Молотова оставил в душе Адольфа Гитлера. Историческую реальность гораздо вернее передают живые свидетели, чем документы.

Вот что сказал Кайтель:

«Требования Молотова встревожили фюрера. Молотов имел в виду возобновление войны с Финляндией, для того чтобы захватить всю страну; он стремился к экспансии на Балканах и в Дарданеллах. Фюрер видел в этих планах контуры большого маневра с целью охвата Германии.

В то же время он был сильно обеспокоен полученными сведениями о гигантском развитии советской военной промышленности».

Гитлер упрощал. Эта способность упрощения была его природным дарованием. Из всей политики, намеченной Молотовым, богатой нюансами и основанной в сущности на классической базе дипломатии — на идее компенсации, — Гитлер зафиксировал в памяти самое главное: окружение Германии.

Реакция его была быстрой. Три недели спустя, 18 декабря 1940 г., Гитлер составил то, что представляет собою один из самых замечательных документов войны и истории — свою директиву № 21, известную под именем «план Барбаросса» и фигурировавшую в Нюрнберге под № 446 P.S.

Эта директива начинается так:

«Необходимо, чтобы вооруженные силы Германии были в состоянии сокрушить Россию в течении короткой кампании.

Если обстоятельства позволят, я отдам приказ о сосредоточении войск, по крайней мере, за восемь недель до начала операций».

Приготовления, требующие более долгого времени, должны быть начаты немедленно, с таким расчетом, чтобы они могли быть закончены к 15 мая.

Должны быть приняты самые строгие предосторожности, чтобы не возбудить никаких подозрений».

После этого вступления директива № 21 намечает стратегические идеи кампании:

«Главная масса русской армии должна быть раздавлена ударом наших танков; путь к отступлению остальной части армии в глубь России должен быть отрезан.

Быстрое преследование отступающей армии позволит нам достигнуть той черты, откуда русский воздушный флот уже не сможет угрожать территории Великой Германии. Первой целью является захват и удержание территории, лежащей к западу от линии Волга-Архангельск. В случае необходимости, последний промышленный район России, — Урал, — будет ликвидирован авиацией».

«В виду того, что болота Припяти разрезают театр военных действий на две части, центр тяжести наших армий — две армейские группы — будет находиться к северу от болот.

Из этих двух групп южная будет иметь главной задачей уничтожение боевой силы русской армии. Северная группа возьмет Ленинград и Кронштадт. Затем наши силы будут сосредоточены против Москвы, — важного центра сообщений и вооружения.

Группа армий, действующая к югу от Припяти, займет Украину.

Только полный разгром русской армии сделает возможным одновременное достижение этих целей.

Финляндия и Румыния прикрывают фланги».

Знаменательное совпадение: три полководца, в разное время напавшие на Россию, были все три великими стратегами. План Карла XII был хорош. План Наполеона — хорош. План Гитлера — хорош.

Директива № 21 содержит только основные принципы, но они верны, они классически построены и они сильны. Гитлер отлично понял своего главного неприятеля: пространство. Следовательно, надо было захватить неприятельскую армию раньше, чем она сможет уйти в необозримые просторы России. Надо было не сражаться, но уничтожить. Точно так же понимали свои задачи и Карл XII и Наполеон. Гитлер, конечно, изучил их кампании и он точно установил причину их поражения. Эти великие полководцы не смогли схватить неприятеля, так как они были бессильны против пространства.

Он, Гитлер, обладал нужным для этого оружием: скоростью. Тот самый маневр, который не удался Карлу XII вследствие медлительности Левенгаупта и не удался Наполеону из-за чрезмерного расстояния между флангами Великой Армии — этот маневр Гитлер рассчитывал провести успешно при помощи танковых армий. Он предполагал прорвать центр неприятельской армии, предупредить ее отступление глубоким проникновением в тыл неприятеля и, наконец, захватить русскую армию в плен по частям. Цели географические он считал второстепенными и, в согласии с Клаузевицем, давал предпочтение задачам стратегическим. Когда генерал Гальдер высказал мнение, что главными целями кампании должны быть Украина, Москва и Ленинград, Гитлер ему возразил, что главная цель — это помешать русской армии отступить и тем избежать уничтожения. «Самое существенное, — сказал он, — это чтобы русские не смогли восстановить свои силы в тылу, создав новый фронт».

Задача прорыва русского фронта возложена была на группу армии центра, вверенную фон Беку. Ему придали большую часть танков и в частности весь боевой корпус, который совершил прорыв французской армии под Седаном. Но было предусмотрено, что после прорыва русского фронта эта группа будет разделена, и части ее будут присоединены к крайним группам. Левое крыло будет помогать фон Леебу при взятии Ленинграда, а правое — фон Рундштедту при завоевании Украины. Центр задержится перед Москвой до того момента, когда будут достигнуты цели на севере, и тогда германские силы сомкнут вокруг столицы гигантское кольцо.

Таким образом война против СССР, как ее замышлял Гитлер, должна была стать триумфом маневра — кампания сводилась к одной гигантской битве. Как легкий боксер, Гитлер хотел избежать долгой изнурительной борьбы с тяжеловесом СССР; он должен был поразить противника уже в первом кругу силой и точностью удара своей правой руки. Но в двух пунктах Гитлер ошибся: во-первых, эшелонирование русской обороны в глубину и во времени превысило его расчеты; во-вторых, он недостаточно учел еще одного неприятеля, который парализовал скорость его танков: местные условия, почву и дороги России.

Директива № 21 заканчивалась следующими словами:

«Нужно иметь в виду, что все приказания, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой инструкции, суть лишь меры предосторожности на тот случай, если бы СССР изменил свое отношение к нам. Число офицеров, которые будут вначале вести подготовительную работу, должно быть минимальным. Дальнейшие, сотрудники должны быть намечены возможно позже и лишь постольку, поскольку они будут совершенно необходимы для данной задачи. Иначе мы рискуем, что наши планы будут обнаружены (момент проведения плана еще не назначен), из чего для нас возникнут серьезные политические и военные невыгоды».

Этот параграф не простая формальность. В декабре 1940 г., когда война с Англией еще не была окончена, решение начать в следующем году войну против России еще не окончательно утвердилось в уме Гитлера. Он мечтал, как мы видели, о Гибралтаре, о Северной Африке, об островах в Атлантике. Он снова колебался между Западом и Востоком и имел в виду на всякий случай обе комбинации. Но фатальным для него было то, что Россия

представляла для каждого подобного ему ума неотразимую привлекательность. Ее безмерность манила завоевателей, они видели в ней страну для эпопеи.

В 1707 году Карл XII находился в том же положении, что и Гитлер. Герцог Мальборо, которого Англия послала к нему, чтобы отвратить его от союза с Францией, войдя в кабинет короля Швеции, увидел большую карту России. «А! — воскликнул он, — Россия, какое великолепное поле битвы для такого полководца, как Ваше Величество». Эти слова, быть может, были решающими.

Гитлер не имел возле себя соблазнителя. Наоборот, те немногие, кто смел давать ему советы, пытались отговорить его от русской авантюры. Но эти робкие предостережения, подобно советам Коленкура Наполеону, могли только укрепить его в принятом решении. Таким образом он привык всегда чувствовать себя правым.

27 декабря адмирал Рэдер представил свои возражения. «Главнокомандующий морскими силами, — говорится в протоколе, — снова требует самой полной концентрации наших сил против главного нашего неприятеля — Англии. С одной стороны, Англия улучшила свое положение благодаря военным неудачам итальянцев в восточной части Средиземного моря и благодаря помощи США. С другой стороны, она может получить смертельный удар из-за прекращения ее заокеанской торговли. Наши усилия по постройке подводных лодок и созданию мощной гидроавиации далеко недостаточны. Наш военный потенциал целиком должен быть посвящен борьбе с Англией; всякое распыление сил в ущерб флоту и авиации затягивает войну и ставит под удар конечный успех. Поэтому главнокомандующий морскими силами выдвигает самые серьезные возражения против кампании в России до поражения Англии».

Фюрер ответил, что темп постройки подводных лодок (от 16 до 18 в месяц) был действительно очень слаб. «Тем не менее, — сказал он, — последний континентальный противник должен быть сокрушен прежде, чем мы будем готовы с Англией. Поэтому армия должна, получить необходимое. После этого мы сосредоточим все наши усилия на авиации и флоте».

Конец 1940 и начало 1941 годов были трагическими для Великобритании.

Лондон постепенно разрушался бомбами германских самолетов и его измученное население каждую ночь наполняло галереи подземной дороги, причем усталость и страх делали его все более похожим на полудикие орды Востока. Ковентри было разрушено в один налет, и Мидлэнд, этот британский Рур, сердце всей индустрии, в особенности военной, начинал зиять страшными ранами. Воздушные тревоги были так часты, что они могли совершенно парализовать производство, если бы не был отдан приказ продолжать работы и во время налета, несмотря на опасность. В гавани, уже полуразрушенные и разрушаемые все далее, приходили разгружаться только подводные лодки, действовавшие стаями, по «тактике волков». Англия шаталась под ударами, которые она не могла возвращать и тем не менее ее воля к борьбе не ослабевала.

Гитлер изумлялся; потом ему показалось, что он понял. Англия была тверда, потому что она надеялась на помощь. Надежда не помощь Америки, которая раскачивалась так медленно, не могла быть достаточной для того, чтобы так стойко держаться. Единственно реальной могучей военной поддержкой, которую она ожидала, была помощь России.

Геринг, Кайтель, Йодль и Риббентроп подтвердили в Нюрнберге эту версию совершенно единогласно. «Гитлер проникся в начале 1941 г. убеждением, что между Англией и СССР существовало тайное соглашение. Он не мог иначе объяснить ожесточенное и по-видимому безнадежное сопротивление англичан...».

Заключение вытекало само собой: когда Россия будет разбита, — Англия капитулирует.

8 января 1941 года Гитлер заявил Риббентропу:

«Англия держится только надеждой на помощь Америки и России. Дипломатическая подготовка англичан в Москве ясна: цель Англии — это бросить СССР на нас. Одновременная интервенция России и Америки была бы слишком тяжела для нас. Поэтому

надо уничтожить угрозу еще в зародыше».

Кайтель приводит еще другой довод, который побудил фюрера напасть на Россию.

«Наша сухопутная армия, — сказал он, — стояла без дела. После поражения Франции у нее «не было противника в Европе и было очевидно, что мы не могли ее держать бесконечно в состоянии мобилизации, но без употребления. Это показалось фюреру исключительно благоприятным случаем для того, чтобы покончить с большевизмом. Он сказал, что после того, как советская опасность будет устранена, он демобилизует армию и будет продолжать войну исключительно силами морского и воздушного флота».

Решение было принято Гитлером в феврале — это засвидетельствовано Герингом.

«Фюрер, — сказал он, — сообщил мне, что он решил предупредить нападение русских, нанеся Советскому Союзу решительное поражение».

«Он изложил мне свои доводы в виде пяти пунктов:

- 1) Сосредоточение советских войск в Польше продолжается безостановочно.
- 2) Воздушные силы в западных областях СССР становятся все более многочисленными.
- 3) Сведения, полученные ОКБ о росте военной промышленности СССР, принимают угрожающий характер.
- 4) Экономическое давление Советского Союза также непрерывно растет.
- 5) Требования Молотова в Берлине по поводу Финляндии и Балкан раскрывают план экспансии СССР и окружения Германии, для нас нестерпимый.

«Я просил времени на размышление, — продолжает Геринг, — а на другой день представил фюреру мои возражения. Он выслушал их спокойно.

Я подчеркнул, что мы уже находимся в войне с мировой державой — Великобританией; что вторая мировая держава — Соединенные Штаты несомненно вступят — рано или поздно — в войну, и что было бы весьма неблагоприятно идти одновременно против третьей мировой державы — России.

Я не сомневался в том, что германские армии победят русскую армию. Но я заявил фюреру, что занятие такой громадной страны, как Россия, потребует таких усилий, которые нас значительно и надолго ослабят.

Я отметил также, что война на востоке принудит воздушные силы Германии прекратить или по крайней мере сократить налеты на Англию как раз в тот момент, когда они достигли полной силы и когда неприятель выказывает явные признаки истощения.

Я предложил фюреру обратный план. Он состоял в том, чтобы укрепить наш союз с Москвой, обратить его в военное сотрудничество и толкнуть СССР на Индию. Фюрер ответил мне, что вводить большевизм в нищие и голодные массы индусов представляет собой такую ответственность, которую он никогда на себя не возьмет.

Ни один из моих аргументов не мог поколебать фюрера». 3 февраля 1941 года, в Берлине состоялся военный совет. В архивах Нюрнберга есть протокол его под номером 872 P.S. Присутствовали: Гитлер, Кайтель, Йодль, Браухич, Гальдер и несколько офицеров Главного Штаба.

Гальдер дал картину, — впрочем, крайне элементарную — Красной армии. Он определил ее силу в 100 пехотных дивизий, 25 конных и 30 танковых. «Нашу силы, — сказал Гальдер, — почти таковы же по численности, но значительно выше по качеству. Советские пехотные дивизии имеют несколько больших танков, но эти танки посредственного качества. Русская артиллерия многочисленна, но материальная часть и командование стоят на низком уровне. Укрепления спешно возводятся. Стратегические планы советского командования неизвестны, но надо считаться с тем, что отступление Красной армии из Украины и из Прибалтики сомнительно в виду того, что эти районы имеют большое значение».

Затем заговорил Гитлер. Он энергично настаивал на необходимости полного окружения главных сил советской армии.

«Важно, — сказал он, — уничтожить большую часть неприятельской армии, а не обратить ее в бегство. Нужного результата мы можем достигнуть, маневрируя на флангах

возможно большими силами».

Генералы не возражали. Не было ничего похожего на дебаты, происходившие во время обсуждения плана кампании во Франции. Главный Штаб стал мягким и податливым. Когда Браухич сделал робкое замечание о мерах предосторожности, какие необходимо будет принять на западе. Гитлер обрезал его словами:

«Когда Барбаросса начнется, весь свет затаит дыхание и будет выжидать».

В уме Гитлера война с Россией была уже решена. Но Англия еще не знала, что она спасена. Ожидание нашествия немцев становилось все более напряженным, и каждый вечер солдаты Домашней Обороны перед сном повторяли наставления для борьбы с парашютистами и танками. В Германии были даны приказы продолжать приготовления к высадке; войскам внушалось, что удар по Англии предстоит в самом скором времени. Более того: Гитлер приказал распространять слухи, что сосредоточение германских сил на востоке является ловушкой, чтобы уверить Англию, будто готовится конфликт с Россией: «Я хочу, — заявил Гитлер, — чтобы операция Барбаросса была самой большой неожиданностью в истории. Она должна во всех отношениях превзойти все предшествующее».

Дипломатические события продолжали идти своим чередом. Документы Нюрнберга периодически отмечают признаки натянутых отношений, и для внимательного наблюдателя было очевидно, что германо-советское сотрудничество угасает. Однако, официально отношения оставались по-прежнему дружественными. Это было необходимым условием для сюрприза, который подготавливал Гитлер.

11 января 1941 года было подписано экономическое соглашение — последний листок на дереве эфемерной дружбы, возвращенном Московским пактом 23 августа 1939 г. Как русская, так и германская печать одинаково подчеркивали по этому случаю, что англосаксам не удалось испортить отношений между Германией и СССР. И 22 января в британской Палате Общин государственный вице-секретарь Батлер признал, что правительство Его Величества потерпело неудачу в своих попытках установить политическое сотрудничество с Советским Союзом.

Несколько дней спустя возник новый кризис в советско-финляндских отношениях. СССР известил Финляндию, что он не допустит ее союза с какой либо державой, помимо СССР. Берлин не реагировал.

1 марта немцы вступили в Болгарию. СССР холодно заявил, что это произошло без его согласия и что вопрос этот никогда не затрагивался в советско-германских переговорах. В действительности этот новый шаг Германии был пощечиной Советскому Союзу, так как Молотов в Берлине заявил о включении Болгарии в зону влияния СССР.

В течении марта германская разведка получила два донесения о мобилизации советских сил на западе Союза; третье донесение сообщало о значительном улучшении отношений между Англией и СССР.

В Балканских государствах русско-германское соперничество происходило открыто. 20 марта Германия заявила о своем крупном успехе: Югославия примкнула к пакту трех держав. Но спустя неделю правительство Стоядиновича было свергнуто военным переворотом, поддержанным общественным мнением.

Гитлер снова разрубил узел. Он решился на войну на Балканах. Следствием этого была, как мы видели, отсрочка плана Барбаросса. Наступление на Россию должно было начаться 15 мая, теперь оно было отложено на шесть недель. Документ А. 20–27 гласит: «Все меры, которые могут рассматриваться как агрессивные, отменяются по приказу фюрера».

Если бы СССР хотел войны или чувствовал себя готовым, то германо-советский конфликт разразился бы в этот момент. Однако, несмотря на пакт дружбы, подписанный Москвой с новым югославянским правительством, она предоставила германским армиям захватить весь Балканский полуостров, на который Молотов в ноябре 1940 года возлагал столько надежд.

Бездействие Москвы сильно ободрило Гитлера. Это было доказательством

неподготовленности, слабости или страха. «Страх перед Германией, — говорится в документе А 20.99, — всегда является доминирующим фактором советской политики. Положение это может измениться только в условиях серьезного ослабления Германии». Другой документ, датированный 13 апреля, добавляет: «Успехи Германии заставляют СССР вернуться к корректному отношению к ней».

В то же время Германия договаривалась с Японией. Министр иностранных дел Японии Матсуока прибыл в Берлин 29 марта, и один из наиболее любопытных документов Нюрнберга — № 1877 P. S. — описывает его свидание с Риббентропом...

Германия хотела натравить Японию на Сингапур. Матсуока отвечал, что он опасается ответного выступления Америки и, «как благоразумный министр иностранных дел», он сомневается в том, что японским морякам удастся взять Сингапур в течении 3-х месяцев. «Я удваиваю этот срок, — сказал он, — но, если завоевание Сингапура продлится дольше, может быть целый год, то мы очутимся в критическом положении». Риббентроп отвечал на это, что Рузвельт должен дважды взвесить все раньше, чем решиться принять меры против Японии. Затем он добавил: «Фюрер, являющийся, вероятно, величайшим военным экспертом нашей эпохи, мог бы вам наметить наилучший способ взятия Сингапура. Методы, которые он применил при взятии линии Мажино и форта Эбен-Эмаэль, могли бы и вам пригодиться».

По поводу России Риббентроп заявил:

«Одно несомненно, и я могу дать вам в этом полную гарантию: если Россия нападет на Японию, Германия тотчас же вмешается. Вот почему вы можете безбоязненно заняться Сингапуром. Большая часть германской армии сейчас на востоке и она готова к военным действиям в любой момент. Лично я верю, что СССР будет стараться избежать войны, но если она возникнет, то Советский Союз будет ликвидирован в несколько месяцев».

И Риббентроп настаивает упорно и неотступно, наперед разрушая свою систему защиты в Нюрнберге, которая состояла в том, что он, якобы, не был в курсе агрессивных планов своего фюрера.

«Я не знаю, будет ли Сталин упорствовать в своей сегодняшней неприязненной политике в отношении Германии. Но могу вас уверить, что конфликт наш с Россией не исключен. Вы не должны верить вашего Императора, что война между Германией и Россией невозможна. Наоборот, ситуация такова, что конфликт должен считаться возможным, а, может быть, даже и вероятным».

Дипломаты прежних времен понимали с полуслова... 13 апреля, после своего путешествия в Европу, Матсуока подписал с СССР пакт о нейтралитете. Это было сюрпризом. Документы Нюрнберга объясняют и этот акт.

20 апреля адмирал Рэдер, который не был тонким знатоком дипломатии, запросил объяснения у фюрера. В архивах германского адмиралтейства сохранился ответ современного Маккиавелли:

«Русско-японский пакт заключен с нашего одобрения, для того, чтобы отвратить аппетиты Японии от Владивостока и направить их на Сингапур. Я заявил Матсуоке, что Советскому Союзу нечего опасаться, если он будет соблюдать Московский пакт и вести себя корректно в отношении Германии. Для обратного случая я оставил свое решение при себе. Мое заявление подействовало и теперь СССР совсем прилично держит себя по отношению к нам и не ожидает нашего нападения».

Эта утонченная хитрость имела чисто военную цель: Гитлер знал, что в СССР мобилизация идет медленно и что Германия будет иметь громадное преимущество, если ее наступление произойдет неожиданно. Основная идея его плана — не дать русской армии оправиться от первого удара — целиком владела им и он заставлял дипломатию служить стратегии.

Но массовое передвижение войск и гигантские приготовления к плану Барбаросса не могли остаться в тайне. Москва учуяла и осознала опасность. 24 апреля телеграмма германского морского атташе из Москвы извещала, что вопрос войны становится все актуальнее и что английский посол сэра Стэфорда Крипса даже наметил начало войны на 22

июня. Это еще раз доказывает, что случай бывает угадчиком, так как 24 апреля, день наступления, еще не был назначен.

Москва не хотела войны, — она страшилась ее. Германские документы свидетельствуют, что Россия не могла ни избежать, ни даже задержать войну. «Приказы Сталина и Тимошенко к дню 1 мая, — говорится в германском рапорте № А 21.1, — показывают, что СССР пытался всеми имеющимися средствами избежать войны».

«Назначение Сталина на пост председателя Совета Народных Комиссаров, — говорится в документе А 21–66, — означает: сосредоточение исполнительной власти, укрепление правительства, желание продолжить прежнюю линию иностранной политики и избежать конфликта с Германией».

10 мая Москва делает знаменательный жест: дипломатические представители Норвегии, Бельгии и Югославии извещаются, что правительство СССР их больше не признает. Это было исполнением давнишнего желания Германии.

4 июня рапорт доносит, что советские поставки Германии выполняются вполне удовлетворительно и правительство употребляет все усилия, чтобы избежать войны. 6 июня германский посол пишет из Москвы: «Россия будет воевать только в случае нападения на нее. Все военные приготовления сохраняют умеренность и, поскольку можно судить, носят характер оборонительный. Советская политика старается, как и прежде, поддерживать наилучшие отношения с Германией».

7 июня рапорт А 22–65 полностью подтверждает это мнение. «Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов — единственно ответственные за иностранную политику СССР, — делают все, что могут для избежания конфликта с Германией. Общая линия поведения правительства, так же, как и тон прессы, которая безупречно передает все события, могущие интересовать Германию, подтверждают это положение. Лояльное соблюдение экономического договора с Германией доказывает то же самое».

Наконец, 15 июня документ А 22-161 утверждает: «Сталин готов на крайние уступки».

Итак, Германия не имела повода к немедленному разрыву. Ничто не вынуждало ее к действию. Все события, происшедшие за последние три месяца, были в ее пользу. Она захватила Балканы, и Россия не сказала ничего. Она послала войска в Финляндию, и Россия опять не протестовала. Даже возможный конфликт между СССР и Германией на представлял для последней никакой угрозы. Наоборот. Если бы она захотела расширить пакт в свою пользу, ей достаточно было бы выразить это желание. Страх, который она внушала, ставил ее в наилучшее положение для переговоров. «Сталин готов на крайние уступки»...

Но Гитлер, со своей стороны, был готов на крайние решения. 14 июня он собрал у своего стола высших генералов Германии. Он говорил перед ними полтора часа. «Война неизбежна, — сказал он, — и поэтому мы должны избрать войну превентивную и наступательную, чтобы не дать возможности Советскому Союзу начать ее в тот момент, когда он будет лучше подготовлен, а мы, наоборот, будем заняты в других секторах».

Германские генералы слушали и молчали. Ни один из них не осмелился подняться и спросить фюрера — на какие секторы, на какие далекие предприятия он намекает? Европа завоевана. Англия почти сокрушена. Настроение России доказывало, что Германия имела достаточно времени, чтобы покончить с Британией еще раньше, чем возникнет опасность на Востоке. Она могла взять Мальту и Суэц, как просил Рэдер. Могла взять Гибралтар, как советовал Геринг. Она могла сбросить на британские острова вдвое больше бомб и окружить их двойным числом подводных лодок. Теперь, после опыта на Крите, она могла решиться — с большим шансом на успех — на высадку в Англии. Но Гитлер был загипнотизирован: Россия, необозримая Россия, гигантское поле битвы, на котором гений стратегии, подобно ему, может развернуть величайшую в истории человечества кампанию...

В германской армии было еще много генералов и старших офицеров, сражавшихся в России в 1914–1917 гг. Они помнили ее необозримые просторы, ее болота, ее зиму. Помимо того, в армию просочились некоторые сведения от германского военного атташе в Москве и, судя по ним, сила Красной армии больше, чем думали наверху. Но, с другой стороны, немцы

уже привыкли побеждать. Россия, как театр военных действий, не труднее Норвегии, где грозные рельефы Альп сочетались с холодом северного полюса.

ОКВ, в своем плане кампании (документ 873 P.S.) предусматривало четыре недели упорных битв на границах, затем сопротивление должно было постепенно ослабевать. Гитлер заявил, что он рассчитывает на кампанию в несколько месяцев.

Это значит, что СССР должен был быть покорен еще до зимы.

22 июня 1941 года, без предварительного обострения в политике, без пограничных инцидентов, без обмена нотами, без ультиматума, без всякого предложения, войска Гитлера ринулись на СССР.

XV. Поражение немцев под Москвой

Есть в архивах Нюрнберга драматическая повесть: рассказ генерала Гудериана о битве зимой 1941 г. за Москву.

К началу войны с Россией Гудериан был уже знаменит. Его славу мог оспаривать только Роммель. Гудериан осуществил прорыв у Седана. Во главе 19-го танкового корпуса, лично управляя своим танком, он пробился через Люксембург, перешел Маас, пересек полной скоростью север Франции, достиг Булони и навел панику в Дюнкирхене; затем он проломил фронт французов в Шампани и, наконец, оставленный без указаний, по личной инициативе дошел до швейцарской границы, замыкая мешок, в котором очутилась целая группа французских армий. Гудериан — тип нового солдата, одновременно лихой рубака и инженер, смесь механика с гусаром.

«Я ощутил, — говорит он, — первые признаки войны с Россией осенью 1940 г. после приезда Молотова в Берлин. Начальник Главного Штаба Гальдер говорил мне об одной подготавливаемой операции, в которой должны были участвовать три группы армий — две к северу и одна к югу от Припяти. Дело держалось в такой тайне, что было запрещено что либо писать об этом.

Я был встревожен. Я думал, что нам следовало бы вести войну только на одном фронте и что наша дружба с советской Россией могла быть сохранена».

Гудериан получил в командование танковую армию, входящую в группу фон Бока. Он оказался в центре германского расположения, — там, где техническое превосходство германской армии было наибольшим. Роль, предоставленная победителю при Седане, была все то же — острие копья.

Он должен был ринуться из района Брест-Литовска по направлению к Борисову и Смоленску, разрезать русскую армию надвое и взять Москву.

Начало кампании развивалось легко. Боеспособность русских армий была слабой. Целые соединения сдавались в плен почти без сопротивления. Один из подчиненных Гудериана, генерал Шалль, докладывает, что пленные говорили с радостью: «Вы пришли освободить нас от большевиков» и они горько жаловались на политических комиссаров. Потери в машинах были незначительны, благодаря сухой погоде, а потери в людях — невелики, так как русские не хотели сражаться.

15 июля, менее чем за месяц с начала войны, немцы достигли Ельни, в трехстах километрах от Москвы.

Гудериан потребовал бензин и запасные моторы, но получил лишь приказ остановиться.

«Это было, — говорит он, — большой неожиданностью. Перед нами был разбитый и дезорганизованный неприятель. Наступила сильная жара, но почва была хороша для танков и войска горели воодушевлением. Они рвались к Москве.

«Я видел Гитлера дважды, 3 и 25 апреля, но наш разговор касался только технических вопросов. Я встретил Гальдера в Рославле и мы говорили о ходе войны. Он объяснил мне причину нашей остановки. Командование армией хотело овладеть Москвой, — узлом коммуникации и политическим центром врага. Но фюрер хотел иметь сперва Киев и

Украину. Целый месяц ушел на совещания о целях кампании».

Успех большой битвы в районе Минск — Барановичи ввел Гитлера в заблуждение. Удачная операция, десятки тысяч пленных и захваченная несметная добыча внушили ему мысль, что стратегическая цель уже достигнута: боевая мощь русской армии сломлена. Москва, географическая цель, являлась плодом, с которым не было надобности спешить. Точно так же рассуждал он в июне 1940 г., когда дал приказ пренебречь Парижем в том случае, если бы французы пытались его защищать.

Остановка в районе Смоленск — Ельня была ознаменована, — по свидетельству генерала Шалля, — изменением поведения русских. Они перешли к контратакам. Эта реакция была слабой, несвязной, неловкой, но яростной. Тон военнопленных тоже изменился: «мы, — говорили они, — патриоты и защищаем нашу землю». Затем они добавляли: «у нас нет больше комиссаров. Теперь дело пойдет лучше».

Центральная группа армий двинулась дальше только в начале октября. Начались дожди. Земля, твердая летом, обратилась в море грязи. Люди и моторы изнемогали от усилий. Продвижение вперед требовало подчас от танковой армии половины запасов горючего.

Армия достигла Брянска и подошла к Орлу. И вдруг 30 ноября внезапно пришла зима. Термометр показывал 20° ниже нуля.

«В этот день, 30 ноября, — рассказывает Гудериан, — Гальдер принес нам приказы. Высшее командование, несмотря на крутой мороз, все еще называло кампанию «осенней». Были указаны цели: Москва и Волга у Горького. Это означало поход в 400 километров по ужасным дорогам. Материальные условия, в которых в это время находилась армия, не позволяли выполнить такой поход. Зимняя одежда еще не была получена; снабжение питанием не было обеспечено, так как в тылу хозяйничали партизаны; люди были изнурены.

Все генералы, присутствовавшие на конференции, были в ужасе и смятении.

Я отправился к фон Боку. Он разделял мои опасения. Он вызвал к телефону Браухича и изложил ему мои и его собственные возражения. Я присутствовал при разговоре и вынес впечатление, что Браухич был не один и говорил не от себя.

Наступление было назначено на 2 декабря. Оно было отложено на 2 дня из-за морозов и состояния дорог и началось 4 декабря. Танковые армии Рейнгардта и Гепнера вели наступление к северу от Москвы, моя армия — к югу от нее. К несчастью, в центре 4-я армия не двинулась вперед, может быть, вследствие своего состояния.

В самый день наступления термометр упал с минус 20 на минус 40 градусов.

Страдания войск были невыносимы. Масло в орудиях замерзло и они перестали действовать. 5-го декабря после полудня все армии без приказа и без сговора прекратили движение».

Нет ничего более драматического в военной истории, чем этот страшный удар мороза по движущейся армии. Германская армия была одета в свои обычные шинели и сапоги и не имела к этому ничего, кроме шарфа на шею и перчаток. В тылу армии все паровозы замерзли. На фронте орудия и ручное оружие отказывались служить. По словам генерала Шалля, танковые моторы приходилось целыми часами разогревать, чтобы пустить их в ход.

Русские солдаты были одеты в полушубки и валенки и имели все необходимые средства против замерзания оружия. И тем не менее они тоже страдали... Контратака, предпринятая ими 7 декабря, не имела успеха, несмотря на то, что германская армия была заморожена. Гитлер, находившийся в Восточной Пруссии, в сотнях километров от поля битвы, приказал возобновить движение на Москву.

«12 или 14 декабря, — рассказывает Гудериан, — я отправился к Браухичу. Я был в подавленном состоянии. Умолял его поставить фюрера в известность о подлинном состоянии армии. Браухич обещал, но у меня создалось впечатление, что он впал в немилость и что ему было просто невозможно передать мои сообщения Гитлеру.

16 декабря я просил генерала Шмундта, первого адъютанта фюрера, навестить меня в моей главной квартире в Орле. Шмундт был поклонником Гитлера, но честным и

добросовестным человеком. Я сказал ему всю правду и мне удалось его убедить. Он взял телефонную трубку и несколько раз пытался соединиться с Гитлером. Но расстояние было слишком велико и линии были в плохом состоянии. Разговор не мог состояться.

Тогда я решил сам отправиться к Гитлеру. Я был одним из немногих генералов, которые могли себе позволить такую смелость. Гитлер несколько раз давал мне аудиенции и он меня всегда выслушивал, даже когда и не следовал моим советам.

Я отправился самолетом в Восточную Пруссию в страшный холод и прибыл туда 20 декабря. У меня было с фюрером три разговора, которые длились в общем пять часов. Я описал ему состояние армии перед Москвой и пытался убедить его, что армии не в состоянии сделать то усилие, которое от них требовалось. Я ему сказал, что мы стоим перед разгромом, не от неприятеля, но от холода. Я убеждал его отменить наступление, очистить занятую территорию, ибо мы не могли ее удержать, и отвести войска на зимние квартиры, обратив танки в блокгаузы. Я уверял его, что это единственный способ спасти армию и обещал ему, что мы возьмем Москву весной.

Гитлер отказался верить картине, которую я ему нарисовал. Он упрекал меня в том, что я веду себя, как все остальные генералы: слишком забочусь о своих людях и своих танках. Он был впрочем сильно раздражен против высшего командования и не скупился на злобные выражения по адресу Браухича. Но, сказал он, он хочет Москву и он будет ее иметь.

Он продиктовал мне новые приказы о наступлении, которые я привез с собою.

Морозы так дезорганизовали армию, что приказы фюрера не могли быть исполнены. Русские производили контратаки, поскольку могли; хотя они сами сильно страдали от холода, однако, им удалось поставить в опасное положение наши передовые части, которые были отброшены и окружены. Наши связи были прерваны и аппараты передачи выведены из действия, вследствие снега и холода. Потери наши были огромны, так как самое легкое ранение означало смерть. Битва повсюду остановилась сама собою, без приказаний несмотря на усилия начальников.

Браухич был смещен с командования накануне Рождества. Его преемник, маршал фон Крюгер, сообщил ОКВ 25-го декабря, что я отказался выполнить приказы фюрера и я был тотчас же отставлен от командования моей армией. Пять дней спустя Шмундт прибыл в Орел и привел доказательства, что я сделал все возможное, чтобы выполнить мой долг. Он сделал доклад Гитлеру, но это было слишком поздно: я уже вернулся домой.

Приказ об отступлении, который я тщетно просил у фюрера 20 декабря, был дан в начале января. Армия отступила на сотню километров, но потери, которые она понесла, никогда не могли быть восстановлены».

Таков рассказ Гудериана. Кайтель заявляет со своей стороны, что остановка германской армии была вызвана внезапным наступлением резких холодов, и Йодль также говорит об атмосферической катастрофе, которая разбила все твердые решения.

С тех пор как существуют военные, они охотнее признают победу стихий, чем противника. Германские генералы придают очень много значения тому факту, что русские войска ободрились, а также прибытию на фронт 7 декабря сибирских войск. И тем не менее правда, что главным победителем под Москвой был мороз. Термометр спускался до минус 50°. Для германской армии, так плохо одетой, мороз был самым убийственным противником и самым непреодолимым препятствием.

Эта битва за Москву была кульминационным пунктом всей войны, Сталинграду ошибочно приписывается эта роль. Ибо Сталинград, несмотря на все свое значение, был лишь следствием. Причиной всего была Москва.

В декабре 1941 г., при этом драматическом вмешательстве морозов, Адольф Гитлер потерял не только победу, но и орудие своих побед. Это не было сразу понято, недостаточно оценено еще и сейчас. Но история этой войны, конечно, в свое время осветит этот факт, который объясняет все последующее.

Германские силы, наступавшие на Москву, — армии Гудериана, Рейнгардта и Гепнера — представляли собой тот страшный боевой таран, который в 18 дней раздавил Польшу и в

один месяц Францию. Это была чудесная элита, не только в смысле машин, но, главным образом, людей. В истории войны ее можно сравнить с такими тактическими нововведениями, какими были в момент их появления македонская фаланга и римский легион. В течении двух лет она была исключительным орудием побед Гитлера. Пехотные дивизии, которые составляли главную массу германской армии, ограничивались в битвах занятием территории, выравниванием фронта и приемом военнопленных.

Это революционное орудие победы, соединение мощи со скоростью было Гитлером потеряно в декабре 1941 г. из-за его неистового желания взять Москву, несмотря на морозы. И в течении всей войны Германия не в состоянии была восстановить потерянное. Она вновь сформировала танковые дивизии. Но это были уже не танки Гудериана.

По мере продолжения и развития войны в России, германскому командованию пришлось на необозримых фронтах двинуть постепенно в первую линию ту массу дивизий, которые до тех пор только следовали за танковым тараном. Многие из этих дивизий не отличались прекрасным качеством. Они были импровизированы, — слабые кадры, недостаточное вооружение, моторизация незначительная. Многие германские полки дошли до Кавказа, таща свои боевые машины на лошадях; людям пришлось сделать громадный путь пешком (а уцелевшим, и обратный путь).

Ослабление военного механизма повлекло за собой падение тактики. Развитие войны в России характеризуется, быть может, скорее постепенным упадком германской армии, чем непрерывным ростом русской армии. «Мы все больше теряли, — говорят германские генералы, — чувство маневра. Война становилась примитивной. Никто не занимался больше нащупыванием центра тяжести или фокуса операции. Мы не получали больше тактических задач, от нас не требовалось застигнуть неприятеля врасплох, повернуть, отрезать и уничтожить его. Нам приказывали только одно: «Вы будете держать фронт от такого-то до такого-то пункта», или: «вы продвинетесь до такой-то линии». И добавляли: «Вы за это отвечаете вашим местом».

История наполеоновских войн представляет такую же картину, как и история гитлеровских кампаний. Против неприятеля, армии которого прогрессировали, император выигрывал битвы все с большим трудом, так как его армии постепенно теряли в качестве. Аустерлиц — это шедевр военного искусства; Ваграм — лишь грубый мордобой; Бородино — слепая бойня. Поражения начались, когда исчезла ощутительная разница между батальоном австрийским и батальоном французским. Тогда стала решающей численность.

Начало падения наполеоновской армии известно: это — расчленение Великой Армии, вызванное войной в Испании. Начало упадка армии Гитлера также определенно известно: это битва за Москву.

Неудача проистекала из двух ошибок Гитлера: слишком позднего начала войны и — новая разительная аналогия с походом Наполеона — долгой задержкой у Смоленска. Но наибольшей ошибкой, грубой и непоправимой, было наступление на Москву, начатое необдуманно и продолжавшееся безрассудно, даже безумно.

Когда, год спустя, Гитлеру понадобились его танковые кадры, их уже не было. Его самонадеянность и презрение к человеческому страданию убило их.

XVI. Что Гитлер хотел сделать из России

Ни одна победа не была так хорошо продумана, как та, которую Гитлеру не удалось одержать: его победа над Россией.

План эксплуатации завоеванной территории был выработан одновременно с планом самого завоевания. Архивы Нюрнберга располагают целой кипой документов, из которых некоторые относятся к началу 1941 г., и раскрывают проекты Гитлера, касающиеся громадной территории между Вислой и Уралом.

В первую очередь, намечено было систематическое ограбление материальных богатств. Гитлер поручил это дело выдающемуся специалисту — маршалу Райха, Герингу. Этот

организованный грандиозный грабеж получил, подобно военным операциям, особое имя: это был «план Ольденбург».

«Вся организация — говорится в документе 1317 P.S., помеченном 1-м марта 1941 г., — подчинена райхсмаршалу. Она ведала всеми отраслями хозяйства, за исключением пищевых продуктов, которые были поручены специальной комиссии, возглавляемой статс-секретарем Баке. Главная задача организации, вверенной Герингу, состояла в овладении всеми запасами сырья и всеми крупными промышленными предприятиями».

Через два месяца план Ольденбурга был разработан до мельчайших деталей. Документ 1157 P.S. от 29 апреля, разделяет Россию на четыре больших экономических инспектората: 1) Ленинград (условное имя Голштиния), 2) Москва (Саксония), 3) Киев (Баден) и 4) Баку (Вестфалия). Пятый инспекторат держался в резерве, очевидно, в ожидании новых завоеваний.

23 экономических комендатуры и 12 бюро предназначались для разработки и проведения мер, предписываемых инспекторатами. Одна из комендатур предполагалась в Сталинграде. Этот пост остался незанятым.

Министр Баке должен был хозяйничать пищевыми продуктами. Принципы его деятельности изложены в документе 2718 P. S.:

1) В течении четвертого года войны (1942) германские вооруженные силы должны быть питаемы целиком за счет России, это необходимо для продолжения войны.

2) Неважно, что миллионы людей умрут от голода, если мы возьмем из этой страны то, что нам необходимо для себя...

Третьей личностью, призванной Гитлером играть роль в России, был шеф СС, начальник Гестапо, — Генрих Гиммлер.

«В зоне операций, — говорит особая директива от 13 марта 1941 г., — райхсфюреру СС поручается приказом фюрера специальная миссия, которая вытекает из борьбы двух противоположных политических систем. В пределах этой миссии райхсфюрер СС действует совершенно независимо и на свою собственную ответственность».

Это чудовище — Гиммлер — становится палачом России. В момент, когда поражение Германии уже стало намечаться, 4 октября 1943 г., он с неподражаемым цинизмом излагает своим коллегам, генералам СС, принципы своей политики и своей морали (речь в Познани, документ 1919 P. S.). Вот этот памятник варварства:

«Мы, СС, руководимся следующими принципами: мы должны относиться лояльно, честно и по-братски к тем, кто принадлежит к нашей расе и только к ним. То, что происходит с русскими, меня абсолютно не трогает. Процветание или страдания других наций меня интересуют лишь поскольку эти нации являются рабами нашей культуры. Если десять тысяч русских женщин умирают от изнурения, копая противотанковый ров, то меня это интересует лишь поскольку этот ров нужен для Германии. Ясно, что мы не должны быть жестоки и бесчеловечны без необходимости: мы, немцы, единственный народ, который культурно относится к животным и мы должны так же относиться и к людям. Но было бы преступлением против нашей крови давать людям чужой расы идеалы, так как этим мы готовим бедствия нашим детям и внукам. Если кто либо придет и скажет мне: «Я не могу заставлять женщин и детей копать этот противотанковый ров, они умрут и это бесчеловечно», — то я отвечу ему: «вы преступник. Если этот ров не будет выкопан, то результатом этого будет смерть германских солдат. А они вашей крови». Вот что я хочу внушить СС, как один из наиболее священных законов их поведения. Я требую от них применения этого правила ко всем не-германским народам, и особенно к русским».

Кроме этого человека-зверя, Гитлер одарил Россию теоретиком, холодным палачом в лице Альфреда Розенберга. Он сделал его министром Восточных Областей. Розенберг был вероятно ненормальным. Его отрывистая, несвязная, безостановочная речь, его нескладные жесты, тяжелый, неподвижный взгляд — показывали, что он живет в каком-то ином, нереальном мире. За его речью трудно было следить. Его рассуждения были огромными скоплениями тумана, изредка прорезываемыми просветами, как бы молниями. Гитлер, —

сам полунормальный, — с беспокойством смотрел на Розенберга и не подпускал его к активной деятельности. Наконец, он нашел ему подходящую роль: дал ему самое обширное поле для экспериментов — Россию.

За два дня до начала войны с Россией, 20 июня, Розенберг изложил свои идеи перед главными своими помощниками, предназначенными для организации завоеванной России (документ 1058 P.S.).

«Главной задачей Востока в этом году является питание германского народа. Юг России должен нам поставить необходимое пополнение питательного баланса Германии. Но мы не видим абсолютно никакого основания, обязывающего нас питать также и русский народ из продукции этих областей. Конечно, необходимо будет произвести широкую эвакуацию населения и нет сомнения, что русских ожидает ряд очень трудных лет.

Германию ждет гигантская задача, но эта задача отнюдь не только негативная, как могло бы казаться, если иметь в виду лишь жестокую необходимость эвакуации. Направление русского динамизма к востоку — вот задача, которую надо проводить со всей твердостью. Быть может, это решение будет одобрено будущей Россией, если не через 30 лет, то через сто. Если мы закроем Запад для русских, то они осознают свой истинный гений, свои подлинные силы и свою географическую принадлежность. Наше решение иначе будет расцениваться историками через сотни лет, чем оно расценивается русскими сегодня».

Фанатик, обрекавший живую Россию на голод, смерть и обезлюдение, шутовски изображал себя создателем счастья и благоденствия будущей России. Он окружал себя людьми, похожими на себя. «Розенберг, — говорится в протоколе одного собрания, состоявшегося 16 июля 1941 г., — заявил, что он хочет взять к себе капитана фон Петерсдорфа в виду его исключительных достоинств. Заявление это вызвало всеобщий ужас и возражения. И фюрер и райхсмаршал заявили, что они считают Петерсдорфа сумасшедшим».

Фюрер сам отобрал гауляйтеров, которых он хотел поставить во главе больших частей России. Лозе для Прибалтики, Каше в Москве, Кох на Украине, Фрауенфельд в Крыму, Тербовен на Кольском полуострове. Все «старая гвардия», твердые люди.

Задачей их было подготовить будущее. Какое?

Меморандум от 2 апреля 1941 г. (документ 1017 P. S.) дает ответ на этот вопрос. Россию ожидало расчленение на семь государств.

Германские геополитики, бывшие в этом вопросе советниками Гитлера, предусматривали в первую очередь Великороссию, т. е. центральную область, сердцем которой была Москва. Это — историческое ядро России, центр ее могущества, ячейка, откуда вышел панславизм. Ее необходимо было ослабить. К этому приводили три средства:

1) полное упразднение еврейско-большевистского управления без всякой попытки заменить его каким-нибудь более разумным и гуманным;

2) экономическое ослабление, путем конфискации наличных запасов, промышленных предприятий и средств передвижения;

3) отторжение значительных территорий и присоединение их к соседним политическим образованиям: Украине, Белоруссии и Донецкому Краю.

«Белоруссия и Дон, — говорится в немецком документе, — края бедные и отсталые. Они не опасны для Райха, их можно увеличить и усилить, при условии бдительности. Поэтому к Белоруссии следует придать Калининскую область, а к Дону — Саратовскую. Таким образом, Москва была бы в 250 километрах от границ Великороссии».

Украина должна была получить самую широкую национальную автономию. Она становилась экономическим и политическим вассалом Райха и была бы включена в союз Черноморских держав. Ей предоставлялись двойная миссия: почетная обязанность кормить Райх и доверительная обязанность быть постоянной угрозой для Москвы.

Пятой державой был намечен Кавказ. Его этническое и лингвистическое разнообразие исключительно богато. Поэтому его легко раздробить на ряд мелких суверенных образований, составляющих в целом федерацию. Но район Баку с его нефтяными

промыслами должен был так или иначе остаться под контролем Германии.

Из Средней Азии и Туркестана советники Гитлера хотели сделать мусульманское государство в качестве вспомогательного союзника Великого Райха. Это государство, — говорится в документе 1017 P. S., — явится операционной базой и средством давления на Индию.

Остаются балтийские провинции, т. е. Литва, Латвия и Эстония.

«Нужно будет, — говорит меморандум, — организовать переброску в центральные области России значительной части городского населения Латвии и низшие группы населения Литвы. Затем будут предприняты шаги к заселению этих стран народами германской расы. Большой контингент могут дать немцы с Поволжья, очищенные от нежелательных элементов. Следует далее иметь в виду датчан, норвежцев, голландцев и даже — после победоносного исхода войны — англичан. В течение одного или двух поколений этот новый район колонизации может быть присоединен к Райху».

Таким образом, победа Германии должна была привести к полному разрушению политической мощи славян. Далее она должна была привести к колоссальной перестройке политических образований и к грандиозным переброскам населения. Запад Европы тоже не был пощажен. Германия собиралась очистить мелкие государства, населенные народами германской расы, как Голландия и Дания, и перебросить их население в степи Восточной Европы. И англичане, конечно, могли не сомневаться в том, что им предстояло участвовать в насаждении германизма в Литве и Эстонии.

Для характеристики германских амбиций существует свидетельство, еще более ценное, чем документ 1017 P.S.: собственные слова Гитлера.

Это было 16 июля 1941 г., во время большого совещания по вопросам реорганизации Восточных областей (документ L. 221). Германские танки были уже в Ельце, — приближаясь к Москве. Русские армии поспешно отступали. Победа была почти в руках и фюрер говорил с авторитетом триумфатора.

Он начал с того, что разнес один французский журнал правительства Виши за его «бесстыдную наглость»: журнал осмелился написать, что война в России должна вестись ко благу всей Европы, как целого. Он, Гитлер, хотел, чтобы война велась ко благу Германии и больше никого.

«Мы не должны, — сказал он, — опубликовывать действительные наши цели, но мы должны знать точно, чего хотим.

Надо действовать так, как мы действовали в Норвегии, Дании, в Бельгии и в Голландии. Мы объявим, что мы вынуждены оккупировать, управлять и умиротворять; что это делается для блага населения; что мы обеспечиваем порядок, сообщение, питание. Мы должны изображать себя освободителями.

Никто не должен догадываться, что мы подготовляем окончательное устройство, но это не мешает нам принимать необходимые меры — высылать, расстреливать — и эти меры мы будем принимать.

Мы будем действовать так, как будто мы здесь только временно. Но мы-то хорошо будем знать, что мы никогда не покинем этой страны».

Прежде всего надо было окончательно укрепить прочность Великого Райха.

«Никогда в будущем, — заявил Гитлер, — не должно быть допущено образования военного могущества к западу от Урала, даже если бы нам пришлось бороться 100 лет, чтобы помешать этому. Все мои преемники должны знать, что положение Германии прочно лишь постольку, поскольку к западу от Урала нет иной военной державы. Наш железный принцип отныне навсегда будет заключаться в том, что никто другой, кроме немцев, не должен носить оружие.

Это главное. Даже если мы найдем нужным призвать подчиненные народы к несению военной службы, — мы должны от этого воздержаться. Одни немцы смеют носить оружие и никто больше: ни славяне, ни чехи, ни казаки, ни украинцы».

Затем Гитлер перечислил те земли, которые по праву военной добычи должны

принадлежать Германии.

Крым:

«Крым должен быть очищен полностью от своего теперешнего населения и заселен исключительно немцами. К нему должна быть присоединена Северная Таврия, которая также войдет в состав Райха».

Часть Украины:

«Галиция, принадлежавшая бывшей Австрийской Империи, должна стать частью Райха».

Прибалтика:

«Все балтийские страны должны быть включены в состав Райха».

Часть Поволжья:

«Область Поволжья, заселенная немцами, также будет присоединена к Райху».

Часть Закавказья:

«В Баку мы образуем германскую военную колонию».

Кольский полуостров:

«Мы сохраним за собой Кольский полуостров ради рудников, которые там находятся».

Никто не осмелился возражать, даже Геринг. Три месяца назад он обратил внимание фюрера на то, что долгая оккупация столь обширной страны, как Россия, явится непосильным бременем для Германии. Теперь он молча принимал этот безумный план экспансии и завоеваний. Итак, Прибалтика, Галиция, Крым с Северной Таврией, Баку, низовье Волги, Кольский полуостров — входят в состав Германии; вся остальная Россия, в том числе и Азиатская, разделена на вассальные государства, которые должны держаться в повиновении при помощи военной силы Германии. Далее — вся центральная Европа. Все побережье Северного моря с Данией, Голландией, Бельгией и Северной Францией. Затем колонии. К этому еще цепь баз и опорных пунктов, список которых найден в одном из документов Министерства Иностранных Дел: Трондхейм и Брест, которые должны были навсегда остаться германскими военными портами, Дакар, Канарские острова, Святая Елена, Коморские и Сейшельские острова, Св. Маврикии, Занзибар... Такая империя превосходила все самые безумные и эфемерные образования, какие знает история. Она далеко превышала силы Германии, даже победоносной, и не могла быть прочной в силу закона природы, который не допускает чудовищ. И окружение Гитлера, — среди которого были и люди интеллигентные, образованные и со здравым умом, — слушало, соглашалось и аплодировало.

Геринг, однако, хотел знать, какие территории обещаны союзникам Германии. Гитлер нахмурил брови. Ему не хотелось что-либо уступать. Ему казалось, что у него это крадут.

«Ничего определенного не обещано ни словакам, ни венграм, ни туркам. Антонеску заявляет претензии на Бесарабию и Одессу. Наши отношения с Румынией хороши, но никто не может знать будущего и мы не должны преждевременно намечать границы».

Финны хотят Восточную Карелию, но они не получают Кольского полуострова, который мы оставляем себе. Они также требуют район Ленинграда: я снесу до основания Ленинград и отдам им территорию».

И он прибавил, как бы грезя:

«Я сделаю из завоеванных стран земной рай».

* * *

Земной рай! Гитлер хотел придти к нему, начав с установления ада. Незадолго до начала войны, в мае 1941 г., — рассказывает Гальдер, — фюрер собрал старших генералов армии. В этот день он снова был возбужден и раздражен.

«Война с Россией, — сказал он, — не может вестись с соблюдением закона чести. Она является одновременно борьбой идеологий и борьбой рас; и она должна вестись с небывалой

до сих пор беспощадностью. Господа офицеры должны позабыть на этот раз свои рыцарские традиции. Я хорошо знаю, что такой образ мыслей плохо уместается в представлениях гг. генералов и меня это очень огорчает, но тем не менее мои приказания должны быть выполнены неукоснительно.

Я знаю, что мои СС не будут рассматриваться Советским Союзом как комбатанты. Я вывожу из этого следствие, что советские политические комиссары должны быть расстреливаемы.

СССР не присоединился к Гаагской конвенции. Благодаря этому, нарушения нашими войсками международного права должны оставаться безнаказанными, кроме тех случаев, когда нарушаются законы уголовные, как убийство и изнасилование».

«Докончив свою речь, — продолжает Гальдер, — Гитлер вышел из комнаты, не добавив ни слова. Присутствовавшие чувствовали себя оскорбленными и обратились к Браухичу с протестом. Маршал заявил, что он будет с этим бороться и он добьется того, что приказы фюрера по этому пункту будут изменены. Он тут же составил текст приказа об обращении с пленными политическими комиссарами и послал его в ОКВ, подчеркнув, что армия не должна выполнять никаких иных приказов».

Иодль заявил следующее:

«Между фюрером и генералами существовало основное расхождение во взглядах на войну с Россией. Генералы видели в ней войну двух армий, в то время как фюрер настаивал на том, что это борьба на истребление двух взаимно исключаящих форм цивилизации. «Вы смотрите на войну так, — говорил он, — как если бы вы думали, что на другой день после перемирия победитель и побежденный могут подать друг другу руки. Вы не понимаете, что законы, управляющие другими войнами, неприменимы в нашей борьбе с Россией. Ваши рыцарские представления здесь неуместны и просто смешны».

«Во время осады Ленинграда, — рассказал дальше Иодль, — генерал фон Лееб, командующий северной группой армий, сообщил ОКВ, что потоки гражданских беженцев из Ленинграда ищут убежища в германских окопах и что у него нет возможности их кормить и заботиться о них. Фюрер тотчас отдал приказ не принимать беженцев и выталкивать их обратно на неприятельскую территорию».

Этот приказ сохранился — документ S. 123, датированный 7 октября 1941 года, гласит следующее:

«Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда, как и позднейшая капитуляция Москвы, не будут приняты, если даже неприятель будет о ней просить.

Моральное оправдание этой меры должно быть понятно миру. В Киеве наши войска подвергались большой опасности от взрывов замедленных мин. Такая же опасность, но еще в большей степени, ожидает нас в Ленинграде и в Москве. Советское радио само оповещало, что Ленинград будет защищаться до последнего человека и что город минирован.

Вот почему ни один немецкий солдат не должен вступать в город. Всякий, кто будет пытаться покинуть город, перейдя через наши линии, будет огнем принужден к возвращению.

Нужно позволить населению выход из города только через узкие проходы, ведущие в еще незанятые области России. Население нужно принудить к бегству из города при помощи артиллерийского обстрела и воздушной бомбардировки.

Чем многочисленнее будет население городов, бегущее вглубь России, тем больше будет хаос у неприятеля и тем легче будет для нас задача управления и использования оккупированных областей. Все высшие офицеры должны быть осведомлены об этом желании фюрера».

Фон Лееб, — говорит Иодль, — протестовал. Браухич заявил, что он не отдаст приказа стрелять в гражданское население и что войска даже не исполнили бы такого приказа. Но Гитлер настаивал на своих инструкциях.

Эти протесты отдельных начальников не могли помешать невероятным преступлениям, совершенным в России в гигантских масштабах. Но тем не менее они выводили фюрера из

себя. Он видел в них доказательства непонятливости, дряблости и враждебности к себе. Он находил в них то, что он называл вечной оппозицией военной касты своим желаниям. Никогда еще германские генералы не видели к себе такого нескрываемого презрения и подозрения, как во время кампании в России.

«Наша роль, — говорили они, — была невероятно сужена и ограничена. Армия, собственно говоря, почти не имела тылов. Власть гражданских чинов и партийных органов начиналась непосредственно за линией огня. Увеличение числа соединений СС ставило командование в крайне щекотливое положение и приводило к бесконечным инцидентам. Военная полиция не подлежала нашему контролю и даже безопасность наших линий этапов не зависела от нас. В результате обстановка для армии складывалась весьма трудная, тем более, что армия должна была усмирять волнения, вызываемые жестокостями гражданского управления».

Зато Гитлер, — говорят военные, — всецело доверял диким фанатикам партии, чудовищам вроде Гимmlера. «Русский народ, — говорил этот последний, (документ 1919. P.S.), — должен быть истреблен на поле битвы, или же поодиночке. Он должен истечь кровью». И еще: «Мы вначале не считались с ценностью человеческого материала. С точки зрения интересов будущего об этом жалеть не приходится, но, учитывая недостаток у нас рабочих рук, в настоящее время приходится пожалеть о том, что военнопленные умирали сотнями тысяч от голода и истощения».

Возмездием за это варварство явилась смертоносная партизанская война, которая стоила германской армии таких же жертв, как и регулярная кампания.

«В течении трех летних месяцев 1943 г., — говорит Иодль, — нападения партизан на железнодорожные поезда выражались в следующих цифрах: июль — 1560; август — 2121; сентябрь — 2000».

Для германских генералов кампания в России была гекатомбой. «Один за другим, — говорит Гудериан, — лучшие начальники армии были отставлены. Браухич, Рунштедт, Бок, Гепнер, Лееб, сам Гудериан — исчезли. Когда фюрер отставил маршала Листа, Кайтель спросил его о причинах и напомнил блестящую кампанию маршала на Балканах. «Я не могу терпеть, — отвечал Гитлер, — генерала, который приезжает ко мне без карты с обозначением движения его армии». И в то же время Гитлер сам строго воспрещал брать с собою на самолет военные документы, так как они могли попасть в руки партизан.

Чем больше увеличивались затруднения, тем больше Гитлер, подобно Наполеону, терял ощущение границ возможного и реального. Генерал Иодль убедился в этом. Его фанатическая преданность фюреру и его несомненные способности с трудом спасли его от немилости: он также совершил преступление, позволив себе не согласиться со стратегическими идеями Гитлера.

«Мой конфликт с фюрером, — пишет он в своей длинной записке, предназначенной для судей в Нюрнберге, — начался осенью 1942 года, в Винице. Гитлер, который в то время был, по-видимому, нездоров, резко критиковал приказания, отданные им же самим устно либо генералу Гальдеру, начальнику Главного Штаба, либо другим генералам. Я составил записку, протестующую против такого обращения с высшими начальниками армии. Гитлер на меня за это рассердился.

Несколько позднее, после встречи в Сталине с маршалом Листом и генералом Конрадом, я просил Гитлера о пересмотре плана операций на Кавказе. Я ему высказал мнение, что намеченная попытка неминуемо окончится неудачей по причине труднопроходимой горной местности. Мне казалось рискованным проводить одновременно две операции — наступление у Сталинграда и завоевание Кавказа, и я подчеркивал, что армии ставилось одновременно слишком много задач, которые она не имела возможности успешно выполнить. Гитлер вспылал. Им овладел приступ жестокого гнева и он дошел до обвинения меня в неповиновении.

Вследствие этого инцидента наши отношения стали крайне холодными, крайне затрудненными. Фюрер перестал появляться в столовой Главного Штаба и начал обедать и

ужинать в своем вагоне. Он делал вид, что меня не замечает и избегал подавать мне руку. Ежедневные рапорты, которые раньше происходили в комнате для игры в карты, были перенесены в салон-вагон фюрера и при них неизменно присутствовал высший офицер войск СС. Восемь стенографов, поставленных секретарем партии, т. е. Мартином Борманом, записывали все мои слова.

Кайтель сообщил мне, что фюрер имел намерение заместить меня маршалом Паулусом, после того, как он возьмет Сталинград».

Паулус не взял Сталинграда, но сам был взят в плен. Но и помимо этого выбор фюрера был ошибочным. Паулус, как и адмирал Канарис, начальник службы разведки, участвовал в заговоре против Гитлера. Попав в плен, он присоединился к движению «Свободной Германии», основанному в СССР, и призывал по радио немцев к восстанию против фюрера. Такова была с 1943 года истинная подоплека армии Третьего Рейха.

«Мои отношения с Гитлером, — продолжал Иодль, — понемногу улучшились. Примирение состоялось совершенно неожиданно для меня 30 января 1944 года. Гитлер публично заявил, что он по-прежнему убежден в том, что я ему давал плохой совет, но что, тем не менее, он считает меня за отличного офицера. Потом он вручил мне золотой значок партии. Но мое доверие к чувству справедливости фюрера больше не возвращалось».

Несправедливость и суровость фюрера ускорили падение качеств высшего командного состава армии. Начатая победителями под Млавой и Седаном, русская кампания заканчивалась посредственностями. Гитлер не терпел военачальников с характером и отказывался верить, что характер обычно сочетается с талантом.

«В Мондорфе, — рассказывает Кайтель, — меня в течении двух дней допрашивала русская комиссия. В конце допроса русский генерал отвел меня в сторону и спросил: «Объясните мне, почему вы сместили всех ваших лучших генералов? Нам ведь тоже случалось смещать генералов за проигранные битвы, но если они были вообще хороши, то мы их снова пускали в дело. Посмотрите, Тимошенко был разбит под Харьковом, но потом он снова встал во главе армий. Вы же кончали войну с людьми даже не второго, а третьего сорта».

XVII. Сообщение генерала Иодля

Генерал-полковник Альфред Иодль представлял собою в Нюрнбергском процессе гораздо более значительную фигуру, чем маршал Кайтель — типичный бюрократ Главного Штаба.

Иодль был настоящим стратегом и теоретиком военного искусства» Его военное образование было построено на солидном историческом фундаменте: он считался в германской армии лучшим знатоком наполеоновских войн и доктрин. В течении всей войны, он был начальником оперативного отделения ОКВ. Он может считаться главным советником Гитлера в полном смысле этого слова.

Иодль, как и Кайтель, был чужим человеком среди аристократов, занимавших еще главные командные посты в германской армии. Большая часть генералитета говорила о нем в тоне снисхождения, почти презрения. «Пара Кайтель-Иодль, — говорили генералы, — не пользовалась уважением в армии, которая видела в них послушное орудие фюрера». Такое отношение, вероятно, способствовало укреплению национал-социалистических симпатий Иодля. Он ополчился против традиционных генералов, которые не хотели признавать его за равного себе. Помимо того он искренне восхищался военным гением Гитлера. Профессионал преклонялся перед превосходством любителя.

Иодль, однако, проявил больше прозорливости, чем его повелитель. «Первые сомнения в нашей победе, — сказал он в Нюрнберге, — зародились во мне зимой 1941-42 г.г.». Мы уже видели, как в 1942 и 1943 г. г. он пытался протестовать против мании военного величия Гитлера. Он отмечал его стратегические ошибки. «Фюрер, — сознается он, — постепенно терял правильное представление о действительном положении вещей. Он упорно хотел

держаться на всех фронтах, независимо от общего хода войны. Он цеплялся до самого конца за свои завоевания только из соображений престижа и в конце концов преследовал одну цель: вести возможно дольше военные действия вдали от границ Райха».

«Весной 1944 г., — говорит Иодль, — я подал фюреру записку, в которой проводил идею, что единственный наш шанс добиться почетного мира это — отразить неизбежную попытку англо-американцев высадиться на континенте. Я предлагал пожертвовать, если нужно, остальными фронтами для того, чтобы сосредоточить во Франции необходимые силы. Гитлер меня не слушал».

В архивах Нюрнберга имеется под шрифтом L. 172 обширный документ, составленный генералом Иодлем. Это запись о совещании, состоявшемся в Мюнхене 7. 11. 1943 г., на котором присутствовали райхслайтеры и гаулайтеры Райха, т. е. самые высшие партийцы. Этот протокол, и в особенности пояснительные таблицы, составленные ОКВ и частично использованные Иодлем, являются драгоценным материалом для истории. Они дают полную картину стратегического положения Германии в начале пятого года войны, незадолго до высадки союзников и поражения Германии.

Я уже цитировал частично этот документ. Теперь я хочу рассмотреть его целиком и дать общий анализ.

Характерны уже первые фразы. Они свидетельствуют о повреждении германской морали, о дрогнувшем внутреннем фронте. «Демон разложения, — говорит Иодль собравшимся, — приближается шаг за шагом. Все трусы ищут выход в том, что они называют «политическим решением». Они советуют договариваться, вместо того, чтобы биться. Капитуляция была бы концом Германии. Против волны неприятельской пропаганды и против трусости, которая охватывает ваши области, вы бессильны. Поэтому я хочу дать вам объективное и правдивое представление о состоянии наших дел, чтобы вы почерпнули в нем необходимые элементы для поднятия морали нации».

Затем Иодль сделал исторический обзор, начав с прихода национал-социализма к власти. Он оправдывал решения Гитлера и перечислил его победы — блестящие, но всегда недовершенные.

«Должны ли мы были, — спросил он, — перенести войну в Англию и сделать попытку высадки в крупном масштабе? Далее, в виду перспективы вступления в войну США, было необходимо принять в соображение оккупацию некоторых островов Атлантического океана, как например Исландии и Азорских островов. Из этих опорных пунктов мы были бы в состоянии наносить особенно чувствительные удары английской морской торговле и защищать территорию Европы, подобно тому, как сейчас Япония защищает Азию, опираясь на свои базы в Тихом океане. Однако фюрер вполне разумно отказался от этих целей. Не только завоевание, но и оборона и удержание этих пунктов и морских путей к ним потребовали бы таких воздушных и морских сил, которыми мы не располагали.

В течении первого периода войны, когда наше превосходство на суше было тотальным, полная победа была нам недоступна из-за безнадежной слабости нашего флота. Высадка в Англии, подготовленная до малейших деталей, но с импровизированными транспортными средствами, не могла быть осуществлена потому, что нам не удалось подавить английскую авиацию».

Рассказав о крушении плана захвата Гибралтара и неудачах в Средиземном море, вызванных неспособностью итальянцев, Иодль перешел ко второму жгучему вопросу войны:

«Сегодня, после наших повторных неудач 1943 года, перед нами все время встает вопрос: не сделали ли мы крупной ошибки в оценке силы большевиков? Если рассматривать детали военных операций, то ответ должен быть, невидимому, положительный: да, ошиблись. Если же брать поход на Россию в целом, то не остается более никаких сомнений в нашей ошибке. Война, как и политика, не поддается арифметическому учету; один из самых важных уроков, какие дает опыт войны, это — сознание трудности оценить силу противника. Даже когда все элементы правильно оценены и взвешены, еще невесомые факторы и целей становится ясным только в течении самой борьбы».

«Тем не менее ситуация все же выясняется. В течении нашего продвижения в громадную неизвестность, которая зовется Россией, мы были вынуждены не только увеличить численность нашей армии, но также и улучшить наше вооружение; таким образом, сейчас мы привели нашу армию в такое состояние, какое было бы для нас недостижимо, если бы мы оставались в покое. Сейчас нас приводит в дрожь одна мысль о том, что ожидало бы нас, если бы мы перед лицом опасности остались пассивными. Рано или поздно, мы были бы захвачены врасплох.

Хотя ни в 1941, ни в 1942 г. г. нам не удалось сломить боевую силу неприятеля и поставить Россию на колени, однако мы можем считать положительным результатом уже то, что мы отбросили большевизм далеко от наших границ».

Но 1943 год был свидетелем неудач и скопившихся угроз, которые Иодль не мог отрицать. Хотя, очевидно, не могло быть и речи о критике действий Гитлера, однако Иодль позволил себе наметить допущенные ошибки.

«После первых неудач зимы 1941 года на восточном фронте и в Северной Африке, Германия и ее союзники собрали силы, чтобы разбить Россию в новом наступлении и чтобы вырвать у англичан их базы в западной части Средиземного моря. Крупные операции, предпринятые на Кавказе и на дельте Нила, потерпели неудачу из-за недостатка сил и несовершенного снаряжения. В Средиземном море наши западные противники впервые оказались сильнее нас в воздухе, как количественно, так и качественно. России удалось стабилизировать фронт у Сталинграда и на Кавказе и, при помощи зимних холодов, ее новые армии успели проломить фронт на участках Волги и Дона, где наши линии были заняты частично нашими союзниками. 6-я армия, состоявшая из лучших германских частей, но измученная недостатком снабжения и жестокой зимой, не выдержала борьбы с превосходными силами неприятеля».

Высадка неприятеля в Северной Африке и кампания в Тунисе также стоили Германии тяжелых потерь.

«В конце зимы 1942-43 гг., — говорит Иодль, — германские силы были напряжены до крайнего предела. Возможно было восстановить 6-ю армию и 5-ю танковую армию, но четыре армии наших союзников были окончательно потеряны».

Генерал Иодль не дал своим слушателям никакой надежды на улучшение военного положения в будущем.

«Наши тактические резервы на востоке, — сказал он, — исключительно хорошо снаряжены, но наличный состав их таков, что исключает возможность крупных операций. Пришел конец подвижности нашей армии и конец — за исключением восточного фронта — нашего превосходства в воздухе. Экономическая мощь наших противников и подавляющее их превосходство в человеческом фонде уже дают себя чувствовать. Полное банкротство Италии во всех областях и отсутствие военной промышленности у остальных союзников Германии не могут быть возмещены усилиями одной Германии».

«Вот почему инициатива перешла к противникам Германии и почему мы и наши союзники, которые борются плечом к плечу с нами, вынуждены были перейти к обороне».

Затем Иодль описал отпадение Италии и его бедственные последствия. Он признал, что сейчас Германия не в состоянии производить стратегические переброски сил, которым она была обязана своими крупными успехами 1917 и начала 1918 годов, так как теперь неприятель повсюду имеет превосходство в силах. Он отметил кризис наличного состава армии, кризис рабочих рук, кризис сырья, все эти глубокие язвы, которыми покрылось тело истомленной Германии.

«Но, — сказал он, — что тяжелее всего воздействует на наш внутренний фронт и передается и на боевой фронт, это террористические налеты неприятеля, которые обрушиваются на наши дома, на наших жен и детей. По вине Англии война приняла вновь такие формы, какие она имела в эпоху расовых и религиозных войн и какие в наше время считались уже невозможными.

Психологические, моральные и материальные результаты этих налетов таковы, что эти

налеты безусловно должны быть ограничены, если не полностью исключены. Правда, что эти налеты — как и все крупные несчастья — имеют и некоторые благоприятные последствия. Перед лицом руин бледнеют все социальные комплексы; всякая зависть, скупость, все мещанские чувства исчезают из человеческой души. Но для нас это слабое утешение. Чрезмерные требования, которые мы предъявляем к нашим летчикам, наша неспособность держаться на уровне наших неприятелей в области авиационной промышленности, и в частности в истребительной авиации, привели нас к тому положению, в каком мы сейчас находимся.

Но усилия фюрера и райхсмаршала преодолеют этот кризис. Первые результаты уже дают себя чувствовать. Мы выровняем баланс и противопоставим четырехмоторным бомбардировщикам англо-саксов дальнобойную зенитную артиллерию. Достаточно, чтобы неприятель терял 10–12 % своих самолетов за каждый налет. Быть может, он будет в состоянии возместить эти потери в материале, но никоим образом не в летном составе. Сверх того, при этих потерях мораль экипажа неизбежно падает, особенно у американцев, которые не имеют ни малейшего понятия о том, во имя чего они сражаются. Я совершенно уверен, что благодаря нашему новому оружию и нашим новым техническим изобретениям, налеты сплоченных соединений, разрушающих наши города своими «коврами из бомб», будут ликвидированы».

Это была первая надежда, которую Иодль порадовал райхслайтеров и гаулайтеров. За нею следовала другая.

«Однако, — сказал он, — наибольшие надежды командование и народ Германии возлагают на подводную войну. Она является единственным сектором, где мы ведем наступление. Правда, в течение последних месяцев мы потерпели в этой области крупные неудачи, и общая цифра потопленного тоннажа не превышала вновь построенного неприятелем. Эта неудача явилась результатом мер, принятых противником: усиленной охраны караванов авиацией, введения усовершенствованных аппаратов для обнаружения подводных лодок и пользования глубинными бомбами большой силы. Но этот кризис должен быть преодолен и он будет преодолен. С нашей стороны уже приняты меры, чтобы сломить неприятельскую оборону и восстановить боевое превосходство, наших подводных лодок».

Сообщение Иодля было равносильно признанию своего поражения. Оно доказывало неопровержимо, что Германия превзойдена своими неприятелями на всех секторах борьбы и что баланс сил все более склоняется против нее. В каждой нации, не охваченной безумием, оно должно было привести к заключению, что следует попытаться вступить в переговоры, быть может даже подумать о капитуляции, чтобы избежать бесполезной бойни и колоссальных бесцельных жертв. Но Иодль закончил свое катастрофическое сообщение гимном фюреру: «Моя глубокая вера в победу, — сказал он, — основана на том факте, что Германия возглавлена человеком, предназначенным вести свой народ к славному будущему. Я могу засвидетельствовать, что он является душой как военного, так и политического руководства, и что сила его воли, как и его творческие способности, воодушевляют и движут всю германскую армию. Моя преданность фюреру и моя вера в него безграничны».

Так говорил тогда Иодль, тот самый Иодль, который пытался уверить судей в Нюрнберге, что он был в то время почти в немилости и что его вера в дух справедливости Гитлера была потрясена.

Речь Иодля была дополнена цифрами и таблицами, изготовленными ОКВ. Они дают полное и точное представление о германских силах в этой фазе войны и об их распределении.

В Финляндии немцы держали 176.800 человек первоклассных войск. В Норвегии они имели 380.000, всего 13 дивизий и 1000 орудий калибра 10 мм и больше. В Дании стояло всего три дивизии невысоких боевых качеств, всего 106.500 человек.

На Западе Германия ожидала наступления, Побережье, — гласит пояснение Главного Штаба, — почти повсюду не представляет затруднения для высадки и обладает сетью

шоссейных и железных дорог, позволяющей неприятелю быстрое продвижение. Быстрое и опасное!

«Овладение нашими оборонительными сооружениями предоставило бы противнику Бельгию, Голландию, север Франции и промышленные районы Западной Германии. Это было бы фатальным для Германии.

Даже частичный успех, например, создание предместного укрепления, представлял бы серьезную опасность. Неприятелю, благодаря его превосходству в численности и в материале, не трудно было бы расширить предместное укрепление и прорвать наш фронт.

Поэтому необходимо отразить и разбить неприятеля раньше, чем он достигнет берега».

С этой целью немцы выстроили Атлантический вал. «Невозможно, — говорит сообщение Главного Штаба, — укрепить все побережье, длиной в 2600 километров, непрерывной системой укреплений одинаковой глубины. Тем не менее число сооруженных фортов и опорных пунктов превышает все до сих пор построенные сооружения, в том числе и линию Мажино».

5.300.000 кубических метров бетона было употреблено на Атлантический вал, сооружено 8.449 фортов, опорных пунктов, батарей и отдельных оружейных позиций; 2.692 орудия крупного и среднего калибра и 2.354 противотанковых орудия были установлены в этих казематах. 27 дивизий были предназначены для обороны побережья; 21 дивизия, в том числе 11 танковых, были наготове для контратаки, и 7 новых дивизий, в том числе 3 парашютистов были в периоде формирования. Общее количество людей, числившихся на продовольствии, равнялось 1.708.990, в том числе 1.370.780 бойцов.

Против них, на другой стороне Ламанша, в ожидании посадки на суда, союзное командование сосредоточило 40 или 41 дивизию пехоты, в том числе 4 или 5 американских; 9,5 танковых дивизий; 2 дивизии воздушного десанта и 7 батальонов парашютистов. Общая вместимость транспортного флота достигала 11–12 пехотных дивизий и 1–2 танковых дивизий. «Силы и ресурсы неприятеля, — говорил германский Главный Штаб, в настоящее время достаточны для операции большого стиля, — вторжения на континент Европы. Вероятно они будут еще усилены в течение ближайших месяцев». Главный Штаб выводил следующее заключение:

«Для отражения нашествия с Запада наши наличные силы — даже включая все наши тактические резервы — будут недостаточны. Для этой битвы, которая решит исход войны, необходимо будет призвать всех немцев, способных носить оружие, оставив тыл Германии почти без мужчин».

Эти документы доказывают, что инвазия англо-американцев в июне 1944 г. не застала германскую армию врасплох. Если отдать себе отчет в технических трудностях предприятия, то следует признать высадку англосаксов в Нормандии одним из самых блестящих военных успехов в истории.

В Италии, на второстепенном фронте, германское командование держало 396.000 человек. Балканы, где не было открытой войны, требовали от Германии еще больше сил. В экономике истощенной Германии Балканы занимали одно из первых мест: они поглощали 50 % всего потребления нефти, 100 % хрома, 60 % боксита, 29 % антимония, 21 %, меди. Там надо было держать сильные гарнизоны на случай высадки и против многочисленных партизан, захвативших все горные районы. Германский Главный Штаб определял силы партизан Тито в 90.000, Драже Михайловича — в 30.000 и число греческих повстанцев Зерваса в 20–25.000. Против этих сил Германия держала на Балканах 24 дивизии, всего 612.000 человек.

Итак: 600.000 на Балканах, 400.000 в Италии, 1.300.000 во Франции, 500.000 в Дании и Норвегии! Второй фронт существовал для Германии еще прежде, чем первый англо-сакс вступил на берег Нормандии. Вся Европа обратилась в ожидании нашествия в одну сплошную крепость и высасывала силы Германии, ослабляя ее на главном и решающем фронте — восточном.

Записка германского Главного Штаба о положении на востоке говорит следующее:

«Протяжение фронта — 1.200 километров. Развитие войны было таково, что исключало возможность создания постоянного фронта и вызвало необходимость применения системы подвижной обороны, которая давала неприятелю возможность маневрировать и наносить неожиданные удары. «Вследствие этого нашему командованию трудно сосредоточивать крупные массы войск, и, таким образом, наши силы почти всегда уступают неприятелю в численности».

Германское командование расценивало своего противника следующим образом:

«Боеспособность русской пехоты постепенно уменьшается, хотя обучение ее заметно улучшилось. С другой стороны, качество вооружения быстро прогрессирует (автоматы, минометы и т. п.). Артиллерийское дело поставлено на широкую ногу. «Ежемесячно выпускается 1.200 орудий.

Принцип пользования артиллерией состоит в сосредоточении огня на узких секторах, по германскому методу. С этой целью созданы артиллерийские корпуса. Расходование снарядов максимальное.

Соединения специального назначения (противотанковые полки, мотирные полки) формируются в большом масштабе.

В начале войны советская армия имела 21.000 танков, большей частью легких и устарелых. К 1 октября 1943 года она имела уже 9.000 тяжелых танков последней модели. С июня 1941 по октябрь 1943 года советская армия потеряла 52.000 танков. Месячная продукция — 1.700 танков. Создаются тактические соединения для действий на далеком расстоянии (проникновение в глубину и операции окружения). Использование центров тяжести.

Советская авиация значительно уступает нашей, но надо признать, что ее командование, организация и материальная часть значительно улучшились. Появление в большом количестве новых советских штурмовиков особенно досаждало нашим войскам.

После 1941 года советское командование восприняло германские методы. Лозунг 1941: «Шаг за шагом назад» больше не существует, и тактические движения при отступлении теперь стали правилом. Командование стало более гибким. Оно умеет схватить момент слабости противника и искусно использовать начальный успех.

Несмотря на первоначальные потери, Красная армия сейчас значительно усилилась, благодаря новым мобилизациям и непрерывным пополнениям. Состав армии был минимальным 1 января 1942 года — всего лишь 2.300.000 человек. Сейчас он достиг максимума — 5.500.000 человек. Сверх того сейчас идут новые призывы и формируются тактические резервы для зимней кампании (около 50 дивизий).

В настоящий момент Красная армия насчитывает 327 дивизий пехотных и 51 танковую».

Это картина армии, постепенно усиливающейся, армии, все время пополняемой из неисчерпаемых ресурсов огромной неистощенной страны, армии могущественной, несмотря на все потери. Образ армии, которая прошла суровую школу поражений, но сумела их использовать для своего усиления.

Против этой армии Германия имела 200 своих дивизий плюс 10 дивизий румынских и 6 венгерских. 4.183.000 человек, из них 3.900.000 немцев.

Сила еще огромная и сила полноценная. Но уже клонящаяся к упадку. Само по себе численное превосходство советской армии не было решающим, но неравенство непрерывно росло в ее пользу. Германская армия была утомлена. Она опиралась на истощенную страну, разоряемую непрерывными налетами англо-саксов. Армия не пополнялась. В ее громадном теле уже были зародыши гибели и они размножились.

В конце 1943 г., как на востоке, так и на западе, анализ ситуации, произведенный самими немцами, ближайшими сотрудниками фюрера, приводил к роковому выводу: Германия обречена на поражение и спасения нет.

Самое изумительное это то, что она сопротивлялась еще полтора года. Эти месяцы агонии прошли под трагическим лозунгом, данным Гитлером:

«Я не капитулирую!» Этот человек в своем неистовстве продолжал наполнять мир руинами и преступлениями, без всякой жалости к своему народу, который он ввергал в бездну и подвергал проклятиям всего мира.

Величайшим из всех преступлений Гитлера было то, которое он совершил против германского народа.

XVIII. Как Гитлер принял решение умереть в Берлине

В течение осени 1944 года, — рассказал Кайтель, — здоровье Гитлера пошатнулось.

Он находился в это время в Раценбурге, в Восточной Пруссии. Он отчаянно цеплялся за эту область. Русские наступали. Теряя из виду общий ход войны, фюрер яростно защищал исторические земли Тевтонского ордена.

«Если я уеду отсюда, — сказал он, — Восточная Пруссия будет потеряна». Голос его стал глухим. Он беспрерывно отхаркивал. Его мучили боли желудка и глисты. Его окружение, после 20 июля непрестанно опасавшееся нового покушения, подозревало, что он отравлен.

«Случалось, — говорит Кайтель, — что он по два-три дня оставался в постели. Он вставал, однако, чтобы принять дневной рапорт и не позволял входить в свою комнату, пока он не был вполне одет. «Смотрите только, — говорил он мне, — чтобы посетители не оставались у меня больше получаса; это слишком утомляет мой голос».

Кайтель советовал ему вернуться в Берлин. Сперва он отказывался, повторяя, что его отъезд вызовет падение Восточной Пруссии. Затем он заявил:

«Мне нужно вернуть свой голос: я должен говорить к немецкому народу». В начале декабря он вернулся в свою Новую Канцелярию, стоящую среди руин, в которые обратилась столица Германии.

В его убежище ему была сделана операция горла. В течение восьми дней он писал свои приказания на листке бумаги. Он подготавливал тогда наступление в Арденнах, последнюю вспышку былого духа германской армии, последний бросок затравленного зверя. Для этой операции Гитлер вызвал из отставки маршала Рундштедта, уже дважды впадавшего, в немилость. Перед отправлением на фронт маршал явился к фюреру. Надежда на повторение триумфа 1940 года вернула молодость старому солдату. «Какой человек! — сказал Гитлер Кайтелю, — это именно то, что мне сейчас нужно».

В день Рождества Гитлер говорил по радио. Его речь, полная темных и страшных угроз, подействовала на полураздавленную Германию, как освежающая буря. «Мы теряли веру, — говорили многие немцы, — Рождественская речь вернула нам ее на некоторое время». Гитлер обещал новое страшное оружие и ожидание этого оружия поддерживало агонию Германии.

«Целью наступления в Арденнах, — сказал Иодль, — был Антверпен. В течение нескольких дней танки Рундштедта продвигались в Бельгию под прикрытием новых реактивных (беспропеллерных) самолетов. Паника охватила страны, только что освобожденные англо-американцами. Им казалось, что Германия возродилась, но в действительности это была умирающая Германия. Наступление, веденное слабыми силами и на узком фронте, выдохлось».

«Рундштедт, — сказал Гитлер Кайтелю, — слишком стар. У него уже нет необходимой энергии, чтобы поспеть из одной части фронта в другую». До последнего момента человек, погубивший германскую армию, взваливал все неудачи на своих генералов.

Тем не менее, он обошелся с Рундштедтом прилично. Он его освободил от командования с выражением благодарности. Он призвал его к себе, дал ему орден Железного Креста с мечами и дубовыми ветвями и сказал: «Отдыхайте пока; вы мне еще будете нужны».

С этого момента Германия была лишь терзаемой добычей. Мертвое кольцо вокруг нее сомкнулось. С воздуха ее бомбили день и ночь. С запада союзники перешли Рейн — этот

исторический барьер Германии. С востока русские форсировали Одер. Развалины городов пылали. Заводы останавливались; поезда перестали ходить. Угрюмое население с тоской слушало немолчный рокот неприятельских моторов, доносившийся с неба. В фольксштурм (народное ополчение) забирали стариков, детей и даже инвалидов, являвшихся на учение на костылях. Все понимали, что надежды больше нет никакой и все ждали конца, поражения, как избавления. Тем не менее дикая и упрямая воля фюрера еще поднимала на борьбу этот народ, привыкший к беспрекословному повиновению. Придя к власти, он сказал: «Я никогда не капитулирую». Теперь, чтобы сдержать свое слово, он заставил народ истекать кровью.

Он не хотел даже отказаться от остатков своих завоеваний. «Мы держали еще Балканы, Италию, Венгрию и Норвегию. Вместе с западным фронтом, — говорит Кайтель, — это поглощало три четверти наших сил».

И в то же время Германия была захвачена врагами почти вплоть до Берлина.

В середине апреля Кайтель и Иодль заявили Гитлеру, что невозможно помешать соединению американцев с русскими. Они добавили, что дни Берлина сочтены. Гитлер ответил, что война будет продолжаться.

В своей послушности, доходящей до преступления, ОКВ разработало новую организацию обороны. Остатки Великого Райха, незанятые еще неприятелем, — побережье Балтийского моря, часть Восточной Пруссии, Норвегия, Ганновер, район Гамбурга — были соединены под начальством адмирала Дёнитца. Вторая зона была создана из Баварии, Австрии и части Северной Италии. Горный характер южных районов позволял еще дальнейшее сопротивление, продление фикции гитлеровского государства. Было условлено, что фюрер лично примет там командование.

Когда Кайтель и Иодль предложили этот план Гитлеру, он сперва ответил отказом. Пришлось его умолять об этом; под влиянием трагического оборота событий он, наконец, согласился. Он взял свое согласие обратно, когда ему представили на бумаге картину раздела... «Я не подпишу этого никогда, никогда. Прочь с этим...» Взор его упал на обозначения, которые Иодль дал этим двум зонам: север и юг. «Я не хочу этих названий, — сказал он. — Поставьте «зона А» и «зона Б».

В принципе, однако, он в конце концов согласился. Решено было принести Берлин в жертву. Начались приготовления к переходу правительства в новую столицу — Берхтесгаден.

20 апреля был день рождения фюрера. В календарях 1945 года этот день был отмечен крупными красными буквами, но германские города, еще не занятые неприятелем, уже не имели окон, чтобы вывесить из них красные флаги.

Тем не менее, в Канцелярии состоялся прием. К Гитлеру привели группу берлинских мальчиков, отличившихся во время бомбардировки. Потом Геринг, Дёнитц, Борман, Кайтель, Иодль, несколько офицеров и несколько чиновников выстроились в ряд. Гитлер прошел перед ними, пожимая им руки. Когда он подошел к Кайтелю, он сказал ему: «Вы меня спасли. Решение, которое вы заставили меня принять в Растенбурге, было правильно. Благодарю вас». В ответ Кайтель выразил радость, что видит снова фюрера здоровым и бодрым. Никто не заметил по этому поводу, что каждый день этого здоровья стоит Германии тысяч жизней.

Когда это невеселое празднество закончилось, Гитлер приказал прочесть рапорт о военных событиях. Рапорт был длинный и нерадостный. Затем Гитлер говорил с глазу на глаз с Герингом. Когда Кайтель подошел к ним, фюрер сказал ему: «Райхсмаршал выражает желание отправиться в Берхтесгаден; я не вижу к этому препятствий».

«В этот момент, — говорит Кайтель, — было ровно семь часов вечера. Мы едва имели время спуститься в бомбоубежище. Американская авиация помогла ему отметить день рождения фюрера».

Через два дня — 22 апреля — Гитлер был в нервном и подавленном состоянии. Он подозвал к себе Геббельса, потом его жену и детей. Военный рапорт он принял с отсутствующим видом. Когда все встали, чтобы разойтись, Гитлер задержал Бормана и

Кайтеля. Он смотрел на них некоторое время молча, сумрачным, потерянным взглядом. Потом он произнес:

«Я не покину Берлина».

«Я был ошеломлен...», — говорит Кайтель.

Самолеты были готовы. Часть Главного Штаба была уже в Берхтесгадене. И, самое главное, последняя стратегическая комбинация, последняя битва за Германию была построена на оставлении Берлина. Ибо оставалась еще одна надежда, это армия Венка. «Гитлер, — сказал Кайтель, — сам сформировал ее. Он отобрал в нее лучшие дивизии, взятые с различных фронтов. Армия была расположена к югу от Гамбурга, в центральном пункте, прикрытая с востока Эльбой. Гитлер имел намерение бросить ее на сравнительно слабые американские колонны, продвигающиеся из Гарца».

Этот маневр мог иметь успех. Быстрый удар армии Венка мог дезорганизовать американцев, так как их северный фланг был оголен и беззащитен. Инвазия англо-саксов могла быть задержана. Но, конечно, при этом отпадал вариант ожесточенной обороны Берлина.

В этот момент явился служащий отдела печати, вызванный по приказанию фюрера. Гитлер спросил его — распространяется ли на улицах его прокламация и дана ли она для оглашения в радио. Человек отвечал утвердительно.

– Что за прокламация? — спросил Кайтель.

Гитлер скрестил руки.

– Фюрер в Берлине — ответил он. — Он останется в Берлине. Он никогда не покинет Берлина. Он будет защищать Берлин до последнего момента.

Он обратился к Кайтелю:

– Вы отправляетесь завтра в Берхтесгаден.

– Слушаюсь. Когда вы туда приедете?

– Я останусь в Берлине.

– В таком случае я не еду в Берхтесгаден.

– Вы должны подчиняться моим приказам. Где Иодль?

Иодль подошел. Гитлер повторил ему то, что он сказал Кайтелю, и прибавил:

– Вы будете сопровождать маршала в Берхтесгаден.

– Но, — возразил Иодль, — вы не можете руководить операциями из Берлина. Вы не можете командовать без вашего Главного Штаба.

– Райхсмаршал (Геринг) будет командовать за меня. Спор продолжался три часа. Генералы без конца повторяли свои доводы. Если бы они знали, что фюрер хочет защищать Берлин, они приняли бы иные меры, но теперь уже поздно менять планы. Армия Венка ожидала сигнала к наступлению и, быть может, победа еще возможна и не так далека. Защищать Берлин — это значит пожертвовать последним шансом к спасению. Это равносильно самоубийству.

Гитлер не возражал. Он не прерывая генералов. Он не сердился. Он только повторял время от времени глухим голосом:

– Я принял окончательное решение... Я принял окончательное решение... Я его не изменю.

Наконец, они поняли. До самого последнего момента, до абсурда он верил в свою победу. «Он верил, — утверждает Кайтель, — что он спасет Германию силой своего гения». Внезапно он увидел, что все потеряно и что он сам погиб. Все стратегические комбинации бессильны против Судьбы. Не оставалось ни времени, ни места, чтобы закончить новое страшное оружие, которое он готовил втайне — ураниевую бомбу; подземные мастерские, где шли работы по ее изготовлению, были разрушены англо-американской авиацией. Оставалось одно — достойный конец. И он должен был быть здесь, в Берлине, а не в каком-то Берхтесгадене.

Было уже восемь часов вечера. Видя бесплодность своих усилий, Кайтель уступил.

– Я поеду в армию Венка, — сказал он, — чтобы объяснить ему новую ситуацию и

обсудить, что можно сделать для спасения Берлина. Я надеюсь дать Вам ответ завтра утром. Иодль останется в моей главной квартире. Я отправлюсь тотчас же.

— Хорошо, — сказал Гитлер. — Но Вам надо перед отъездом поесть.

Он вдруг стал спокойным, как человек, принявший последнее решение. «Он сам принялся хлопотать, — говорит Кайтель, — чтобы мне подали бутерброды, шоколад и полбутылки коньяку».

Кайтель отправился вместе с Иодлем. Они ехали вместе до главной квартиры, расположенной в Крампнице, на западной окраине Берлина. В темноте автомобиля Иодль произнес медленно:

«Сейчас дело идет только о битве за Берлин. Это совсем новая задача; я буду работать над ней всю ночь».

В Фонтенебло маршалы Наполеона имели мужество пожалеть Францию — историки их в этом несправедливо упрекали. Кайтель и Иодль эти автоматы из Главного Штаба — не имели мужества сказать Гитлеру, что пора прекратить бесполезную бойню.

Через Магдебург — вернее, развалины Магдебурга — Кайтель проехал к генералу Венку. По его словам, он не рассказал Венку обо всем, что происходило в Канцелярии, но лишь известил его о новой задаче — спасти Берлин. Он ему тут же продиктовал приказ, потом он отправился взглянуть на войска. Он говорил в течение ночи с начальниками дивизий и с командирами полков. Впечатление было очень хорошее.

На следующий день, 23 апреля, около часу дня Кайтель был уже снова в Крампнице, в сопровождении Иодля он направился в Канцелярию.

Тишина полумертвого города нарушалась отдельными сухими выстрелами. Иодль пожал плечами. «Это русские дальнобойные орудия начинают обстрел Берлина».

Гитлер казался спокойным. Кайтель наклонился к Иодлю и прошептал ему на ухо: «По-видимому, дела поправляются. Вчера был душевный кризис, сегодня снова все в порядке». В силу долгой привычки, Кайтель судил об общем положении по выражению лица своего повелителя.

Сведения об армии Венка, по-видимому, доставили удовольствие фюреру. Так, по крайней мере, показалось Кайтелю. Быть может, он не заметил, что отчаяние наложило на лицо Гитлера маску, которой еще никогда не бывало: спокойствие.

— Я иду уснуть часа на два, — сказал Кайтель. Затем я отправлюсь в армию Венка. Я осмотрю наши позиции на севере Берлина, затем группу генерала Гейнрици на северо-западе. Я постараюсь двинуть весь фронт вперед и дам вам ответ завтра.

— Вы не успеете, — отвечал Гитлер, — сделать все это за один день. Вы могли бы отправиться к группе Гейнрици завтра или послезавтра.

Фраза неслыханная в устах Гитлера. Человек, который всегда подгонял время и мучил подчиненных своим нетерпением, теперь вдруг заявлял: это не спешно.

Кайтель уехал. 24-го, на обратном пути его автомобиль был остановлен: русские окружали Берлин. ОКБ было уже не в Крампнице, но в бараках в Фюрстенбергском лесу. В полдень Кайтель встретился там с Иодлем. Тот рассказал ему, что он говорил по телефону с фюрером и сделал последнюю попытку склонить его к отъезду из Берлина. Он снова потерпел неудачу.

«Я потребовал самолет на аэродроме в Рехлине, — рассказывает Кайтель. — Я хотел попытаться спуститься в Берлине вечером. Мне сказали, что густой туман окутывает город и что полет надо отложить».

Я попытался тогда собрать несколько батальонов и боевые припасы и переправить их в Берлин по воздуху. Запросил по этому поводу фюрера по телефону. Я припоминаю, что он сказал мне: «Пришлите сперва подкрепления и потом прибывайте сами».

Но на следующий день, 25 апреля, адъютант фюрера фон Белов сообщил мне, что посадочная площадка перед Бранденбургскими воротами изрыта воронками от снарядов и что пристать самолету невозможно. Затем телефон замолк совсем.

«Мы пытались, — говорит Кайтель, — поддержать сношение с Берлином при помощи

радиофонии. Мы подняли привязной воздушный шар с антенной. Передача была отлична, но 28 апреля в полдень, в тот самый момент, когда нам давали Канцелярию, шар был сбит русскими».

За стенами убежища, где протекали последние часы фюрера, никто и никогда больше не услышал голоса, который заставлял трепетать Европу — голоса Гитлера.

Один человек вышел из ада, именуемого Берлином, и успел присоединиться к Кайтелю. Это был генерал авиации Грейм. В тот момент, когда его аэроплан подымался с импровизированной дорожки у Бранденбургских ворот, осколок снаряда раздробил ему ногу. Он сообщил Кайтелю, что между фюрером и Герингом произошла крупная ссора. Геринг, прибыв в Берхтесгаден, телеграфировал, что он принял на себя верховное командование и что он намерен вступить в переговоры о мире. Гитлер ответил смертным приговором Герингу, но, принимая во внимание его многолетние заслуги, он смягчил наказание и ограничился тем, что освободил его от всех его функций. Он, Грейм, назначен был главнокомандующим воздушных сил. Он отправился в Берхтесгаден, но прибыл туда лишь для того, чтобы там умереть, так как во время перелета у него началось заражение крови.

Тем временем Кайтель старался осуществить свой план освобождения Берлина. Армия Венка начала наступление с юго-запада. Она пыталась установить единый фронт, заполнив брешь между группой армий Гейнрици на севере и 9-ой армией на юге. Она подвигалась в полном порядке, приближаясь к Крампницу и Потсдаму. В главной квартире, ютившейся в Фюрстенбергском лесу, был еще проблеск надежды.

И вдруг разнеслась паническая весть: русские подходят! Войска Гейнрици дрогнули и остановились. Солдаты начинали понимать, что их ведут на безнадежное предприятие.

«Я отрешил Гейнрици от командования», — говорит Кайтель. (Жалкая комедия!). Фельдмаршал, бывший всегда лишь безмолвной тенью Гитлера, в последнюю минуту хотел проявить свой авторитет. Он пытался командовать. Как будто поражение автоматически не отрешало от командования всех германских генералов, начиная с него самого!

«Иодль, — продолжает он, — торопил меня с отъездом. Русские приближались. Я еще медлил, так как я надеялся установить сообщение с фюрером. Наконец, нам пора было спасаться. Мы отступили за полчаса до прихода русских».

Вечером в Ваарене, где в большой ферме нашли убежище остатки ОКВ, Кайтелю принесли телеграмму фюрера:

«Это не была, — вспоминает он, — радио-телефонограмма, но настоящая телеграмма. Я дословно помню ее содержание: «Ожидаю помощи Берлину. Что делает группа Гейнрици? Где Венк? Что с 9-ой армией? Почему нет удара танков на севере Берлина?».

Вопросы спешные, тревожные. Быть может, в своем подземном убежище, сотрясаемом разрывами русских снарядов, Гитлер переходил от надежды к отчаянию?

«Иодль, — говорит Кайтель, — приготовил ночью ответ и передал мне. Это было приблизительно следующее:

«У нас нет сведений о 9-ой армии. Венк успешно продвигается к Потсдаму, его части уже достигли озера. Атака танков на Крампниц не имела успеха. Южное крыло Гейнрици отступило к западу». Я прибавил к донесению от себя еще фразу «Я и офицеры вашего Главного Штаба день и ночь с войсками, объясняя им, в чем их задача и что поставлено на карту».

Затем походная главная квартира продолжала свой путь к западу. Она остановилась у Любека. Кайтель снова получил телеграмму от Гитлера, извещавшую, что к нему послан адъютант с новыми приказаниями. Этот адъютант не прибыл.

29-го апреля адмирал Денитц вызвал к себе Кайтеля. Он показал ему телеграмму Гитлера, которою он назначался преемником фюрера. Наконец, 30-го пришла последняя телеграмма, посланная, по мнению Кайтеля, Геббельсом.

В ней стояло:

«Фюрер скончался».